

ВОЙНОЙ ОПАЛЕННЫЕ

**1945 —
2005**

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗДНЕЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

30/03
L.Yot

г. Печора, типография. Зак. № 1050

К63.362.248

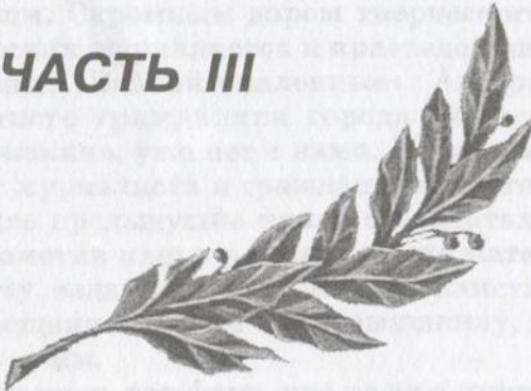
А5

В 65

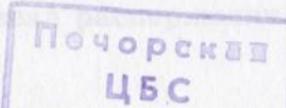
войной опаленные

98024

ЧАСТЬ III

МУП «Издательство «Печорское время», 2005

Войной опаленные. Часть III. — Издательство «Печорское время», 2005. — 296 стр.

Скромный дар ветеранам

Минуло ровно 60 лет с того победного мая, когда советский солдат поставил убедительную точку в борьбе с фашизмом. Скромным даром творческого коллектива печорских журналистов и краеведов является третья книга «Войной опаленные». Автора этой идеи, почетного гражданина города Томаса Иосифовича Семяшкина, уже нет с нами. Но он выполнил свой долг журналиста и гражданина, подготовив к печати две предыдущие книги о солдатах-освободителях, наметив канву и собрав часть материалов к третьему изданию. Коллеги-журналисты сдержали свое обещание, данное Т.И. Семяшкину, и завершили начатое им.

Хотелось бы отметить тот факт, что третья книга появилась на свет благодаря поддержке Главы РК Владимира Александровича Торлопова. 12 января 2004 года он подписал распоряжение о выделении

на эти цели средств из резервного фонда правительства.

В данной книге два раздела: «Они домой с победою пришли» и «Помним». Неумолимые годы берут свое, и вот уже подготовленные к печати очерки не увидят некоторые их герои, но для авторов они все равно живы, поэтому и остались в списке таковых и в разделе «Они домой с победою пришли». Нельзя не помянуть о ветеранах давно и недавно выбывших из строя. О них поведано в разделе «Помним». «И мы их помнить все должны, героев проклятой войны!».

Земной вам поклон, живые и мертвые, победители, за мирное небо над нами, за счастье жить в свободной стране.

Анатолий ЛОБАСТОВ,
глава МО «Город Печора
и подчиненная ему территория».

ОНИ ДОМОЙ С ПОБЕДОЮ ПРИШЛИ

Все меньше тех, кто всю прошел войну
И расписался броско на рейхстаге,
Кто нашу защищал тогда страну,
Мир удивляя фронтовой отвагой.
Они сражались, жизни не щадя,
Встав на пути звериному фашизму
Не ради личной славы и вождя,
А за свою великую Отчизну.
Они домой с Победою пришли,
Слез радости солдатских не скрывая,
На мирный труд, не медля, перешли,
России славу делом умножая.
С тех пор минуло шесть десятков лет.
Фронтовики прадедушками стали.
Но в душах их остался горький след
От той войны, где не жалели стали.
Нам ветеранов надо свято чтить,
Пред ними низко голову склоняя!
Всегда ценить и всей страной любить,
Которую они собою заслоняли!

Евгений ЛАЗАРЕВ.

Ж. МОРГУН

Фронтовые мили Кости Андросенко

(О К.И. Андросенко)

Слушаю рассказ Константина Илларионовича Андросенко и вспоминаю строчки из песни:

*«Ветер за кабиной носится с пылью,
Слева поворот — осторожней, шофер!
Как-нибудь дотянет последнюю милю
Твой надежный друг и товарищ мотор!».*

Это сейчас дотянет, в мирное время. А тогда, в грозные и суровые военные годы, ох как часто не дотягивал мотор! И ветер, носящийся за кабиной, был не столько с пылью, сколько с дымом, копотью, кровью, слезами и горем. Сколько раз удавалось чудом прокочнуть, чудом уйти от прямого попадания, чудом выжить...

И не было на той войне последней мили. Не сосчитать их, фронтовых милей, ведь каждая из них длиною в человеческую жизнь, а порой и в несколько человеческих жизней.

Призван 20 апреля 1943 года из города Кропоткина, что на Кубани, на действительную военную службу. А уже 1 мая Костя Андросенко попал на передовую механиком 191-го запасного стрелкового полка. Это так по-военному называлось. А на самом деле на своей машине — знаменитой «полуторке» — возил минометчиков, а также мины, снаряды и другие боеприпасы к орудиям прямо на передовую. Никто не знает, сколько раз смерть проходила со-

всем рядышком, сковывая леденящим холодком душу, нередко оставляя где-нибудь под сердцем кусочек свинца. Кстати, Константин Илларионович дважды был ранен: в грудь и в ногу. Заросло все за 60 лет. Лишь неприметные шрамы остались. И осколок где-то есть. Раньше его можно было нашупать руками, а теперь за столько лет уже врос в тело, став вечным напоминанием о той далекой уже войне.

10-я гвардейская механизированная бригада в составе танковой дивизии четвертого Украинского фронта прошла славный и героический путь. От деревни Знаменки Кировоградской области (недалеко от Пятихаток) до Берлина и Праги доехал на своей машине фронтовой шофер Костя Андросянко. И не считал, сколько же это милей, и не знал, где она, последняя. Вообще-то, можно сосчитать сегодня. Сосчитать по боевым наградам, а среди них медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», орден Отечественной войны II степени, медаль Жукова.

Еще вспоминаются ему освобождение Западной Украины и Львова, бои на территории Польши и освобождение Кракова. До сегодняшнего дня в душе остались горечь и боль оттого, что не успела тогда их 10-я гвардейская механизированная бригада ровно на 1 день. И спасены были бы разведчики, не давшие фашистам взорвать заминированный Краков и заплатившие за спасенный город самую высокую цену: они были зверски замучены в застенках гестапо. Над их изуродованными телами стоял тогда, сняв головной убор, и Константин Илларионович Андросянко. Еще вспоминает он, как форсировали реку Одер, освобождали город Дрезден, брали Берлин, Прагу.

Начинал войну на фронтовой «полуторке». При одном из артобстрелов от прямого попадания машина была полностью разрушена, а как сам остался жив, даже и сегодня не знает. Пересел на другую машину — «ЗИС-5», которую после бомбежки постигла та же участь. Продолжил войну за рулем американского «Студебекера».

После окончания Великой Отечественной войны для Константина Илларионовича не закончилась. Возвращаясь домой из Европы, на два месяца пришлось задержаться в деревне Буск недалеко от Львова, где свирепствовали тогда банды бандеровцев. Довелось вое-

вать с ними. После ликвидации бандеровских склонов дивизию погрузили в эшелоны и отправили на Дальний Восток.

— Доехали до Ташкента, а там нам сказали, что дальние мы не поедем: кончилась война с японцами. Не успели мы, — рассказывает Константин Илларионович. — После войны до 1950 года я все еще находился в действующей армии. В 1950 году после демобилизации возвратился домой, на Кубань, и устроился на работу водителем автобуса Кропоткинской автобазы. Потом по комсомольской путевке отправился на строительство Бухтарминской ГЭС (на реке Иртыше), где работал в автогараже механиком капитального ремонта.

Через некоторое время переехал в Печору, где работал сперва на автокране в леспромхозе, а немного погодя, когда автокраны были заменены башенными кранами, перешел на работу в воинскую часть, где проработал на автокране более 15 лет. Хорошо работал, очень хорошо, о чем свидетельствуют многочисленные благодарности и Почетные грамоты от командования воинской части.

На всех объектах, строившихся в те годы военными в Печоре, не обходилось без автокрановщика Константина Илларионовича Андросенко. Столько пепелищ, руин и развалин видел он на войне, что до последних дней своей трудовой биографии строил наш город: возводил новые дома, школы, магазины, большой объем работ выполнил при строительстве военных объектов, благоустройстве военторга, улиц и площадей.

Человек за свою жизнь обязательно должен построить дом. А Константин Илларионович построил их столько, что хватит на десятки, нет, на сотни прожитых жизней. Строил и за себя, и за тех, кто навечно остался на полях сражений той страшной войны.

В августе сорок четвертого

(О З.А. Анохиной)

Едва эшелон с теплушками полевого передвижного госпиталя (ППГ) прибыл на станцию украинского городка Бердичев, санитарка Зина Суворкина (девичья фамилия) отправилась за водой. Шел июнь 1944 года, и лето обещало быть знойным. Пробираясь между путями, забытыми составами, она вдруг увидела бегущего к ней красноармейца с расширенными от ужаса глазами.

— Сестра, прячься! Немцы бомбить будут! — кричал солдат.

Зина еще успела краем глаза увидеть самолет, стремительно пикировавший вниз, как на путях взметнулись первые взрывы.

Бомбежка была жестокой. Рвались и трещали подожженные эшелоны с боеприпасами и топливом, повсюду полыхало пламя. В какое-то короткое мгновение затишья Зинаида вскочила, чтобы бежать на станцию, но упавший рядом предупредивший ее боец не шевельнулся. Когда санитарка перевернула солдата на спину, она с ужасом увидела торчащий из его головы осколок.

— Разрушения были страшными, а из нашего госпиталя погибло тогда 25 девушек, — не скрывая горечи говорила при нашей встрече в 2001 году З.А. Анохина. — До сих пор я не могу забыть о своих несчастных подругах.

Родившись в 1922 году в Севастополе, к началу войны волею судьбы Зинаида Алексеевна оказалась в далеком узбекском городе

Самарканде. Здесь пошла работать санитаркой в тыловой госпиталь. В 1943 году, после освобождения нашими войсками Воронежа, госпиталь перевели в разряд ППГ и направили на фронт. 16 сентября 1943 года под Харьковом приняли боевое крещение, начав обработку раненых. Так началась фронтовая биография З.А. Анохиной.

Полтава, Кременчуг, города Западной Украины знакомы ветерану не понаслышке. Повсеместно шли тяжелые бои, раненых было очень много. Несмотря на изматывающий труд, весь медперсонал стремился максимально облегчить страдания раненых бойцов и командиров. Скидок никому не было. Дисциплина была железной.

В августе 1944 года ППГ был развернут в украинском городке Сколе, близ чешской границы. В один из теплых, напоенных ароматом лета вечеров переполненный ранеными госпиталь, расположившийся в местной школе, плотно накрыл шквал ружейно-пулеметного огня. Как оказалось, городок захватили бандеровцы и прежде всего взяли в «кольцо» полевой госпиталь.

— Головы нельзя было поднять, — вспоминает Зинаида Алексеевна, — били по окнам. Все, кто мог встать на защиту — врачи, санитары, легкораненые, начали отражать нападение.

Оружия, конечно, в госпитале было немного, еще меньше боеприпасов. Наши бойцы отвечали редко, стремясь бить только на поражение бандитов. Но кольцо сужалось...

В этот момент, вспоминает З.А. Анохина, ее вызвал политрук госпиталя капитан Скалоуб, вручил две пулеметные ленты, пять гранат и приказал доставить их в отдельно стоящий корпус.

— Заплакала я, — не скрывает Зинаида Алексеевна, — улица пристреляна, страшно. Но политрук сказал: «Это приказ!». И поползла.

— Бог миловал, — после небольшой паузы продолжала она, — доползла до бойцов с боеприпасами. Отбивались всю ночь, а в 6 часов утра подоспели три наших машины с пограничниками в зеленых фуражках. Они, спрыгнув с машин, ударили с ходу, погнали бандеровцев в лес. Там банда и нашла конец.

За мужество, проявленное в бою, З.А. Анохина вскоре была удостоена медали «За отвагу» — награды, высоко чтимой каждым фронтовиком.

После Украины прошла З.А. Анохина Чехию, Польшу, Германию. В немецком городке Цветау была ранена осколком дальнобойного снаряда. Два месяца провела в госпитале и там же встретила Великую Победу.

В сентябре 1945 года З.А. Анохина уволилась из рядов Вооруженных Сил и приехала домой. В 1949 году завербовалась на строительство космодрома Плесецк, где работала трелевщиком. Спустя несколько лет вместе с семьей переехала в Печору. Трудилась в Березовском леспромхозе, на Озernом сплавучастке. Несмотря на тяжелые испытания, выпавшие на ее долю, до 72 лет не оставляла производство. З.А. Анохина сохранила ясность и живость ума, интерес к окружающему. «Внимания бы побольше», — только и посетовала Зинаида Алексеевна, мать пятерых детей и бабушка многочисленных внуков во время нашей последней встречи с ней.

В. ЖЕЛТЫЙ

Схлестнулись в рукопашной

(О Н.Ф. Архипенкове)

Время, что птица, пролетит и не заметишь. Вот уже почти полтора года Николай Архипенков проучился в школе ФЗО, что находится на станции Песь Ленинградской области. Вначале скучал по дому, по родной деревушке Будище, но потом немного освоился на новом месте, куда он попал из Смоленской области по разнарядке Шумячского райисполкома. Здесь он учится хорошей профессии — будет мастером леса и займется лесным хозяйством. Николаю и во сне часто видятся родные смоленские места: вот он уже мастер леса, внимательно и бережливо растит молодую поросль, по-хозяйски ведет вырубку древостоя. Вот он, Колька, идет по сосновому бору и любуется высокими, стройными деревьями... И вдруг в лесную тишину врывается громкий крик: «Подъем! Выходи строиться! Подъем!» Эти слова повторялись несколько раз...

Через две-три минуты на площадке перед учебным корпусом выстроились в шеренги учащиеся школы ФЗО. Замполит, старший лейтенант Иванов, был краток. Он сообщил, что фашистская Германия, нарушив все соглашения, начала войну, ее войска перешли наши границы, и Ленинград — колыбель Октябрьской революции — теперь становится прифронтовым городом. «Учебные занятия временно прекращаются, — сказал замполит и продолжил: — Все учащиеся вместе с преподавательским составом направляются на стро-

ительство оборонительных сооружений. Выезд через час». Учащиеся разошлись, чтобы собраться в дорогу. «А может, запишемся добровольцами в Красную Армию?» — поделился своими мыслями Виталий, друг Николая. «Нет, ничего не получится, — ответил Николай. — Пойдем в трудармию, а там видно будет».

Так все учащиеся школы ФЗО стали трудармейцами. Они и тысячи других людей из разных мест строили оборонительные рубежи под Ленинградом. Сколько земли перекопали, перелопатили! Например, противотанковые рвы рыли семиметровой глубины и столько же метров поката.

Николай был в трудармии до начала сентября 1941 года. А потом в расположение трудармейцев почти ежедневно стали приезжать «сваты» из различных армейских подразделений. Они проводили работу по подбору личного состава в свои воинские части. И Николай Архипенков пошел добровольцем в армию. Зима в тот год была ранней и лютой. Солдаты были одеты в основном в детскую форму. Месяца полтора занимались шагистикой и изучали стрелковое оружие, хотя оно было старое, но и его на всех не хватало. «В бою добудем», — говорил командир учебной роты.

Сорок восьмой запасной стрелковый полк, в котором служил Николай, в конце 41-го года держал оборону на подступах к Ленинграду у станции Мга. Фрицы все время прощупывали ее, стараясь найти в обороне слабое место. Они часами вели бомбёжки и артобстрелы. Земля дрожала и горела вокруг. Потом наступало затишье и враг атаковал наши позиции. Поднимались из окопов и бойцы 48-го стрелкового полка. Вспыхивала рукопашная схватка, которую фашисты не выдерживали и отходили к своим окопам. Потом снова затишье. Но расслабляться нельзя. Трудно угадать, как поведет себя противник завтра или даже через несколько часов. Бойцы, натянув поглубже на головы пилотки и беспрерывно стуча ботинками, всматривались через бруствер своего окопа в сторону врага. Ночью оттуда через каждые десять минут в небо взмывали осветительные ракеты. Много суток подряд бойцы ели и спали в окопах. А мороз все крепчал. Он пробирал до самых костей, сковывал конечности человека, усыпал его мозг. Вот Николай решил изменить положение своего тела, оперся спиной о стенку окопа, чтобы встать на ноги, и завалился на бок. Ноги не слушались его, не держали. Сосед справа

Миша Евдокимов подскочил к Архипенкову, думал помочь ему подняться, но Николай тихо проговорил: «Оставь меня... Ног не поднять, как гири...» Он слышал, как Михаил прокричал: «Санинструктор! Архипенков замерзает, на ноги встать не может...»

Медики дали заключение, что «Н.Ф. Архипенков 1923 года рождения на фронте Великой Отечественной войны получил 27 февраля 1942 года обморожение 1-4 степени пальцев обеих стоп...» Лечился он долго. Ступни ног были черные. Правую хотели ампутировать. Не дал, заявив, что лучше смерть, чем жизнь без ног. Да, зная Николая Федосеевича, верю, что он мог настоять на своем и тем продлил свою фронтовую жизнь. Уже в начале 1943 года он снова участвует в боях. Теперь у него по три лычки на погонах, значит, он — сержант. Его назначили командиром отделения 207-й отдельной разведроты. Разведка — глаза и уши воинского соединения, а это значит, что под рукой у командования всегда должна быть самая свежая и достоверная информация о противнике. Много раз сержант Архипенков во главе разведгруппы ходил за языками или отправлялся в рейд по тылам фашистов и всегда возвращался, успешно выполнив задание.

Как-то начальник особого отдела полка майор Фомин вызвал сержанта к себе и сказал: «Нам нужен язык. Срочно нужен, и не простой солдат, а со званием, с документами штабного характера. Фашисты затеваю какую-то игру, и мы должны раскрыть ее. К нашему району действий немцы проявляют повышенный интерес, так что будьте очень внимательны, товарищ сержант». На задание отправились всем отделением — пятнадцать человек. Разбились на две группы — захвата и охранения. Архипенков пошел с группой захвата. Зашли в одну деревню, она расположена неподалеку от городка Ново Быхово. В ней тихо, только собаки иногда где-то заунывно завывали. Группа захвата прошла по окраине деревни. И здесь, как и говорил майор Фомин, наша разведка почти нос к носу встретилась с немецкой. Группа Архипенкова была готова к этому.

Чтобы не поднимать шума, решили склестнуться с фрицами в рукопашной. В группе захвата было семь человек, а немцев пятеро. Разведчики рассредоточились так, что по команде сержанта (это будет его поднятая вверх рука) все набрасываются на противника и отрезают ему путь к отходу. Немцы, конечно же, растерялись. Сер-

жант прыгнул на одного фрица, заломил ему руку за спину, хотел было схватить и другую, чтобы надеть наручники, но фриц изловился и свободной рукой бросил гранату под себя. Сержант успел крикнуть: «Ребята, не подходите сюда!» И раздался взрыв...

Из той вылазки разведотделение сержанта Архипенкова вернулось с тремя языками. Был среди них и офицер. Два фашиста убиты. Потери нашей разведгруппы — тяжелораненый командир. Его тащили домой на волокуше... В медицинском заключении говорится: «Сержант Н.Ф. Архипенков 24 декабря 1943 года получил множественные осколочные ранения с повреждением берцовой кости и малоберцового нерва, правой стопы...» Николай Федосеевич почти четыре месяца лечился в госпитале, а 11 апреля 1944 года военно-врачебная комиссия признала его негодным к военной службе.

Возвратился Николай в родную деревню Будище инвалидом войны в двадцать один год. Все вокруг разбито-порушено. Война тяжелым катком прошлась по Смоленщине. Что ж, надо строить все заново и обживаться. Но мужских рук не было, только старики и подростки. Все дела вершили трудолюбивые женские руки. В первый же месяц сколотил Архипенков бригаду строителей, и в деревне, как грибы, стали расти жилье дома и другие постройки. Николаю очень пригодились знания, полученные в школе ФЗО. К началу 50-х годов деревня стала подниматься. Посветлели глаза крестьян, заулыбались лица. А Николай решил уехать на Север, там, говорили знатоки, можно хорошо подзаработать.

И уехал Н.Ф. Архипенков в Печору. Работал он мастером леса в Канинском леспромхозе, руководил выкаткой древесины в сплавконторе, трудился и на предприятиях железнодорожного транспорта... Почти сорок лет он проработал в Печоре, а жил в ней полвека. В 1951 году женился. Вместе с женой Марией Федоровной они воспитали трех сыновей и одну дочь. У четы Архипенковых девять внуков и три правнука. Жизнь продолжается. Ради нее боролись и побеждали мужественные люди, такие, как Николай Федосеевич, награжденный за ратные подвиги орденами «Красной Звезды», «Отечественной войны» второй степени и медалью «За отвагу».

На сопках Маньчжурии

(О П.М. Бабченко)

Мы помним по ленте кинохроники парад Победы на Красной площади в Москве 24 июня 1945 года. Но был и другой парад — 3 сентября 1945 года в Харбине, которым войска Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов под командованием советских военачальников Р.Я. Малиновского, К.А. Мерецкова, М.А. Пуркаева, Тихоокеанского флота — И.С. Юмашева и под общим руководством главнокомандующего Маршала Советского Союза А.М. Василевского поставили завершающую точку в войне с императорской Японией. В ровном строю 781-го стрелкового полка Забайкальского фронта, которым командовал Родион Яковлевич Малиновский, в будущем министр обороны СССР, прошел, чеканя шаг, 18-летний старший сержант Петр Бабченко. Отныне, считал солдат, война закончилась и для него. Была она скоротечной и стремительной — 21 день, но и она принесла потери, а с ними похоронки на Родину.

— Неделю шли бои за город Харбин, — вспоминает почти 60 лет спустя ветеран Великой Отечественной, — город большой, промышленный, такой, наверное, как наш Харьков. Авиация бомбила японскую оборону, но танки никак не могли прорваться. Их подбивали из-за угла.

Действительно, сложная задача стояла перед группировкой советских войск. Харбин нельзя было обойти, чтобы ударить с тыла.

Сопки Маньчжурии, о которых поется в песне, высотой до 1500 метров длинной грядой протянулись с Востока на Запад, закрывая собой город. Пришлось идти в лоб врагу.

— Меня вызвал командир батальона капитан Иван Кириллович Несведов и сказал: «Товарищ Бабченко, вам предстоит уничтожить вражеское орудие, которое мешает прохождению наших танков».

Снайперская стрельба Петра была еще ранее отмечена командованием. В снайперской роте, где он воевал, боец отличался хладнокровием, твердостью руки, то есть качествами, из которых складывается почерк хорошего стрелка. Его пули ровно ложились в цель. Был, что называется, без промаха. Поэтому, присвоив внеочередное воинское звание, дали ему командовать отделением ПТР. Противотанковые ружья использовались для уничтожения огневых точек противника, будь то самоходные орудия, танки, пулеметы. На сей раз предстояло уничтожить аналогичное орудие, мешающее нашим «тридцатьчетверкам» с ходу взять город.

Старший сержант хорошенко прицелился, и 500-граммовый бронебойный патрон ПТР аккурат попал японскому орудию в дуло, произведя неимоверный переполох в расположении противника. Okolo развороченной пушки наши бойцы увидели потом пятеро убитых из обслуги.

— За это мне дали орден Славы III степени, — рассказывает ветеран. — Были еще медали за победу над Германией, Японией, но ничего этого не сохранилось. Однажды, будучи на лечении, я лишился всех своих документов. Осталось только одно, — он показал вмятину на затылке. — Это, проломив каску, наделал удар взрывной волны. Я был контужен, лежал в госпитале.

Тем не менее, награды у ветерана есть, ведь с июня 1945 по октябрь 1945 он воевал в действующей армии. После победы над Японией уничтожал вражеских солдат-смертников.

— Нашу 781-ю стрелковую дивизию переформировали в дивизию МВД, — продолжает вспоминать П.М. Бабченко. — И еще 8 месяцев я служил в ее составе. Мы охраняли пленных японцев, а их было 928 тысяч. Нерчинск, где был в ссылке еще И.В. Сталин, Бадайбо, Алдан — эти города мне известны по новому месту службы.

Демобилизовался солдат только 20 декабря 1952 года. А так как призван был вскоре после освобождения Харькова (освободили 23

августа 1943 года, а призвали в октябре), то выходит, что служить пришлось Петру Марковичу целых 9 лет. «Отметился» он и на Западе, когда его истребительный батальон уничтожал скрывавшихся полицаев, старост, бандеровцев и их пособников в Тернопольской, Ровенской, Житомирской областях. Это та же война с потерями с той и другой стороны.

Вернулся домой в село Поповку Большеписаревского района Сумской области. Послевоенная деревня встретила лишениями. Отец — Марк Астафьевич (в первую империалистическую 7 лет отстраивал в австрийских лагерях) и мама — Анастасия Давыдовна желали для своих детей лучшей доли. Но разве война спросила?

В 1955 году он приехал в Каджером на лесозаготовки. Закончив еще до войны 7 классов, Петр Маркович понимал, что этого мало для него. Стремился учиться дальше, а тут и долго размышлять не пришлось, какую профессию избрать. Среднее специальное образование получил в Ухтинской лесотехнической школе (1961 год), затем повышал квалификацию в Ленинградской лесотехнической академии (1968 год). Но и работал: 7 лет валил и трелевал лес, затем был мастером, старшим мастером, бригадиром комплексной бригады, начальником Рыбницкого лесопункта.

С супругой — Ольгой Архиповой, они вырастили двух дочерей. Сейчас уже нет с Петром Марковичем его верной спутницы. Все свои надежды он связывает с внуком Олегом, ему 16. 28 марта 2005 года ветеран отметил 50-летие своей северной биографии. Холодный климат стал ему родным, а северяне — близкими людьми. Он доброжелательный и общительный человек. Петра Марковича хорошо знают во всех службах города. Ездит он и на родину, в Большую Писаревку, к сестре, Анастасии Марковне Василевской. Двоих из 12 детей семьи Бабченко.

«Ешё успеете повоевать...»

(О Г.П. Болдыреве)

«Широка страна моя родная...» Да, хорошая песня о нашей Родине. Ее любили все, она вдохновляла, окрыляла людей, звала их на труд и на подвиги. И никто не чувствовал себя оторванным от общего дела созидания. Этими чувствами жили и в городе, и в деревне, например, такой, как Гамбаловка Оренбургской области. Деревня находится далеко от западной границы нашей страны, однако трагедия июня 1941 года в тот же день докатилась и до этого отдаленного уголка.

В семье Болдыревых мать — Евдокия Емельяновна, узнав о начале войны, всплакнула, глядя на своих трех мужчин: мужа — Павла Яковлевича и сыновей — 14-летнего Григория и младшего Анатолия. Материнское сердце чувствовало, что такая беда обязательно заглянет и в их дом. К тому времени Григорий окончил семь классов и решил поступить учиться в школу ФЗО. Что и сделал. А вскоре, как отличника, его перевели на учебу в машиностроительный техникум города Орска. Григорий учился там с большим желанием, так как с малых лет его тянуло к разного рода машинам и механизмам.

И вот уже позади полгода. Как-то в техникум пришли военные и обратились в дирекцию с просьбой, чтобы в мастерских техникума изготовили металлические койки для госпиталя. И трещала элект-

росварка почти круглосуточно. Заказ был выполнен быстро. За это время учащиеся не один раз побывали в госпитале, посмотрели на раненых... Юношеские сердца встрепенулись от жалости, а потом их переполнила злость к фашистам. И решили ребята добровольно пойти в армию. К ним присоединились парни, эвакуированные из блокадного Ленинграда. Собралось человек тридцать. В военкомате их отговорили: «Еще успеете повоевать, — сказал военком. — Продолжайте учиться и работать в авиационной мастерской. Это вам пригодится. Вон Болдырев как хорошо в моторах разбирается, даже других учит, значит, мастер своего дела...».

Григорий не думал, что эта похвала военкома станет как бы пропуском для службы в армии. Но вскоре его и некоторых других ребят военкомат направил в воинскую часть, где четыре месяца их учили на шоферов. После учебы он служил в 34-м истребительном противотанковом полку, который дислоцировался в Горьковской области. Вооружение — 76-миллиметровые орудия. Стояла осень 1943 года. Солдаты помогали колхозникам убирать урожай. А потом полк отправился на фронт и принял участие в освобождении Украины, в частности городов Пятихатка, Александрия и других. Тяжелые шли бои. Но наши войска упорно наступали.

Осенью 1944 года в боях под Кировоградом Григорий Болдырев был ранен в правую ногу. Лечился при санчасти дивизии. После выздоровления был направлен для прохождения дальнейшей службы в авиационный истребительный полк. Там он обслуживал технику, подвозил материалы и оборудование. Позже ему довелось служить в артиллерийском полку. Теперь уже фронтовые дороги вели по Польше. Была битва за Берлин, в предместье которого был огромный лагерь, где за колючей проволокой находились наши соотечественники, угнанные фашистами в рабство. Григорий видел, как его друг, шофер Павел, остановился перед группой освобожденных невольников и закричал: «Гриша, вон сестренка моя!» Павел побежал к ней... Рассказывая об этом, Григорий Павлович достал из кармана платок и вытер им глаза...

А потом была Прага, куда наши войска двинулись на помощь чехам, восставшим против немецко-фашистских оккупантов. Там и закончилась война для солдата Григория Болдырева. В память об этом он хранит Почетный лист с портретом Верховного Главноко-

мандующего И.В. Сталина. В этом документе говорится: «Рядовому Болдыреву Григорию Павловичу. Приказами Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза товарища Сталина от 2 мая 1945 г. № 359, от 8 мая 1945 г. № 366, от 9 мая № 368 за отличные боевые действия при овладении столицей Германии — Берлином, городом Дрезденом и за освобождение столицы Чехословакии — города Праги всему личному составу вашего соединения, в том числе и Вам, принимавшему активное участие в боях, объявлена благодарность. Командир части полковник Журавлев».

Победа добыта. Но еще целых три года рядовой Болдырев служил Родине. Демобилизовался в 1949 году. Возвратился домой в Оренбургскую область. Потом переехал в Челябинскую. Работал шофером, электросварщиком, автогенщиком. В 1961 году приехал в Печору. Трудился на многих объектах управления «Печорстрой». Куда посылали — туда и ехал. Например, строил котельную и железнодорожный вокзал в Сыктывкаре, Троицко-Печорске... В общем, Г.П. Болдырев, как строитель, искалесил почти всю республику. Его имя занесено в Книгу почета «Печорстроя». Что касается военных наград, то их более десяти.

Два года назад Григорий Павлович и его жена Любовь Ивановна отметили золотую свадьбу. Они воспитали трех дочерей. Есть внуки и правнуки. «Хотелось бы, чтобы их жизнь прошла без орудийного гула, без круtyх поворотов и зигзагов», — говорит старый солдат.

«Ястребки» проявляли мужество и героизм

(О В.В. Букине)

Есть люди очень скорые на подъем, своевременно и точно выполняющие любое порученное им дело. Таким был в молодости, таким старается быть даже сегодня Виктор Васильевич Букин, хотя ему уже под восемьдесят, а иные годы постоянно испытывали его на прочность. Родился В.В. Букин в мае 1927 года в деревне Борисцево Константиновского района Московской области. Он был в семье ребенком-первенцем, а после него родилось еще пятеро детей. Конечно же, на плечи старшего сына в какой-то мере легла забота о младших братьях и сестрах. Виктор учился в школе прилежно. Окончил семь классов, а потом в жизнь семьи Букиных, как и всего нашего народа, вмешалась война. Она пришла в каждый дом, навязанная советской стране немецко-фашистскими захватчиками.

Комсомолец Виктор Букин несколько раз стремился попасть в ряды действующей Красной Армии, чтобы бить врага, но получал, как говорится, от ворот поворот. «Успеешь еще повоевать, а пока надо подрасти, подучиться малость», — говорили юноше работники райвоенкомата. Время шло. В начале 1943 года военкомат совместно с райкомом комсомола проводили специальный комсомольский набор в истребительный батальон под руководством органов государственной безопасности. Таких солдат в народе любовно называли «ястребками».

В то время положение на фронте было все еще сложное, хотя по сравнению с пережитыми периодами войны оно выглядело победным: наши войска уверенно наступали на различных участках фронта. Это всех радовало. Однако военные специалисты понимали, что враг меняет тактику борьбы, а поэтому в некоторых местах, даже в нашем тылу, положение порой было напряженным: фашисты сбрасывали десанты, направляли диверсионные группы, чтобы взрывать линии электропередач, железнодорожные узлы, склады боеприпасов... Умело и мужественно вели борьбу с врагом солдаты и офицеры истребительного батальона, в котором слились воедино молодость, отвага и напористость. И все это вело к заветной цели — победе. По мере того как фронт откатывался на запад, вслед за ним перемещался и истребительный батальон, в котором служил 16-летний солдат Виктор Букин.

В марте 1944 года отдельную группу этого подразделения перебросили под Киев. В составе группы был и Виктор. Там, под Дарницей, «ястребки» задержали несколько немецких шпионов, которые оказались украинскими националистами. При допросе они рассказали, что под Киев, Фастов и другие города сброшены с самолетов группы диверсантов. Им поставлена задача: взрывать стратегические объекты, сеять панику среди местного населения... И под Киевом, и под Фастовым, и в других местах «ястребки» проявили находчивость, мужество и геройзм. Все козни врага были раскрыты, а диверсанты уничтожены.

В октябре 1944 года железнодорожный эшелон, в котором находился и истребительный батальон, попал под бомбежку. Были убитые и раненые. Солдат Виктор Букин был контужен. Лечился он при санчасти батальона. А когда поправился, командование дало ему двухнедельный отпуск, который молодой солдат провел дома. После отпуска он снова служил в истребительном батальоне. Через некоторое время батальон расформировали, а Виктора направили в 45-й учебный механизированный полк...

И вот война закончилась. Но еще пять лет Виктор Васильевич Букин служил родному Отечеству. Был демобилизован из армии в марте 1951 года. Приехал в г. Галицин Звенигородского района. Время было трудное и суровое. Даже слово, сказанное однажды человеком, могло обернуться «делом». И легко можно было уго-

дить в места, куда, как говорится, Макар телят не гонял. И угодил Букин туда на несколько лет.

— Как много в жизни я повидал, — говорит Виктор Васильевич.
— Жил на поселении в поселке Ед Удорского района. Трудился на разных работах...

В Печоре В.В. Букин живет с 1968 года. Его трудолюбивые руки, глубокие знания техники и творческая смекалка решали многие сложные вопросы в механизации производственных процессов, в организации работы треста «Печорлесстрой», на Печорской автобазе управления «Комигазнефтекстстрой», с 1974 года и до выхода на пенсию в 1990 году — в Печорском управлении Федеральной почтовой службы...

В 1969 году пересеклись дороги стрелочкицы Печорского железнодорожного узла Любови Дмитриевны и механика Виктора Васильевича. Они поженились. Родился сын. Его назвали Юрием. Он служил пограничником. Крепыш. Весь в отца. Я видел его несколько раз. Напоминает собой спортсмена-тяжеловеса. Как-то Юрий привез в госпиталь подаренные отцом книги русских писателей-классиков. Он занес в вестибюль две большие сумки, заполненные книгами. Оставил их и уехал. Видно, работа ждала. Позовились тогда с этими сумками. Пришлось их растаривать, чтобы перенести книги...

Смотрел я на Юрия, работника почтовой службы, и представил себе его отца, Виктора Васильевича, в молодом возрасте в пиджаке, на лацканах которого сияют блеском восемь наград за храбрость солдата в Великой Отечественной войне. Есть среди них орден «Красной Звезды» и медаль «За боевые заслуги». Глядя на Юрия — сына фронтовика, я подумал: «Такие парни, как и их отцы, сумеют защитить Россию».

Уж лучше на фронт

(Об А.М. Буториной)

Осеннее солнце светит, да не греет. В маленькую квартиру Анастасии Михайловны Буториной оно заглядывает после полудня, но короток северный денек. Так, наверное, и век человеческий — не оглянешься, как наступает закат. Анастасии Михайловне 85 лет. Что в них было ярким и запоминающимся? Кроме трудов праведных, пожалуй, и вспомнить нечего. 15 лет она, демобилизованная в июне 1945-го, работала в колхозе, что на ее родине, в Кировской области. Да так и не засчитали эти годы в стаж. На Севере трудилась не до 50-ти, как все северянки, а до 59-ти.

Но были в биографии этой женщины и три года войны. А попала в армию Анастасия Буторина из-за своего прямолинейного характера.

— Нашего председателя колхоза взяли на фронт, — вспоминает ветеран. — А мне, выпускнице курсов бригадиров, предложили его заменить. В свои 23 года я хорошо понимала, что собой представляется эта работа. Для фронта изымалось все подчистую. Людям же ничего не оставалось, и они вынуждены были выходить из положения как Бог на душу положит. Вот я и сказала на собрании: «Лучше на фронт, чем быть председателем».

Сказано — сделано: если в то время девчата брали с образованием 10, 7 классов, то для Анастасии Буториной ее четырехклассное не

было препятствием. 13 декабря 1942 года ее призвали из деревни Журавли Туровского сельсовета Сунского района Кировской области и зачислили в 885-й зенитный артиллерийский полк в 28-ю отдельную зенитную бригаду как разведчика-наблюдателя. Бригада охраняла небо над незамерзающим портом в Советском Заполярье.

Налеты вражеской авиации на Мурманск были регулярными и методичными. Чтобы еще на подступах разглядеть в маленьких точках самолеты, и наблюдали за небом разведчицы-зенитчицы. Острый глаз, способность действовать без паники, анализировать ситуацию — этим требованиям вполне отвечала девушка из далекой вятской деревушки. Свои глаза да бинокль — вот и все оружие рядовой Буториной. Оно хотя и не стреляло, но спасало от бомбёжек сотни людей, технику, объекты.

Воюющий Мурманск врагу не удалось поставить на колени, потому что наши зенитная артиллерия, авиация давали должный отпор. Помнит Анастасия Михайловна, что когда в зиму их отправили устанавливать орудия на берегу залива у Кольского полуострова, здесь красовалась огромная доска с надписью «Долина смерти». Именно здесь находили свою смерть вражеский десант, бомбардировщики. Это они искали на чужой земле?

В семье Буториных всегда ждали весточки с фронта. Ведь в армии были брат Василий, Анастасия, а в трудармии отец — Михаил Федорович. Василию пришлось труднее всех: он попал в плен, бежал, снова воевал, был ранен и контужен. Без единой царапины вернулась Анастасия, но и ей досталось. Когда разбомбило ее 3-ю батарею, было много раненых и убитых. «Буторина! Не бросай носилки», — твердила военврач, видя, что девушка, выбиваясь из последних сил, выносит под взрывами окровавленных подруг. В память о тех днях у нее осталась медаль «За оборону Советского Заполярья».

— В 1960-м я приехала в Печору, — возвращаясь к мирной жизни, продолжает разговор Анастасия Михайловна.

Печора в те годы интенсивно строилась, но жилья не хватало. Считалось за счастье получить комнату в бараке. Анастасия Михайловна получила свою первую в жизни благоустроенную квартиру уже будучи на пенсии.

Никакой работы не боялась Анастасия Михайловна. За все бралась с энтузиазмом. Ее уважали в урсе пароходства, откуда пошла

на пенсию. Пока существовало это управление рабочего снабжения, ветеранов приглашали на вечера отдыха, помнили о них в каждую праздничную дату.

У А.М. Буториной есть семейный архив, где в фотографиях разных лет собрана вся хронология событий до войны, во время войны и после. Богата, пожалуй, послевоенная хронология. На снимках дети — Виктор и Николай, четверо внуков. На одном фото внука Эльвира со своим мужем и его братом, сестрой. Снимок сделан в Германии после регистрации брака. Дело в том, что попала Эльвира Буторина — выпускница факультета иняза — в самую что ни на есть немецкую семью. В ней отец, 9 дочерей и 2 сына. Удивительны дела твои, Господи! 60 лет назад мы бились с немцами на фронтах. Сейчас роднимся.

— Может, это судьба, — говорит Анастасия Михайловна, — а может, так и надо. Человек рожден для мира, а не для войны.

А. ЛУКАНЮК

«ЖИВЫМИ ПАМЯТНИКАМИ ХОДИМ ПО ОТВОЕВАННОЙ ЗЕМЛЕ...»

(О Ф.Н. Васильеве)

Что такое война? У каждого повоевавшего на сей счет свой ответ. Для Федора Никитича Васильева война стала школой возмужания, ведь он попал под пули 17-летним мальчишкой. А призвали его, когда ему и 17-ти не было, в ноябре 43-го. Полгода в учебном 21-м стрелковом полку — и на передовую рядовым маршевой роты 43-й армии Прибалтийского фронта. Военных специальностей у бойца целых три — стрелок, минер, артиллерист.

Свое боевое крещение кровью Федор получил 10 августа 1944 года. 43-я армия сражалась за Великие Луки. В одной из боевых операций Федор Васильев получил осколочное ранение в голову. «Твое счастье, — сказал хирург после операции, — потому что еще 1 миллиметр — и ты бы погиб». Солдату в ту пору еще и 18-ти не было. А после госпиталя снова в строй в составе разведроты той же 43-й армии.

Армия двигалась с боями на Прибалтику. Клайпеда, Шяуляй... Дошли до Кенигсберга.

— Немцы превратили этот город в настоящую крепость, — вспоминает ветеран. — мне тоже здесь «досталось».

Когда Федор Васильев в числе сослуживцев сначала 2-го Белорусского фронта, а затем и 3-го пробивался к государственной границе СССР, сердце переполняла радость за то, что не будет фашист-

ская нечисть топтать нашу землю. Границу перешли, но нельзя было останавливаться. В Польше немец оказал страшное сопротивление. 7 октября 1944 года разведчики, всегда шедшие впереди основных сил, попали в окружение. Чтобы вырваться из кольца, предстояло форсировать реку, а для этого нужно было построить перевалу. Разведчики, действуя под непрерывным огнем, все-таки вырвались из окружения. Но Федор Васильев был тяжело ранен в левую руку, потерял три пальца. Вновь госпиталь и вновь передовая. В очередном сражении на польской земле бойца контузило.

Разное бывало на войне, но не ожесточались люди. Тем более, когда знали, что победа близка. Они ценили жизнь.

— Это было в Польше, — рассказывает Федор Никитич. — Я, будучи конвоиром, получил задание от своего командира расстрелять солдат-штрафников. Убивать своих? Нет, это не по мне. За отказ получаю двое суток ареста. Но спустя некоторое время на передовой мы взяли в плен 13 немцев. Нашей разведдроте дали приказ расстрелять пленных. Исполнить поручили мне. Подумал: война идет к концу, а эти немцы — простые солдаты, насилино посланные воевать, они, как все, хотят жить. Я видел, что многим из них нужна медицинская помощь. Тогда вместо «стенки» отвел их в госпиталь. Там не приняли, отвел в другой...

Победу Федор Васильев встретил в Польше, недалеко от города Тиршау.

— Утром 9 мая проснулся от шума, криков: «Гитлер капут! Победа!». В воздух стреляли из всех видов оружия. Люди обнимались, плакали от беспредельной радости. Накрыли стол. Выпили по 100 граммов за Победу. Затем был митинг. Мне 19 лет. Впереди — целая жизнь.

Федор вернулся домой в ноябре 1945 года. В Чувашии в деревне Малые Бикшихи Канашского района в семье Васильевых дождались двух фронтовиков-братьев. Пусть израненные и контуженные, но они пришли победителями.

И потекла мирная жизнь с ее тревогами и хлопотами, радостями и огорчениями. Женился Федор в 19 лет на хорошей, трудолюбивой девушке. В семье фронтовика подрастиали три сына и две дочери. Работал он, как и до войны, завкладом в горкомхозе. Труднова-

то и скучно было молодой семье, потому-то и решили попытать счастья на Севере.

Так оказались Васильевы в Кожве. Федор Никитич работал на Печорской лесобазе на лесорейде, в гараже. Вышел на пенсию, но и после этого еще 17 лет трудился. Трудовой стаж ветерана 53 года. Вот как жизнь складывается у Федора Никитича: рано, еще в 15 лет, после окончания семилетки начал работать на хлебозаводе, затем война, а потом еще полвека тяжелого труда. Он не знал отпуска все эти годы, а теперь не знает и покоя, потому что сердцем переживает за судьбу страны-победительницы. Не за ордена и медали они молодыми воевали. Тогда за что же? За счастливую жизнь после победы. Но были ли они счастливы?

Ф.Н. Васильев за свой ратный подвиг награжден медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», многочисленными юбилейными медалями, орденом Великой Отечественной войны второй степени. За трудовые подвиги в мирное время — медалью «Ветеран труда».

Молодой казак освобождал Украину

(Об И.С. Гайдуке)

Для восемнадцатилетнего крестьянского паренька из хутора Забойский Красноармейского района Краснодарского края год назад привычной была подаваемая им самим команда: «Цоб-цобе!» А теперь вот, перед очередной атакой с пришедшими на помощь танками на сильно укрепленные вражеские позиции в украинской деревне Кобеляки, его оглушили команды: «Взвод, по машинам!» и «Вперед!». Лязг металла гусениц, рев моторов, свист в ушах задымленного ветра, брызги черноземной весенней грязи оглушили и опьянили его. Вцепившись мертвой хваткой в выступы на броне танка, Иван, слившийся с автоматом, втягивая в плечи голову от свистящих пуль и осколков рвущихся снарядов, готовился умом и душой к бою и... к смерти. Но участвовать в бою ему не пришлось, а смерть, проникнув с фашистской пулей ему в живот, почему-то отступила и улетела искать другую жертву. Подобрали Ивана санитары, оказали первую помощь и отправили в медсанбат. Потом последовал полевой госпиталь, а далее — госпитали в Сумах и в Харькове. Пять месяцев был он на излечении. Времени для благодарности судьбе за то, что остался жив, и для автобиографических воспоминаний у него было предостаточно...

Родился Иван Гайдук в сентябре 1924 года на Кубани в бедняцкой семье. Едовая мать воспитывала четверых детей. Ваня был тре-

тым по счету. О том, какой была в 30-х годах в действительности колхозная жизнь, рассказывать нет необходимости. Трудились по лозунгам и не шиковали. Когда старшего брата в 1939 году забрали на пограничную службу в Брест, Ваня был горд этим. А когда пришла весть о его героической гибели в июне 1942 года, он сразу повзросел на несколько лет, но не подрос ни на сантиметр. По этой причине дело доходило до казусов. С февраля 1943 года его трижды провожали с кукурузными лепешками да со слезами в армию за 35 километров пешком от родного хутора в район, но там комиссия его браковала из-за роста, который был всего-то 1 метр 32 сантиметра. Говорили ему: «Иди подрасти, Иванушка!». Когда третий раз горемыку забраковали снова, он устроил своеобразную сидячую забастовку у крыльца райвоенкомата. «Домой больше не пойду, там уже нет ни слез, ни харчей!» — сказал он гарнизонному представителю из Моздока, а тот, подумав, распорядился внести его фамилию в список новобранцев. В мае, пробыв неделю в Моздокском призывном пункте, очутился он в Башкирии в одном из запасных полков. До ноября готовили там молодежь воевать, а потом погрузили в эшелон и отправили на 2-й Украинский фронт, где в декабре 1943 года в составе роты автоматчиков 936-го стрелкового полка, переправившись на правый берег Днепра на окраинах города Черкассы, в районе станции Пятихатки, принял он боевое крещение. А далее пошли бои в районе фронтового участка Шпола-Звенигородка по окружению и уничтожению врага в Корсунь-Шевченковском котле. Сражения были жестокими и потери немалыми, поэтому отправили полк на переформирование, а затем, в конце февраля 1944 года, бросили в прорыв на Умань. И вот по ходу наступления роты укрепления врага в деревне Кобеляки оказались крепким «орешком», таким, что пришлось вызывать на подмогу танки. В одной из атак Ивана крепко «поцеловала» смерть в полость живота, но поцелуй был не взаимным, и солдат остался живым, попав в госпиталь...

Лечился молодой казак в Харькове на улице Трынкина в госпитале, оборудованном в средней школе, начиная с 5 марта по август 1944 года. Посчитав, что он готов снова воевать, начальники отправили его на призывной пункт в городок Бодуханов, а оттуда он пошел в школу подготовки младших командиров зенитной артил-

лерии на станции Основа, что под Харьковом. Три месяца осваивал он 37-миллиметровые зенитные пушки малой зенитной артиллерии, и, получив звание младшего сержанта, в ноябре 1944 года был отправлен снова на 2-й Украинский фронт. В Шепетовке, где размещался штаб 544-го зенитно-артиллерийского полка, он получил назначение в 5-ю батарею 1-го дивизиона на должность наводчика № 1 сферы вертикального боя (2-й номер — горизонтального боя). Когда прибыл в Бердичев на батарею, то увидел, что вооружена она 40-миллиметровыми американскими зенитками. Пришлоось осваивать по ходу боевых действий. Полк шел в передовых частях и принимал на охрану важные стратегические объекты после их освобождения (мосты, станции, заводы, склады, бензохранилища...) до подхода подразделений охраны первого эшелона. После освобождения западных районов Украины полк направили в Тернополь для участия в ликвидации бандеровских формирований, прекращавших вооруженные действия и зверствовавших в населенных пунктах.

Быстро летело военное время, притупляя боль от потерь боевых товарищами. Не успели, как говорится, оглянуться, а уже под колесами железнодорожных платформ мелькала земля Польши, Германии. Прибыл полк на Одер в город Оппельн и принял участие в боевых действиях по ликвидации крупной группировки противника в Бреслау. Потом дошли с боями до города Вальденбург, что в 15 километрах от чехословацкой границы, и 8 мая 1945 года получили известие о Победе. Салютовали из пушек, всех видов личного оружия, устроили прямо на улице праздничное застолье всем составом батареи. Радости не было конца. Но потом опять начались военные будни (уже без боев).

Полк эшелонировали обратно в Оппельн на расформирование, потому что в его личном составе были в основном женщины и они подлежали демобилизации в первую очередь. А молодых парней отправили в Старую Руссу, где при формировании Иван Савельевич попал во внутренние войска и отправлен в Коми АССР в конвойный полк «Печорлага» в подразделение ВСО (военизированная стрелковая охрана).

С весны 1946 года по 1948 год маялся в конвойных отрядах, а затем по 1954 год был инструктором служебно-розыскной собаки.

А далее судьба привела его в учкомбинат ПЖДС («Печорстрой») учиться на шофера. С 1955 по 1958 годы работал шофером в системе «Печорского строительства». И снова по линии военкомата его призвали во внутренние войска инструктором служебно-розыскной собаки в 72-ю команду, базирующуюся на левом берегу Печоры в поселке Кожва. И длилась его служба еще целых два года, пока не попал под очередное сокращение армии в 1960 году. Вернулся в «Печорстрой» на автобазу и трудился там до 1962 года, а затем перешел в Госбанк по той же специальности шофера. Потом с 1975 по 1989 годы, оформив в 1981 году пенсию, работал на аэрологической станции Печоры и шофером, и мотористом катера, и просто рабочим, ибо, будучи пенсионером, не мог сидеть без дела, без общения. Остепенился, когда уж окончательно занемог после неудачной операции в брюшной полости...

Возможно, и скучен перечень лет, но именно в нем просматриваются боевой и трудовой путь конкретного человека, судьба нашего современника, на долю которого выпал тяжелый крест — защищать Отечество от коварного врага и осваивать суровые просторы нашего Печорского края. Свою миссию человека и гражданина он выполнил перед Родиной без претензий. Об этом говорят его награды: орден Отечественной войны и многие медали. Об этом говорит и любовь его супруги — Августы Григорьевны, дочери и любимого внука — будущего защитника нашей многострадальной России.

Пришла повестка

(О Г.Н. Германове)

Григорию Николаевичу Германову в конце прошлого года минуло 85 лет. А встретившись с ним, невольно подумаешь: видать из ладного материала был скроен человек. Косая сажень в плечах, ростом за сто восемьдесят, хорошо посаженная голова — именно таким помнит его пожилой люд нашего поселка, когда он в далеком 1960-м приехал на станцию с названием Глушь, и с тех пор безвыездно в полюбившемся ему Зеленоборске с бесконечными сосновыми лесами да беломошником в окруже.

Родина же Г.Н. Германова — далекая теперь Республика Беларусь. В деревне Незнань, что под городом Климовичи, и был его отчий дом.

Уже передвойной он оказался в Кировской области. Работал в системе потребкооперации. Пришла повестка, и в июне 1942 года он был отправлен на фронт. Через многие фронты прошла его ратная дорога, но в основном воевал в частях 1-го Прибалтийского фронта. Освобождал Псковщину, г. Великие Луки, земли Латвии. Здесь, у города Добель, в конце 1944 года был ранен. Лечился в госпитале. Победу встретил под Ригой. Но служба продолжалась еще полгода. Здесь жил и после демобилизации. Здесь, на латвийской земле, встретил молодую псковитянку, создали семью. И лишь в конце 1947 года подались в Россию. Нелегко было после войны устроить

относительно обеспеченную жизнь. И после нескольких лет проб и перемен Германовы поехали в Коми. Выбор места, как он сам иногда признает, оказался по сердцу.

Почти двадцать лет, до самого выхода на пенсию, Г.Н. Германов работал бессменным бригадиром узкоколейной железной дороги.

Четырех сыновей и дочь вырастили на земле Коми Германовы. Все уже давно взрослые, имеют свои семьи, каждый нашел свое место в жизни. Николай проживает в одном поселке с отцом и работает в лесном хозяйстве. Василий — в Красноярском крае, сын Григорий и дочь Нина обосновались семьями в Архангельской области. Он шофер, она — инженер. И лишь Виктору, погибшему tragически в молодости, не суждено было продолжать род Германовых. Эта незаживающая, в отличие от фронтовой, рана нет-нет да и напоминает ветерану войны о цене человеческой жизни.

О войне же, как он заметил, не хочется лишний раз даже думать. Хотя как вырвать из сердца те три года, за которые он искался тысячи километров фронтовых дорог, повидал столько смертей и неописуемых лишений в людских судьбах!

Да и награды — медали «За отвагу», «За победу над Германией», орден Отечественной войны и другие — напоминают о ратных дорогах.

Как много пройдено дорог...

(О Н.Б. Говядове)

Среди участников войны немало тех, кто изведал плен, немецкие, советские лагеря, был осужден военным трибуналом, а впоследствии реабилитирован, ведь массовые репрессии продолжались и в годы войны. Николай Борисович Говядов, получивший срок 10 лет лагерей, не был из числа несправедливо осужденных. Так случилось, что по его вине погиб однополчанин. Война страшна тем, что обесценивает человеческую жизнь, формируя особое,войной опаленное сознание.

Родом он был из Сибири. Их крестьянская семья перебралась туда из Витебской губернии во время столыпинского переселения.

Он еще не закончил десятый класс, когда 6 января 1943 года пришла повестка на фронт. Направили в Ленинск-Кузнецкое пулеметное училище, что базировалось в Кемеровской области. На приеме командир училища, генерал по званию, спросил, хочет ли он здесь учиться. Не привыкший кривить душой, Николай ответил, что мечтал попасть в артиллерийское. Генерал посчитал это за дерзость и назидательно произнес, что он нужен им тут, и если он чего-то не умеет, его научат, а если не хочет — заставят. Военная муштра началась с того, что строптивого новобранца заставили выучить наизусть присягу. Гоняли по 10 часов в день на полигонах, а кормили плохо: давали 800 граммов хлеба пополам черно-

го с белым. После шести месяцев выпустили экстерном в звании младшего лейтенанта.

Объединив выпускников пяти училищ, образовали гвардейскую дивизию, дислоцировавшуюся под Воронежом. Оттуда пешими колоннами по ночам продвинулись в Чугуев под Харьков. День начинался с подъема, потом — политинформация.

Наши войска уже гнали немцев на Запад, и в начале сентября 1943 года части гвардейской дивизии вступили в бой на Днепре. Он с пулеметом «максим» в паре с Левой Рахманом, высоким, голубоглазым парнем из Алма-атинского минометного училища. Высотку заняли, окопались. И тут дали жару немецкие 10-ствольные минометы, которые наши бойцы называли «Ванюша-скрипач». А «максимины» неудобные, тяжелые, особенно восьмикилограммовые щитки, бойцы старались от них избавиться, потому что в походе надо было на себе тащить пулемет весом в тридцать два килограмма, катить не разрешали: берегли технику больше, чем людей.

Жестокий бой продолжался до вечера. А когда доставили полевую кухню, оказалось, что в живых из роты осталось семь человек. Впервые за долгое время наелись досыта баранины с лапшой: за себя и погибших друзей. Обычно же котелок давали на двоих один, и по этому делу солдаты шутили: «Противотанковое ружье большое — на одного, а котелок маленький — на двоих».

Капитан поднял в последнюю атаку: «Вперед! Ура!», и с ходу налетели на два немецких пулемета, уничтоживших остатки бойцов. Николай отделялся легким ранением и не захотел в госпиталь: боялся потерять друзей по училищу.

А когда ранили тяжело, пришлось добираться до госпиталя. Пролежал больше месяца в г. Полтаве. Отсюда был направлен в артиллерийский запасной полк. Определили в батарею управления штаба дивизии связистом.

В составе 2-го Украинского фронта под командованием маршала Р.Я. Малиновского участвовал в боях за Яссы, Богуслав, форсировал Дунай, потом бои были за Будапешт, Тринаву, Глаговец, Братиславу.

После окончания войны предлагали в артиллерийскую школу на три года. Прельщали хорошим материальным обеспечением.

Но он соскучился по матери, которая нуждалась в помощи: она получила повестку о гибели его отца, ушедшего на фронт в первые дни войны.

В 1945 году их части стояли в Венгрии, в г.Эстергом. «Мы чувствовали себя героями, покорителями Европы. И с дисциплиной, прямо скажем, у нас были проблемы», — говорит Николай Борисович. Он выполнял обязанности диспетчера-заправщика в гараже. В тот роковой день к гаражу подъехал комбат и приказал заправить машину. Бензина не было, оставался только НЗ, и Николай не мог подчиниться. «Завтра в дисциплинарный батальон!» — услышал он слова капитана. Загнанный в тупик, он схватился за автомат и, не целясь, выстрелил в сторону. В этот момент солдат бросился на выручку командиру и угодил под пулю. Все произошло мгновенно.

Перед новым, 1946, годом был суд. Со сроком 10 лет лагерей его повезли на Север. Работал с бригадой на отсыпке железной дороги, был на тачечных работах по выравниванию полотна железной дороги, валил лес на лесоучастке Корольки.

После освобождения остался в Печоре. Окончив Печорское речное училище, работал штурманом-механиком на катере. Жену нашел местную — из печорского села Мокча. Брат Александр, учившийся в Москве в литературном институте им.Горького, убедил его поступить в институт водного транспорта, но учебу завершить не пришлось: в семье появились дети, а с ними — другие обязанности.

Спустя годы, пройдя срок искупления в лагерях, он рассказывал о том трагическом происшествии внешне спокойно. И, слушая его, храброго воина, с боевыми частями прошагавшего пол-Европы, неминуемо приходишь к пониманию, что все они — победители и побежденные, живые и мертвые — жертвы жестокой бойни, именуемой войной. Николай Борисович не дожил до 60-летия Победы всего год.

О. БАРАНЧИКОВА, О. МИРЧУК

Гурьяновы с Ижорского завода

(Об А.И. Гурьянове)

Жить так, чтобы в твой «миг между прошлым и будущим» впресовались грандиозные исторические события, удел очень немногих. Алексей Иванович Гурьянов как раз из числа этих немногих. Он родился еще до Октябрьской революции, 20 мая 1915 года. Его старший брат — Сергей Иванович — служил в царской армии, был георгиевским кавалером, участвовал в гражданской войне. Легендарный нарком, Клим Ворошилов, был знаком с С.И. Гурьяновым лично. Пережил Сергей Иванович и блокаду. Другой брат — Василий Иванович — работал на Ижорском заводе бригадиром, воевал в Отечественную и погиб, защищая Ленинград.

Гурьяновы жили в городе Тосно, что под Ленинградом. Отец работал старшим конюхом на Ижорском заводе, мать вела домашнее хозяйство, воспитывая четверых детей — Сергея, Василия, Ольгу и Алексея. Самый младший из них — Алексей — пошел работать на Ижорский завод учеником огнереза (газосварщика) лишь только закончил начальную школу. Завод выпускал военную технику, а для Гурьяновых он был родным, так как здесь проходили рабочую закалку все мужчины из этой семьи.

22-х лет от роду Алексея призвали в армию. Он служил в 194-ом зенитно-артиллерийском полку орудийным мастером, затем в 192-ом, 351-ом зенитно-артиллерийских полках уже старшим ору-

дийным мастером. Его демобилизовали в октябре 1940 года, а за плечами орудийщика была война с Финляндией.

Но Алексей Иванович не прервал связи с армией и оставался в ней вплоть до начала другой войны, с фашистской Германией. Служил он все в той же должности орудийного мастера, но уже будучи вольнонаемным. Перед новой войной воинская часть дислоцировалась в Латвии. Немецкое наступление закончилось оккупацией этой молодой советской республики. Алексей Иванович попал в плен, бежал, партизанил до самой Победы. В августе 1945 года был вновь принят на работу в свою родную часть 95865 «Б», продолжал службу в Лиепае.

Командование неоднократно поощряло А.И. Гурьянова за добро-совестное и патриотическое отношение к службе. К тому времени он был уже семейным человеком. Свой будущей женой, Еленой Николаевной, Алексей Иванович встретился в Лиепае, в 1946 году они поженились. В Латвии родились дети Люба и Николай. А в 1951 году семья переехала в Печору. Первое время жили в вагончиках, что стояли рядом с паровозным депо. А.И. Гурьянов работал в восстановительном поезде № 6. 12 лет он трудился на железной дороге, затем 10 — на предприятиях геологии, 11 — в горпромкомбинате, откуда в 1984 году ушел на пенсию.

Четыре Гурьяновых воспитала пятерых детей. А еще у них девять внуков и шестеро правнуков. Чтобы младшие помнили о подвиге своего деда и прадеда, в семье хранятся юбилейные награды, медаль Жукова, знак «Фронтовик 1941-1945 г.г.», которые в свое время были вручены Алексею Ивановичу Гурьянову. В список победителей в той страшной войне внесено и его имя, имя паренька с Ижорского военного завода, вся история которого была связана с укреплением обороны страны.

Ж. МОРГУН

Состояние души

(О Н.И. Гурьяновой)

Кубанская казачка Нина Ивановна Гурьянова (Кислова) родилась в станице Ярославской Краснодарского края в 1923 году. Ее отец был зажиточный станичник, и в годы коллективизации вся семья (а было их 13 человек) была раскулачена и репрессирована. В 1933 году, в самую голодовку, покинула семья насиженное место, поехали в Нефтекорск. Рабочие получали деньги, на которые можно было купить хлеб, вот отец и устроился на работу на завод, а Нина в 1934 году пошла в 1-й класс Нефтекорской школы, хоть было ей тогда уже 11 лет.

В 1940 году, закончив семилетку, уехала к двоюродному брату отца — дяде в Сухуми искать свою судьбу. Так как у родителей, кроме нее, было еще трое детей, и все — девчата, а у дяди своих детей не было, он и приютил у себя племянницу. Прожила она у него до 1942 года, работая телефонисткой в участке конторы связи.

Запись в трудовой книжке: «Год 1942, месяц 8, число 10. Уволена в связи с эвакуацией». Только не уехала Нина Ивановна в эвакуацию. С последними частями Советской Армии, покидавшими Сухуми, сбежала она добровольцем на фронт без каких-либо документов. Было на то три причины. Во-первых, очень боялась фашистской оккупации, понимая, что может и не выжить. Во-вторых, знала, что телефонисты в армии очень нужны, что туда берут даже деву-

шек. А в-третьих, не могла сидеть ничего не делая, когда страна в такой опасности. Это не высокие слова. Это убеждение и состояние души людей того времени.

А еще ей хотелось найти в действующей армии своего отца, Ивана Лаврентьевича Кислова, ушедшего на фронт с первым призывом в самом начале войны. Искала его в матушке-пехоте, но не нашла. Только в 1944 году узнала, что всю войну искала его не там. Отец до войны был отменным трактористом, и воевал он совсем рядом, на том же фронте дизелистом на кораблях Черноморского флота. (Кстати, Иван Лаврентьевич прошел всю войну, вернулся домой целым и невредимым и встретился с дочерью уже в 1945 году).

Нина Ивановна была зачислена телефонисткой 236-й стрелковой дивизии 509-го полка в роту связи. Работала на коммутаторе в штабе. От того, как быстро могла она соединить штаб с той или иной частью, подразделением или соединением, зависели порой исход операции, победа или поражение в любом бою.

В декабре 1943 года при освобождении от фашистов родного города Нефтекорска была ранена и отправлена в госпиталь в г. Сочи.

Но на этом ее война не закончилась. После госпиталя Нину Ивановну перевели в запасной полк, а оттуда на курсы санинструкторов. А потом — 55-я гвардейская дивизия в составе 18-й армии, в которой, кстати, воевал и Л.И. Брежнев. Принимала участие в освобождении от немецко-фашистских захватчиков Новороссийска и всего Крыма.

Смотрю я на эту маленькую хрупкую женщину и пытаюсь предстavить, сколько же сил нужно было потратить ей, чтобы вытащить с поля боя солдата, намного большего ее по весу и по росту?! И понимаю я, что только такие люди могли победить в той войне.

После освобождения Крыма Нина Ивановна демобилизовалась из действующей армии и уехала в Туркмению в г. Небит-Даг, где работала телефонисткой в конторе связи всю свою трудовую жизнь.

В 1995 году, оставшись одна после смерти мужа, переехала жить к дочери в г. Печору. Иногда вечерами открывает она заветную красную картонную коробочку и (уже в который раз!) рассматривает свои награды. Среди множества юбилейных медалей бережно хранятся и боевые: орден Отечественной войны II степени, медаль «За отвагу». И еще очень дорожит она медалью Жукова, ставя ее в один ряд с боевыми наградами.

А. ЛУКАНИОК, Н. ШАРЫПОВ

Старший сержант по имени Афанасия

(Об А.Г. Егоровой)

Босоногое детство Афанасии Гавриловны проходило в родной деревне близь города Котельничи Кировской области. Биография предвоенных лет была типичная, как у тысяч ее ровесниц: учеба в школе, после окончания семилетки — учеба в ФЗО и работа. Афанасия до призыва на фронт успела поработать телефонисткой в Котельничах.

12 марта 1942 года 18-летняя Афанасия была призвана на фронт Котельничским военкоматом. В числе многих таких же девушек она прибыла со сборного пункта в город Серпухов, что в Подмосковье, и была зачислена в 45-й зенитно-пулеметный полк для обучения военной профессии.

«Шла жестокая битва за столицу нашей Родины — Москву, — часто в дальнейшем вспоминала Афанасия Гавриловна на встречах с молодежью в школе, детсаде. — Наша задача, задача зенитных расчетов, заключалась в том, чтобы не допустить вражеские самолеты в воздушное пространство над Москвой. Насколько мне известно, в то время в зенитных расчетах служило около 9 тысяч женщин, и все они выполняли эту повседневную работу наравне с мужчинами».

Вокруг Москвы была создана оборонительная система, состоящая из прожекторных световых полей. Попавшие в лучи войско-

вых прожекторов немецкие самолеты подвергались атаке красно-звездных истребителей или обстрелу зенитных орудий.

«Мы, зенитчицы, внесли огромную лепту в разгром немцев под Москвой, — вспоминает Афанасия Гавриловна. — Над Москвой была создана четкая мобильная система противовоздушной обороны. Составной частью ее являлась зенитная артиллерия: зенитки усиливали оборону. Зенитные расчеты если не уничтожали фашистские самолеты, то все равно мешали точности бомбометания».

После разгрома коварных замыслов фашистов под Москвой 45-й зенитно-пулеметный полк был присоединен ко 2-му Белорусскому фронту, которым в то время командовал маршал Г.К. Жуков. Афанасия Гавриловна со своими подругами освобождали Белоруссию, Польшу.

Было очень трудно и опасно на этой войне мужчинам, а тем более женщинам, из-за необустроенностии, постоянной напряженности в вечном ожидании прилета самолетов противника. Надо было быстро и точно принимать решение при приближении немецких бомбардировщиков. Одно из двух: либо ты «накроешь» самолет огнем, либо он тебя. В одной из таких атак зенитный расчет полностью засыпало землей. Афанасия при этом налете была контужена.

После излечения — вновь в свой родной зенитный полк. Конец войны встретила в Кенигсберге. Демобилизовалась в июне 1945 года в звании старшего сержанта. Награждена орденом Красной Звезды и медалью «За победу над Германией».

После войны вышла замуж за Ивана Ивановича Егорова и много лет прожила с ним в поселке Кожва. Работала Афанасия Гаврилова в поселковом узле связи. За веселый характер, порядочность и в то же время принципиальность, честность кожвиницы всегда уважали ее. Вместе с мужем воспитали они троих детей.

С детских лет Афанасия Гавриловна проявляла энергичность, смекалку. Оправдывала надежды, которые возлагал на нее отец, ожидая рождения сына. Он и назвал ее этим именем — Афанасия.

«Самое трудное время на фронте — это зима, ночь, — вспоминает Афанасия Гавриловна. — В ожидании самолетов противника стояли возле зенитных орудий по несколько часов кряду. Мороз пронизывал до костей, не помогали полуушубки и валенки. Валенки были большиими, не успевали просыхать. От холода они, казалось, пример-

зали к ногам. И теперь, на старости лет, ревматизм замучил, как будто фронтовой холод и сегодня пронизывает ноги».

В характере Афанасии Гавrilovны чувствуется внутренний стержень бойца. Будучи сама больной, она до последнего дня жизни мужа, Ивана Ивановича, тоже ветерана войны, вселяла в него надежду на выздоровление, поддерживала хорошее настроение.

После смерти мужа Афанасия Гавриловна Егорова переехала к дочери в Кировскую область.

Сталинград не сдавался

(О М.М. Жемановой)

За плечами этой женщины большой фронтовой и жизненный путь. Родилась М.М. Жеманова 80 лет назад в Луганской области, в деревеньке Троицк. Отец возглавлял колхоз, а мать пекла хлеб для колхозников и занималась домашним хозяйством. Все-таки в семье было четверо детей.

— А я самая маленькая, — вспоминает Мария Михайловна. — Но, несмотря на это, всегда старалась помогать маме по дому. Особенно мне запомнился тяжелый 1933 год. Да, Сталин действительно говорил, что жить стало лучше и веселее, но какое могло быть веселье, если, например, я тогда от голода распухла. И не только я. Все выращенное на полях и огородах почти подчистую забирало государство.

А тут еще грянула война. Мне едва исполнилось шестнадцать лет, как забрали вместе с другими такими же девчушками и вывезли за Дон в город Калач учить на телеграфистов по обслуживанию связью летных подразделений. Приходилось запоминать уйму разных чисел, шифровок во избежание утечки секретной информации.

Как известно, начальный период Великой Отечественной войны складывался далеко не в нашу пользу. Хорошо оснащенные технически, имея большой опыт ведения боев на территории порабощенных западных стран, немецкие полчища стремительно продвига-

лись на восток. Советские войска по раскаленным летним зноем степям отступали в сторону Сталинграда, зачастую просто стихийно, даже теряя связь друг с другом. Среди них была и М.М. Жеманова со своими фронтовыми подругами.

— Этого ужасного зрелища никогда не забыть, — говорит Мария Михайловна. — Случалось, что по трое суток ничего не ели. От усталости и голода едва передвигались. Воды нигде не было. Приходилось пить даже коровью мочу. К тому же не давала покоя вражеская авиация. И так продолжалось вплоть до Сталинграда. Лишь где-то здесь разместили по чердакам и сараям. Только приступили к разворачиванию связи с нашими летными подразделениями, началась вражеская бомбёжка. Кругом невообразимый грохот, дым, огонь, крики раненых и суматоха. А немцы на танках, автомашинах, мотоциклах и другой технике преследуют буквально по пятам.

Однако связь не без помощи самих же летчиков наладить все-таки удалось, и скоро уже наши самолеты появились в небе. Так что чуточку стало полегче. Но бомбёжки и артиллерийские обстрелы Сталинграда не прекращались, и он почти на глазах превращался в руины.

Люди прятались от этого ада кто где мог: в лесах, заброшенных сараях, в других полуразрушенных и разрушенных постройках, помыться не представлялось возможности. Немцы часто забрасывали к нам до зубов вооруженные десанты, приходилось от них отбиваться с оружием в руках и одновременно обеспечивать связь с летными подразделениями.

Конечно, доводилось укрываться от бомбёжек и артобстрелов и нам. Как-то мы с подружкой спрятались под дом, но, к глубокому сожалению и несчастью, это ее не спасло, а я каким-то чудом тогда уцелела.

А однажды, налаживая связь, мы узнали о предстоящем наступлении под Сталинградом нашей армии. И это долгожданное событие скоро действительно произошло. Чем оно закончилось, хорошо известно. С того исторического момента начался закат фашистской Германии. А я пробыла под Сталинградом и в Сталинграде, можно сказать, от начала до конца и со своими боевыми подругами, наверное, тоже внесла частичку заслуг в немеркнувшую победу.

Но война на этом для М.М. Жемановой, конечно же, не закончилась. Ее дальнейшие фронтовые дороги прошли через Россию, Ук-

раину, Польшу, Чехословакию, Германию и закончились в Восточной Пруссии в городе Кенигсберге.

— До сих пор не могу забыть, как отреагировали там наши воины на весть о победе над заклятым врагом, — уносится мыслью в далёкое былое Мария Михайловна. — Началась такая пальба из оружия, что на первых порах с испугом подумалось: уж не немцы ли откуда-то ворвались?! Вот такой громкой и ликующей оказалась радость победы. Ну а нам Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин благодарность объявил.

И М. М. Жеманова показывает пожелавший от времени листок, на котором напечатано: «Приказом И. В. Сталина от 2 мая 1945 г. за отличные боевые действия при овладении столицей Германии — Берлином, городом Дрезденом и за освобождение столицы Чехословакии — города Праги объявляется благодарность всему личному составу, в том числе и Вам».

А вообще, боевой путь М.М. Жемановой отмечен многими наградами, в том числе орденом Великой Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина», Знаком «Фронтовик 1941-1945 гг.» и другими.

В послевоенное время, с 1947 года, М.М. Жеманова много лет, вплоть до выхода на заслуженный отдых, работала на железной дороге, в частности, старшим приемо-сдатчиком на станции Печора. Имеет много поощрений и наград за добросовестный и примерный труд. Ее портрет постоянно висел на Доске почета предприятия.

Ехал я из Берлина

(О Н.Ф. Захарове)

Рязанщина, село Заднепровье — это родина Николая Федоровича Захарова. Здесь 26 июля 1914 года он появился на свет. Мама — Александра Антоновна, как и большинство односельчан, работала на местной текстильной фабрике. Отец — Федор Петрович был бухгалтером, а так как работал в акционерном обществе в Ревеле, то собиралась семья (родители, сын и дочь) нечасто, зато каждая встреча была как праздник. Семей ходили гулять на реку Пра. Революция, гражданская война коснулись и Захаровых. Большевик Федор Петрович во время гражданской был продовольственным комиссаром. По смутным воспоминаниям сына, отца отправили богатеи в 20-е годы.

После смерти мужа Александра Антоновна вышла замуж вторично. А дети, Николай и Антонина, воспитывались у дедушки по материнской линии, который жил в селе Криуша, здесь жила и мама.

Когда Николай закончил начальную школу, пришлось начинать трудовую жизнь. Поступил учеником механика лесопильного завода. Трудился по сокращенному рабочему дню, ведь парнишке не было и 12 лет. Учился токарному, слесарному, кузачному ремеслу охотно. Особенно нравилась работа в кузнице. А еще изучил локомобиль. Любовь к технике, к настоящему мужскому делу помогала осваивать одно ремесло за другим. Комсомольца Захарова в 15 лет направили в Рязань учиться землеустройству в техникуме.

В те самые годы развивались сельскохозяйственные кооперативы. Юный землеустроитель участвовал вместе с инженерами и агрономами в выделении земель нарождающимся хозяйствам. А тут и служба в армии подоспела. Служил в 3-м стрелковом полку Пролетарской стрелковой дивизии в Москве.

Честно отдав долг защитника Родины, Николай Захаров некоторое время работал техником на лесоучастке, проработом, и был направлен в Москву на высшие технические курсы лесной промышленности. А после окончания их трудился плановиком на лесокомбинате. Объем и ответственность очень большие. Но глаза боятся...

На профсоюзной конференции 1938 года Н.Ф. Захарова, а было ему 24 года, назначили техническим инспектором по охране труда и технике безопасности. Инспектировал предприятия Рязанской, Московской, Тамбовской, Калининской областей, чья продукция шла на экспорт.

Война застала его на военных сборах около Тулы. В летних лагерях готовили минометчиков и танкистов. О нападении фашистов резервистам сообщил секретарь обкома партии. Николай, освоив военную специальность, был готов защищать Родину. Активист, комсомолец боец Захаров был зачислен в 514-й стрелковый полк. Прошло несколько дней после начала военных сборов, и уже со свежими силами мчался эшелон к западным границам СССР.

— Мы попали под бомбежку в Белоруссии, — вспоминает ветеран. — Оставшиеся в живых группами уходили в леса, ведь в городах и деревнях уже хозяйничали немцы.

Оккупанты устраивали облавы. В одной из таких «зачисток» им в лапы попалось 16 человек, среди которых был и Н.Ф. Захаров. Погнали на земляные работы, затем вывезли в Германию. Завод в предместье Берлина, куда он попал, выпускал строительные материалы. Владелец его был хорошо расположен к русским, так как в СССР жила его сестра. Вплоть до 1945 года работали здесь военнопленные. Бежали, узнав, что советские войска на подступах к Берлину.

Бывших военнопленных мобилизовали в состав советской армии. Патрулировали улицы Берлина, ведь кругом шли бои местного значения, которые обострялись по ночам. Днем выявляли недобитых фашистов. Как-то бойцов подняли по тревоге еще до рассвета. На

машинах выехали в городок около моря, где проживали иностранцы, собранные здесь с оккупированных территорий. В числе 50-ти подозрительных выявили законспирированных нацистов. Был среди них и руководитель местной фашистской организации.

Окончательно прекратились бои в Берлине, освободители возвращались в эшелонах на Родину. Поехал и Николай Захаров. В Рязани его уже никто не ждал. Бывшая жена уехала на Украину. А Николая Федоровича подстерегала еще одна беда. Проработав примерно два года техническим инспектором лесной промышленности у себя на родине, участник войны получил 25 лет лагерей по ст. 58, якобы за измену Родине. Привезли конвоем в Печору. По приезде был расконвоирован. А работал в «Печорстрое», хорошо помнит Б.П. Грабовского, начальника управления, энергичного, знающего специалиста, человека с характером. Николай Федорович участвовал в строительстве магистрали Печора-Воркута, лесокомбината, кирпичных заводов, депо, объектов в Воркуте.

После смерти Сталина Н.Ф. Захаров был освобожден, но еще долго оставался в Печоре без права выезда. Здесь встретил свою судьбу, коренную ленинградку Ларису Викторовну Крыщик. У нее была маленькая дочь. Затем в семье появились сыновья — Виктор и Александр.

На пенсию Николай Федорович вышел в 81 год, а было это в конце 1995 года. Всю жизнь он много трудился и немалого достиг, но не кичится этим. В его архиве многочисленные благодарности и Почетные грамоты. А на парадном пиджаке ветерана медали «За отвагу» и «Ветеран труда» висят рядом, как свидетельство ратного и трудового подвига человека с открытым сердцем, чистой душой, спокойной совестью.

Наследство Александры Захаровой

(Об А.В. Захаровой)

22 июня 1941 года. С этих самых пор жизнь для советских людей разделилась на две половины. Все хорошее, счастливое и безмятежное осталось в жизни «до войны», а тревоги и неизбежность потерь — в настоящем. Для семьи Нефедовых не было исключений, как и для тысяч других. Отец — Владимир Степанович Нефедов — был кадровым офицером (впоследствии получил звание полковника), мама — Татьяна Петровна — работала на самой вкусной фабрике — кондитерской — начальником цеха. У родителей росли три дочери и два сына. Их дом на окраине Москвы был полон детской радости.

Александра закончила семилетку и в августе 1939 года пошла работать на фабрику № 3 «Красная оборона» Московского городского управления легкой промышленности. Девушка занималась в спортивном обществе «Красное пламя», что было организовано при фабрике. Хроника довоенных лет сохранила в памяти кинопленки парадов на Красной площади. В числе спортсменов, идущих стройными рядами по брусчатке самой главной площади страны, была и Александра. Какой гордостью наполнялись сердца юношей и девушки в те минуты, когда они проходили вдоль трибун!

«Как один человек за любимую Родину встанем!», — неслось из репродукторов праздничной Москвы. Ровесникам Александры при-

шлось своей судьбой осуществить это предначертание песни. В первые месяцы войны комсомольцы фабрики «Красная оборона» после рабочей смены дежурили на крышах, тушили сброшенные с самолетов «зажигалки». А спали тут же, на фабрике, в отдельной комнате. Затем была работа на противотанковых окопах, что рылись на Можайском направлении. Ветеран войны А.В. Захарова вспоминает:

— Окопы глубокие — метра три. Когда налетали «мессеры», мы прыгали вниз, накрывались лопатами (будто это спасет!) и сидели до окончания налета.

19 апреля 1942 года Александру призвали в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Девушку и таких же, как она, определили в 34-ю запасную стрелковую дивизию, в зенитно-прожекторную часть, что дислоцировалась в Шатуре, потом в Туле. Обучали на связистов. Учили устранивать разрывы кабеля, разматывать катушки, обходить мины. На фронт из Тулы ехали еще «по гражданке». Это уже потом получили по гимнастерке, юбке, пилотке, по паре сапог да ремня.

Великие Луки — уже линия фронта. А предстояло здесь перевалифицироваться из связисток в зенитчицы. Зенитчицам ставилась задача: поймать лучом прожектора вражеский самолет и «вести» его, пока не собьют зенитные орудия. Но сначала «слухач» с помощью специальной трубы должен был уловить звук летящего самолета.

Как и у героинь из послевоенного кинофильма «А зори здесь тихие», у девчат-зенитчиц был свой старшина, что заменил им отца.

— В части погибли многие такие, как мы, — возвращаясь мыслями в прошлое, говорит Александра Владимировна. — А нашему расчету повезло, наверное, еще и потому, что старшина Грецких оберегал нас от смерти.

Осенью 1944 года советские войска наступали по всем фронтам. Поэтому полк, в котором служили зенитчицы, перебазировался по направлению Мадона — Рига. Расквартированный под городом Мадона на хуторе полк ожидал наступления на Ригу, Таллинн, однако дальше латвийской столицы не продвинулся. Здесь зенитчицы встретили Победу. В августе 1945 года Александру демобилизовали

Вернулась в Москву, где на ее плечи легли все заботы, ведь она теперь старшая в семье. В 1943 году Нефедовы потеряли четве-

рых: на фронте погибли отец и старший из братьев — Николай (он сгорел в танке), без вести пропал младший — Борис. Не перенеся утрат, умерла от горя мама. Младшие сестренки (3-х и 8-ми лет), оставившие одни в Чувашии, куда были эвакуированы с мамой, сами добрались до Москвы. Тяжело и голодно жилось в послевоенное время. Александра забрала сестер от тети Василисы и уже сама растила их. Работала поваром, затем проводником вагонов. В 1948 году Александра Владимировна познакомилась с фронтовиком Иваном Алексеевичем Захаровым. Они поженились и в апреле 1953-го приехали жить в Коми АССР. Поселились на станции Белки Микуньского отделения Печорской железной дороги.

— После Москвы долго не могла привыкнуть к новой обстановке, — вспоминает Александра Владимировна. Плакала. А вот осталась и живу на Севере 51 год, будто так и надо. В Москве последний раз была в 1985 году.

Семейное счастье длилось для А.В. Захаровой недолго. Через 12 лет умер от ран супруг. Самой пришлось растить сына. Теперь он работает на Печорской ГРЭС, здесь же — внук и внучка. 24 года до выхода на пенсию трудилась Александра Владимировна на железной дороге стрелочником. Жила на станции Бесляна, потом — Княжпогост. В 1999 году она переехала к сыну в Печору.

А.В. Захарова награждена медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», «За победу над Германией», орденом Отечественной войны второй степени, медалью «Ветеран труда». Это наследство, а еще доброе имя оставляет она своим внукам.

О. КАПУСТИНА

У него русская фамилия и судьба

(О Е.П. Иванове)

В белорусском Полесье есть и сугубо русские села. Одно из них — Огородне-Гомельское, что в Добрушском районе Гомельской области. Русские и белорусы всегда были добрыми соседями. По одну сторону реки располагалось село, где самой «говорящей» была фамилия Иванов, а по другую — Колесник, Тумашевич, Кашепаров... Казалось бы, отремели взрывы первой империалистической, отсвистела пулями гражданская, нужна и земле передышка. Но не знала многострадальная родина белых россов, что ее ждет еще одно испытание.

Евстафию Иванову исполнилось в 41-м 18 лет. В Добруше, где он работал на бумажной фабрике «Герой труда», только-только закончив ФЗО, о войне узнали не из выступления наркома Молотова по радио, а по взрывам и подводам раненых на улицах. 13 июля Иванов и такие же парни, как он, были призваны в армию. Из них сформировали 15-й запасной стрелковый полк и под бомбёжками отправили по направлению к Брянску. Но немцы передвигались быстрее пеших призывающих. Они бомбили уже Орел. Бомбили «аккуратно» и методично со свойственной фрицам пунктуальностью — с 9 вечера до 4 утра.

Ребят еще не успели переодеть в уставную форму одежды. Они несколько недель так и оставались в «гражданке». Более года, до

сентября 1942 года, они ходили вокруг да около фронта, пока их не определили в 43-ю армию, 391-ю дивизию, в отдельный лыжный батальон, 2-ю роту. Это был Калининский фронт, а направление самое горячее — Ржевское.

Иванов полгода был в учебном батальоне, но сержантское звание ему не успели присвоить. Одно слово — фронт. Комдив Белобородько — уже обстрелянный командир — ставил задачу комбатам, те — комротам: держать оборону на Волге. В батальоне, где служил Е. Иванов, насчитывалось 800 бойцов. До полусотни человек личного состава «выбивал» из рядов каждый бой, хотя и стоял батальон полгода на одном месте. Был такой приказ: «За Волгой для нас земли нет».

— Немцы и русские были в белых комбинезонах, — вспоминает Евстафий Поликарпович. — Мы друг друга отличали по автоматам. У противника они рожковые, наши ППШ — с диском. Самое обидное — это потери не от пуль. Когда наступали, лед не выдерживал, и многие из нас проваливались. Помочь товарищам не могли: стреляли пулеметы, и командир кричал: «Вперед!».

Из многих позиционных боев вспоминает ветеран этот, что произошел зимой 1943 года:

— Одну из атак мы провели ночью в тыл немцам. Когда начался бой, мы находились в воронке. Ударив противнику в спину, прорвали их оборону. Закрепились на завоеванной позиции человек 70. Немцы контратаковали, а мы — отбивались. Нам довели приказ: «Драться до последнего. Кто выживет — пойдет на переформирование в тыл». Мы отбили у немцев их траншею с утра. Контратаки продолжались до вечера, но бой был неравный. Немцы ползли к нашей траншее под прикрытием пулеметного огня, так что нам не поднять головы. Они доползали и забрасывали нас гранатами.

В блиндаже с 5—6 ранеными оставался и боец Иванов, когда сюда долетели две вражеские гранаты. Они и решили судьбу этих ребят.

В том последнем бою из 70 человек 40 погибли, 28 израненных и 2 здоровых были взяты в плен.

— Потом нас погрузили в вагоны, — продолжает ветеран. — Эшелоны, обстреливаемые партизанами, ушли на Запад. Белоруссия, Литва, Германия. Год концлагеря в Мильберге. Кормили плохо, зато регулярно заставляли выполнять тяжелую работу — выгру-

жать вагоны. В 1944 году были Пирна (20 километров от Дрездена), Тельниц (Чехословакия). Здесь давали ложкку сухого пшена в день. Команду из 60 человек совсем изморили голодом.

Их освободили в 45-м советские войска в том же Тельнице. Из бывших военнопленных сформировали запасной полк, слабых отправили в госпиталь. Тем, кто еще стоял на ногах, устроили проверку. Иванова вызывали к особистам трижды. Проверили — убедились, что в плен попал раненым, что не нарушил присягу, и отправили служить в прибывший из Сталинграда 284-й полк, присвоили звание сержанта, а затем — старшины.

Только в 1947 году старшину демобилизовали. За плечами была служба в Германии, Чехословакии, Австрии. Пришел на родную сторонку, а там... Из семьи Ивановых продолжателем фамилии остался только он. Старший брат погиб на фронте, отец умер еще до войны, мама умерла от голода в 1943-м. Две сестры — кто где... Как поется в той песне: «Ах, война, что ты, подлая, сделала!».

Старшине в запасе предложили на выбор Сахалинскую, Карагандинскую и Северную железные дороги. Он поехал на Север, на станцию Кожва. Здесь на узловой в те годы станции работали три паровоза. Иванов — помощником машиниста на одном из них. На станции встретил он свое счастье — будущую жену Нину Петровну Громову. В 1950-м они расписались. И, как у Ивановых старших, у них двое сыновей и две дочери.

Нет надобности перечислять его награды. Они — знак боевой и мирной доблести дважды ветерана — войны и труда, Евстафия Прокопьевича Иванова, человека с обыкновенной русской фамилией и русской судьбой.

Л. БЕЛЯКОВ

Не страшась фашистских стервятников

(Об О.Г. Кислицыной)

Эту добрую и чуткую женщину наверняка знают и помнят многие печорцы. Ведь О.Г. Кислицына только в Печорском горкоме партии проработала более двадцати лет, в том числе в роли заведующей отделом и помощника первого секретаря. Она всегда встречала посетителей обаятельной улыбкой, с готовностью помочь им или дать хороший совет. А вот о том, что эта женщина прошла через горнило Великой Отечественной войны, пожалуй, даже многие не догадывались из-за ее врожденной скромности.

А родилась Ольга Георгиевна в 1923 году в деревеньке Первое Гусево Горьковской области (в то время Кировской) в крестьянской семье, где было шестеро детей, притом Оленька — самая младшая. Однако, несмотря на это, ей тоже довелось испытать все тяготы крестьянского труда. Одновременно училась и, закончив в райцентре Шаранга среднюю школу, здесь же преподавала математику в младших классах.

Когда фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз, О. Кислицына неоднократно ходила в местный военкомат, просила отправить на фронт сражаться за Родину. И добилась своего. В апреле 1942 года ее направили в 14-й зенитно-прожекторный полк особой Московской армии ПВО.

В задачу девятнадцатилетней девушки входило освещение неба прожекторами в ночное время, чтобы наши зенитчики могли и в темноте сбивать вражеские самолеты. Притом все это, как правило, происходило под неприятельскими бомбёжками и обстрелами. Ведь уже сам по себе светящийся прожектор — хорошая мишень для ее поражения.

— Сколько раз приходилось просто удивляться, каким чудом оставались в живых в море смертоносных осколков и вражеского огня! — с горечью рассказывала о том далеком времени О.Г. Кислицына. — Мы ведь, по сути дела, были совершенно беззащитными перед пикирующими бомбардировщиками с фашистской свастикой, но своих мест у прожекторов, как бы ни было иногда страшно, не покидали. Даром, конечно, это не проходило. Многие фронтовые подруги погибли или попали в госпитали с тяжелыми ранениями... Вот так и проходила наша молодость в пламени, пороховом дыму.

Да, многое пришлось испытать и пережить людям старшего поколения, в том числе и О.Г. Кислицыной, которая в июне 1943 года была переведена в 33-й зенитно-прожекторный полк в качестве начальника радиопеленгатора и возглавила комсомольскую организацию роты.

Вот так и прошла Ольга Георгиевна всю войну, участвуя в боях с немецкой авиацией, пусть на земле, но смело и умело, за что в марте 1944 года ее наградили нагрудным знаком «Отличник ПВО».

В мирное время О.Г. Кислицына в основном работала в партийных органах, была ответственным секретарем газеты «Сталинский клич» в Горьковской области и заведующей типографией. Ее боевые заслуги отмечены медалью «За победу над Германией», орденом Отечественной войны II степени и многими другими наградами, в том числе за созидательный мирный труд. Всего полгода не дожила Ольга Георгиевна до 60-летия Победы.

Скромная труженица войны

(О Л.В. Кожевиной)

В семье агронома и учительницы родилась Лидия Васильевна Кожевина. Это было в 1921 году. Василий Михайлович и Валентина Константиновна Моховы отдали своей дочери-первенцу всю любовь, на которую было способно родительское сердце. А еще доброе имя, уважение, которым пользовалась в народе сельская интеллигенция. Дедушка маленькой Лиды по материнской линии — Константин Верещагин был священником и прожил 90 лет. Фамилия Верещагиных известна еще тем, что дала миру живописца-баталиста Василия Верещагина. Константин и Василий были двоюродными братьями.

Когда Лиде исполнилось 7 лет, отца направили на работу в Сибирь, в Шадринский округ. Из села Шандариха, что в Вятской губернии, семья выехала на лошадях осенью, а добралась к месту назначения только к Пасхе. Отец трудился в сельскохозяйственной коммуне, когда по краю начала распространяться эпидемия брюшного тифа (1932 год). Тифом заболели отец и брат Лиды. Василий Михайлович, уже будучи больным, сделал все возможное, чтобы спасти сына, но сам погиб. Валентина Константиновна осталась одна с четырьмя детьми. Старшая Лида закончила к тому времени два класса школы, но семилетку ей пришлось завершать на родине. Мама с детьми выехала в село Кумены Кировской области.

Возможно, трагедия, произшедшая с отцом, предопределила выбор профессии. Лидия Мохова закончила в 1940 году трехгодичную школу фармацевтов в Кирове. Поработала какое-то время в районной аптеке. В июне 1941 года ей дали отпуск. Собралась было к маме, но по радио объявили о том, что «враг вероломно нарушил границу СССР...»

— 28 июля меня мобилизовали на Дальневосточный фронт, — вспоминает Лидия Васильевна. — Велели взять с собой кружку, котелок, ложку и пару белья.

Вот она, экипированная этим «скарбом», да в парусиновых белых туфлях (других не было) явилась на призывной пункт. Это уже в армии обули и одели по уставу в кирзовые сапоги, синюю суконную юбку да в хлопчатобумажную гимнастерку. И отправили в теплушках на китайскую границу, где уже хозяйничали японцы. От нее до станции Раздольная — места дислокации военного госпиталя, было рукой подать. Разделяла две воюющие стороны — СССР и Японию — река. В жаркие ночи девчата купались в ней, а днем можно было наблюдать, как по ту сторону реки ходили японские часовые.

С 1941 по 1943 годы Лидия Мохова служила заведующей аптекой при госпитале. Значение аптеки не надо умалять, потому что без изготовленных ею лекарств и препаратов бойца не вылечишь. А раненые на Дальний Восток, в глубокий тыл, поступали постоянно. Санитарные составы привозили обожженных танкистов и летчиков, посеченных осколками пехотинцев...

В 1943 году Лидию Васильевну перевели в Хабаровский военный госпиталь, где ей доверили заведование прифронтовым аптечным складом. Там она и встретила свою судьбу. Фельдшеру Тихону Кожевину было 26 лет. Подкупили его основательность, рассудительность и, конечно, роскошные усы. Он много рассказывал о своей родине — селе Мохча, что в богатом лесами Коми крае.

Сколько бойцов после излечения вернулись в строй, а главное — выжили, Лидия Васильевна не знает. Да и не задавалась целью, чтобы подсчитать. Одно можно сказать: это не один, а сотни прошедших огни и воды войны.

В мае 1945 года молодую семью Кожевиных перевели на Южный Сахалин. А в сентябре того же года лейтенанта медицинской

службы Л.В. Кожевину демобилизовали. Затем были Хабаровск, Владивосток, где у Кожевиных в 1947 году родился сын Владимир.

Нынче Лидии Васильевне 83 года. 45 из них она в мире и согласии прожила со своей второй половиной — Тихоном Степановичем. Он до выхода на пенсию работал фельдшером в Ижемской районной больнице, а Лидия Васильевна здесь же — заведующей аптекой. В 1990 году супруга не стало. Уже три года живет Л.В. Кожевина в Печоре вместе с семьей сына. Таких, как она, скромных тружениц войны десятки тысяч. Есть в громком слове «Победа» и их имена.

Под огнем противника

(О М.В. Кондратьеве)

«Глянь на живых,
Пока они живые...
Запомни шрамы их и седину.
Их мужество в те годы грозовые
Спасло от рабства вольную страну».
(П. Крученюк).

Казалось бы, долгие послевоенные годы все более отдаляют нас от Великой Отечественной войны 1941—1945 годов — этого своеобразного исторического памятника героическому подвигу советского народа, его славным погибшим и поныне живущим сыновьям и дочерям. Но, просеиваясь сквозь призму времени, разделяющего год Великой Победы и ее 60-летие, отчетливо выходит на передний план самое существенное, самое незабываемое. За прошедшие годы выросло три поколения. Время неумолимо. Многие знают о той войне по книжкам, школьным учебникам, а кое-кто из молодежи имеет о ней искаженное представление.

А тогда, в далеком 41-м, нарушив договор о ненападении, фашистская Германия без объявления войны обрушила на советские пограничные заставы, другие объекты, города и села всю сокрушительную мощь бронированной лавины в 5,5 млн. человек против

2,9 млн. наших войск, причем на фашистскую Германию работала вся промышленность Европы. И нацелена была вся эта отлаженная машина на уничтожение всего живого на своем пути. Миллионы патриотов, коммунистов и комсомольцев, прекрасных юношей и девушек Советской страны уходили на фронт добровольцами, нередко приписывая себе «лишние» года, грудью вставали на защиту своей Родины от вероломного врага.

Младшему лейтенанту Михаилу Кондратьеву посчастливилось вернуться с полей сражений. Мерно отстукивали километры колеса поезда, в вагоне — душно, потягивает табачным дымком, смех, шутки-прибаутки, а за окном — мелькающие, до боли родные березы да ели... Домой! Что может сравниться с и гасимым чувством радости от того, что все-таки победили, что осталось жив, что впереди — долгожданная встреча с родными! А память упорно цеплялась за прошлое, довоенное, выхватывая из детства и юности какие-то полузабытые эпизоды. Вот они — беспечные и бесштанные пацаны — ловят юрких пескарей в речушке родного села Киселевка. А вот — комната в Карелии, принюхавшая родителей и их троих детей. Учеба в школе, огороды, лес, лыжи — было чем заниматься, скучать не приходилось. Но особое увлечение летом, конечно же, — рыбалка. Благо, озер в тех краях было пруд пруди. Часа два протягают до ближайшего озера Мережки, разлягутся с братом на плоту, дожидаясь ранней зорьки, а там только успевай: в самодельное устройство из прутьев и сетки будто сами ныряли окуньки и ерши, а то и щурят доводилось выловить... Счастливое было времечко! Но погасли вскоре солнечные беззаботные денёчки, отзовенели детские радости — война!

В 1941 году, когда нежданно-негаданно разразилась война с фашистами, многие семьи были спешно эвакуированы в глубь страны: кто — на Дальний Восток, кто — на Урал, кто — на Север, а именинник — в чечору, дохнувшую на них крепкими декабрьскими морозами. Там было устраиваться, приступать к новой жизни. Там, где ныне на берегу возвышается девятиэтажка в речной части города, в ту пору лесозавод уже был. Кроме него, лесотакса, больница утепленная, порт речной строиться начинал. Кто — учиться в школу пошел, кто — работать в столярку. Всем занятие нашлось. А в августе 1942 года 17-летний паренек Миша Кондратьев со своими ровесниками был призван на действительную службу.

— Повезли нас, — вспоминает нынче 80-летний юбиляр Михаил Васильевич, — в Вологодскую область, в город Грязовец. И ведь как на самом деле название города соответствовало действительности! Чего, чего, а грязи было — по колено! Помню: пошагали в столовую: ать-два! А ботинки мне, низкорослому, выдали сорокового размера вместо 36-го (чтоб не особо жали!). Пока «маршировали», я и потерял один ботинок. После этого случая меня освободили от трехразовых коллективных «походов» в столовую. Выкроенное время дало дополнительную возможность тщательно штудировать нужную литературу, разбирать и собирать ручные пулеметы, винтовки — одним словом, усиленно постигать азы военной науки, что пригодилось в дальнейшем.

После Грязовца — Вологда, полковая школа, где Михаил учился, получил звание сержанта, да и сам уже обучал молодых ребят строевой подготовке, умению свободно владеть оружием. Далее — Лепельское пехотное училище, Череповец, где наибольшее внимание минометная и пулеметная роты уделяли стрелковому делу. Период обучения длился в общей сложности примерно с год.

Но вот позади учеба, впереди — Эстония, 3-й Прибалтийский фронт. Шла уже весна 1943 года, ставшая первой весной крупных побед, одержанных Советской Армией на фронтах Великой Отечественной войны. Победы Советской Армии зимой 1942/43 г. крайне осложнили обстановку для гитлеровской Германии и ее союзников. Перспектива войны для них все более ухудшалась. К началу апреля 1943 года линия фронта переместилась далеко на Запад. Почти прямо, за исключением так называемой Курской дуги, тянулась она от Ленинграда до Черного моря.

Весенние месяцы на всех фронтах Великой Отечественной войны, в том числе и 3-м Прибалтийском, были относительно спокойными. Наступило небывалое за всю войну затишье. Обе стороны — и советские, и немецко-фашистские войска — готовились к решающим летним сражениям. Успехи Советской Армии имели огромное международное значение. Для разгрома фашистской группировки в Прибалтике Ставка привлекла войска Ленинградского, трех Прибалтийских фронтов и Краснознаменный Балтийский флот. Однако осенью 1943 года расчленить группировку врага в Прибалтике советским войскам все же не удалось. Тогда был разработан

совершенно иной план, отрезающий противнику пути отхода в Восточную Пруссию. Развивая наступление, советские войска в первой декаде октября вышли на побережье Балтийского моря севернее и южнее Клайпеды. Основные силы группы армий «Север» оказались таким образом отрезанными от Восточной Пруссии, а Клайпеда — блокирована с суши.

В этом грандиозном успехе советских войск на кляйпедском направлении есть вклад и печорского паренька Миши Кондратьева, прибывшего и познакомившегося со своим взводом в начале августа. Первое боевое задание — обеспечить переправу всей роты через водную преграду — речку, перейти на ту сторону и занять оборону. Приказано — сделано. Поднялись ночью, задолго до рассвета. Заранее сколоченные 3 плата доставили к берегу, соединили меж собой, пустили вниз по течению, чтобы их удобно развернуло. Переправлялись по несколько отделений. Немцы, произведя артподготовку, затихли, сначала ничего подозрительного не заметили, лишь изредка постреливали из автоматов, но чем ближе к берегу, тем стрельба все более усиливалась. Бог ли помог, покров темноты или споровка, но первое боевое задание выполнено было вполне удачно. За организацию успешной, без потерь переправы несколько человек, в том числе и командир взвода Михаил Кондратьев, были удостоены ордена Великой Отечественной войны II степени. А сколько таких переправ было после!..

— Вырыли окопы, заняли оборону — ждем. Чувствую: вода из под земли прибывает и прибывает, набухшая пшеница потягивает книзу. Тут приказ командира роты: поднимай взвод и... вперед! И снова — длительные переходы днем и ночью, где бегом, где ползком. Вскоре перекинули на другой участок, снова окопались, перелопачивая неподдающуюся землю, заняли оборону, — вспоминает ветеран.

Надо сказать, блестящие проявили себя в годы войны представители всех родов войск, но наиболее тяжкая участь пришлась все же на долю пехоты. По 30—40 км в сутки продвигалась она вперед и чаще всего по бездорожью: проходила маршем по обочинам дорог, короткими перебежками — при штурме очередного населенного пункта, ползком — при атаке укрепленного рубежа противника. Пехотинцы выбивали фашистов из дзотов, гнали болотами и лесами, штурмовали крепости и, не останавливаясь, шли дальше.

— Под раскатистое многоголосое «Ура!» — вспоминает далее Михаил Васильевич, — поднялась, было, наша рота в атаку, но вдруг совершенно неожиданно выполз со стороны врага немецкий танк и давай «поливать»... Наши танки еще не успели подойти, орудия не подвезли, с автоматами против танка не попрещь. Оглушительный взрыв бросил солдат навзничь... Все попадали, да не все поднялись. Дальнейшие события мне виделись как в тумане.

Не скоро очнулся взводный на больничной койке в медсанбате от тяжелой контузии. Стоит ли говорить, сколь томительны были часы, недели, месяцы неопределенности, слабой, но все-таки надежды на поправку. И все же день этот настал! Бесценный опыт военных эскулапов и молодой здоровый организм победили. Снова в строй, снова марши, снова бесконечные пути-дороги, приводившие в разные войсковые части, снова кровопролитная борьба за каждую пядь родной земли.

Гитлеровское командование, предчувствуя неминуемость разгрома, обороняясь, пыталось возможно дольше сохранить оставшиеся районы Прибалтики в своих руках и значительно усилило действовавшую здесь группировку. Молодые советские республики одни из первых в 1941 году стали объектами фашистской агрессии, и оккупанты цепко ухватились за них. Удержание Прибалтики позволяло Германии прикрывать Восточную Пруссию с северо-востока, обеспечивало господство гитлеровского флота на Балтийском море и связь с Финляндией и Швецией. Большую роль играла Прибалтика и как база снабжения Германии. На рубеже от Финского залива до реки Неман противник держал свыше 57 дивизий, что составляло около четверти всех войск фашистской Германии, находившихся на Восточном фронте. При этом гитлеровские войска опирались на хорошо подготовленные оборонительные рубежи. Тем не менее, советские бойцы самых разных национальностей, в том числе, естественно, и герой данного очерка Михаил Кондратьев, показали в боях за освобождение Прибалтики высокое искусство преодоления многочисленных оборонительных рубежей, наступления в трудных условиях лесисто-болотистой местности, осуществления крупных перегруппировок. Ценой усилий всех народов СССР были очищены от немецко-фашистских захватчиков советские республики Эстония, Литва и Латвия.

Помнится Михаилу Васильевичу и ошеломившее известие о Победе, догнавшее колонну, двигавшуюся на Запад. Разве можно передать словами неуемный восторг, охвативший солдат?! Все было: и шапки вверх, и залпы, объятия и слезы радости, и боевые сто граммов на каждого... Этот привал был, пожалуй, из всех наиболее продолжительным, более месяца.

Западное направление сменилось на 180 градусов, примерно в районе Львова части расформировали: солдат, артиллерию, танки — в эшелоны и... на Восток. Никто еще тогда не знал, что впереди — война с милитаристской Японией.

Без малого только через полгода (в ноябре 1945-го) демобилизован был с фронта Михаил Кондратьев в звании младшего лейтенанта. Скорее домой! Не верилось в близость встречи с родными, которым ранее изредка, но доходили из разных уголков дорогие солдатские треугольнички. Не терпелось встретиться и с младшим братом Иваном, семь лет прослужившим в Мурманской области (г. Ваенга) морским связистом.

... По-прежнему чуть покачивались вагоны, по-прежнему громыхали на стыках колесные пары, по-прежнему, словно в калейдоскопе, прокручивались в памяти картинки далекого детства, раннее взросление в годы войны, учеба, фронтовые будни, койка в медсанбараке... Да было ли все это? Было. Но с каждым новым набегающим километром все более отдалялось, все ощутимее проявлялся завтрашний день уже мирной, послевоенной жизни. Вот и позабытый перрон Печорского вокзала... Здравствуй, новая, теперь уже трудовая, жизни!

Сорок два года отдал речному порту Михаил Васильевич Кондратьев. В его трудовой книжке — одна-единственная запись об устройстве на работу, менялась только специализация. Замещал начальника отдела кадров, был грузовым диспетчером, замом начальника грузового участка, сменным помощником, инженером-технологом по перевозке грузов, ревизором коммерческого отдела, откуда и вышел на пенсию. За долгие годы трудовой деятельности он не только снискнул к себе заслуженное уважение портовских коллег, но и многократно поощрялся руководством пароходства и порта. На его счету, помимо орденов Великой Отечественной войны I и II степеней, почетный знак «Фронтовик 1941-1945 г.г.», значок

«Отличник соцсоревнования речного флота», Почетная грамота Президиума Верховного Совета Коми АССР за многолетний и добросовестный труд и другие.

Здесь же, в Печоре, встретил он и свою любовь в образе молоденькой девушки Аси, с которой не расстается по сей день. Работала она тогда фельдшером печорской «неотложки». Охотно вспоминали, как приходилось ночью запросто ходить по городу: Михаилу Васильевичу — оповещать грузчиков и механизаторов о прибытии состава с углем, Асе Семеновне — обслуживать вызова, которых, бывало, за ночь в период, скажем, эпидемии гриппа, скапливалось до нескольких десятков. Меня, современную жительницу, ходившую в те годы под стол пешком, как говорят, удивило полное отсутствие какой бы то ни было связи: «Как?.. И телефонов не было?» Услышав этот вопрос, супруги только добродушно рассмеялись. В какие только закоулки города не выбирались по вызовам с чемоданчиком вчерашие выпускницы Архангельской фельдшерской школы Ася и ее однокурсница. Если требовалось кого-то срочно привезти, вызывали конюха с лошадью. Лошадь по тем временам была незаменимым видом транспорта.

«Да... Были люди в наше время, — не то, что нынешнее племя». Сколько полегло их за праведную жизнь, за родную советскую землю, а нынче эту самую кормилицу нашу землю-матушку, что называется, с молотка продают за чужие доллары, чужим хозяевам вместе с домами, на них расположеннымися... Тяжко сознавать это ветеранам, ох, как тяжко! Оттого и болят душевые раны. Оттаять, хотя бы чуточку согреть сердца любимых старичков своих помогают, как всегда, желанные дети и孙子女, нагрянувшие с поздравлениями и подарками к 80-летию дедушки-фронтовика, которое в теплой, семейной обстановке отметили 21 ноября 2004 года.

Восемь десятков уже — шутка ли? Видно, лишь сильные духом и способныправляться с преследующей старостью, и, казалось бы, в невозвратное прошлое канула эта страшная война, но

«В длинные ночи не хочется спать,
Колотится сердце в тревоге,
И он вспоминает опять и опять
Свои фронтовые дороги...»

Закалка на всю жизнь

(О В.И. Круглове)

Еще в юности, часто бывая в здании Печорского бассейнового управления пути, я всегда останавливалась у стенд «Они сражались за Родину», где были вывешены портреты управляемцев — участников Великой Отечественной войны. Среди них была и фотография Василия Ивановича Круглова. Позже со многими из тех, чьи портреты красовались на этом стенде, довелось познакомиться по материалам местной печати. Но ни разу не видела упоминаний о В.И. Круглове. Между тем, часто встречая ветерана в управлении, как-то внутренне ощущала симпатию к этому человеку. Неизменно опрятный, деловой, он не относился к разряду балагуров, а подкупал какой-то неподдельной скромностью, которая, кажется, выражалась даже в его походке. И никогда ни от кого не слышала в его адрес ни реплики, ни дурных пересудов, ни просто плохого слова. А ведь он занимал высокую должность — главный бухгалтер управления, чему посвятил всю послевоенную трудовую жизнь. А не «светился» на газетных страницах, так это оттого, что не умел и не желал выделяться, напрашиваться на похвалу, чем, как известно, нередко грешат далеко не столь заслуженные люди. Он просто всю жизнь, на войне и в мирное время, спокойно нес свою службу, отдавая ей все силы, знания и умение.

...Многодетная семья Кругловых попала в наши края в 30-е годы. Отца метили на родине в председатели колхоза, а попал... в ссылку. В Усть-Усе старшего Круглова назначили счетоводом. Беда сразу свалилась на эту большую семью — заболели тифом. Но судьба отнеслась благосклонно — выжили.

С малых лет Василий был рядом с отцом, рано постигнув премудрости отцовского дела. В несовершеннолетнем возрасте еще его назначили делопроизводителем. И не было восемнадцати, когда начал работать бухгалтером «Торгречтранса» в Усть-Усе. В этой должности и застала В.И. Круглова Великая Отечественная.

Но прежде чем пойти в армию, юноша сполна ощутил дыхание сурового военного времени в родных печорских краях. Печальной строкой в историю Припечорья вошел вооруженный мятеж лагерников в январе 1942 года, по сути, поддержавших фашизм. Василий Иванович оказался свидетелем их чудовищных выходок, и ощущение ужаса, охватившего тогда все местное население, сохранилось в нем на всю жизнь. Озлобленные зеки-мятежники только в Усть-Усе убили 14 человек. Погиб начальник милиции. Это был шок для сельчан. До сих пор в памяти тогдашнего молодого бухгалтера момент похорон, два ряда гробов... Казалось, стонала вся печорская земля.

После этого всех, способных держать оружие, мобилизовали на охрану села. Более месяца «отслужил в ополчении» и В.И. Круглов. А через некоторое время ему пришла повестка в армию.

До Кожвы группа припечорских новобранцев шла пешком. Потом посадили в теплушки и направили в Котлас. Долгой была дорога к месту постоянной службы, но наконец прибыли в Вологду, где прошло распределение. В.И. Круглов попал в 29-ю запасную стрелковую бригаду, что базировалась в городе Грязовец. Это был май 1942 года. Назначили его писарем.

И тут я не могу не сделать маленькое отступление. Не раз доводилось писать об участниках Великой Отечественной войны, которые за все годы службы не произвели ни единого выстрела, и немца-то живого не видели. Но всегда думалось: разве можно приуменьшать их роль в достижении успехов Советской Армии на фронтах, в достижении Победы? Да как без них, вроде и незаметных, неброских? Вот в числе таких был и В.И. Круглов.

А писарь в условиях войны намного значительнее, чем в годы мирной службы. Став писарем, он проявил все свои лучшие качества: удивительную работоспособность, редкостную аккуратность, пунктуальность. И вскоре его, уже старшину административной службы, перевели в штаб дивизии.

Напряжение в службе было большое. При формировании эшелонов документы готовили без сна и отдыха, при керосиновых лампах. Принимали раненых бойцов, направляя на транспорт в госпиталь. До того дотрудился старшина Круглов, что с его опухших ног однажды не могли снять сапоги. Пришлось разрезать. И надо бы в госпиталь, а он, едва натянув новую пару, сразу на свой пост.

Когда началась массовая мобилизация на фронт, в число направляемых на передовую попал и В.И. Круглов. Василий Иванович воспринял это не то что спокойно, а с тревогой, присущим тогда патриотическим вдохновением. Распрошавшись со штабной канцелярией, старшина Круглов устроился с солдатами в вагоне-теплушке. Состав был готов к отправлению на фронт, как вдруг с перрона донеслась команда: «Круглов, на выход!». Позже Василий Иванович узнал, что его непосредственный начальник получил «нахлобучку» от только что прибывшего в полк вышестоящего руководства за то... Впрочем, надо ли объяснять? Об усердии, отношении к службе старшины Круглова было известно далеко за пределами полка, в котором он служил. В том же, 1944-м году, в полк пришел приказ народного комиссара Союза ССР о присвоении старшине административной службы В.И. Круглову звания «Отличник Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

Демобилизовавшись в 1945-м году, В.И. Круглов приехал на Печору. Сразу встретился со своей давней знакомой молоденькой учительницей Анной, по которой очень скучал в годы разлуки. Эти же чувства испытывала и она. Поженились в тот же год. И до конца жизни в любви и согласии прожили пенсионеры-ветераны Василий Иванович и Анна Мартыновна Кругловы. Пятерых детей вырастили. Они — самые желанные гости в квартире Кругловых-старших. По семье внуков и правнуков нажили ветераны. А дети их — просто родительская гордость, каждый из которых — яркая индивидуальность. Все в Печоре. Разве что младшая Екатерина в Москве. Она — доцент Московского государственного педагогического

университета, кандидат наук. И не только. В 2000 году с отличием окончившая Московский литературный институт имени Горького, Екатерина выпустила свой первый сборник стихов «На перекрестье параллелей», посвятив его своим дорогим родителям. Это стало самым приятным подарком замечательным труженикам-ветеранам Василию Ивановичу и Анне Мартыновне Кругловым в честь 55-летия их совместной жизни.

Этот очерк напомнит о замечательном человеке, ветеране и труженике В.И. Круглове, которому не суждено встретить 60-летие Победы.

Все еще снятся солдату бои...

(Об А.А. Кукушкине)

В Печорском филиале республиканского госпиталя ветеранов войн и участников боевых действий распорядок дня от подъема до отбоя расписан по минутам. Установлен и срок, во время которого пациент пройдет курс лечения, — три недели. Когда меня, как говорится, госпитализировали, то определили место в палате, где к тому времени пустовали две койки. Одну занял я, а на вторую через пять дней улегся Алексей Алексеевич Кукушкин. И потекла наша госпитальная жизнь с ее распорядком. Через определенное время в палате освободилась одна койка, затем вторая. И вот мы с Кукушкиным остались вдвоем. «Теперь, Василич, скоро подойдет твоя очередь на дембель, — сказал он. — После тебя я на неделю останусь в палате один, если не подселят кого-нибудь. Не люблю одиночества, ведь человек — существо коллективное...» Это я понял сразу, с первых дней, как только Кукушкин появился в нашей палате: общительный, разговорчивый он замыкался в себе лишь тогда, когда надевал наушники, чтобы послушать какие-то кассеты с музыкальными записями... Спал Алексей Алексеевич тревожно: что-то бормотал, громко покашливал. Как-то утром Кукушкин сказал: «Сегодня мне наш ротный приснился. Хороший был командир. О солдатах всегда думал. Из одного котелка кашу с ним ели. Я при нем связистом состоял...»

Вот так, можно сказать, произвольно я повстречал в госпитале ветерана Великой Отечественной войны. Правда, бывших российских воинов здесь можно увидеть много, но все они — участники боевых действий последних десятилетий. Солдаты сороковых годов прошлого века уходят с арены в мир иной... Ведь самым молодым советским воинам, разбившим фашизм, сегодня уже семьдесят семь лет...

— А ты молодцом выглядишь, Алексеевич. Если бы не трость в руке и колено сгибалось..., — тут я умолк, так как понял, что перегнулся малость с юмором. Но Кукушкин уже принял игру и спросил, улыбаясь: «Так что было бы, невесту нашли бы, а?.. Так не нужна она мне. Моя Матрена Трофимовна лучше всех!!!»

Алексей Алексеевич Кукушкин родился в июне 1925 года в крестьянской семье, которая жила тогда в деревне Большая Песчаная Тверской губернии. Алексей, как и все в семье, рано был приучен к труду. Когда началась Великая Отечественная война, ему было 15 лет. В 1942 году он окончил курсы трактористов и работал на тракторе «СТЗ». В январе 1943 года Алексея призвали в армию и направили на Дальний Восток. Там наши воины следили за поведением японцев, которые иногда браятали оружием. Так прошел год. А потом войсковую часть, в которой служил А. Кукушкин, перебросили на Западный фронт, где на Варшавском направлении шли ожесточенные бои. Алексей служил связистом. Корректировал стрельбу наших пушек и минометов. Фашисты засели на высотах, у них обзор хороший, а наши солдаты — в низине. Им, конечно, было труднее. Во время минометного обстрела Алексея тяжело ранили. Об этом он сообщил командиру. Прибыли санитары и оказали ему помощь. А потом — медсанбат, госпиталь. Целый год он провел в больничных палатах. Лечился в Киеве. Там же медицинская комиссия дала заключение: «К службе не пригоден».

Возвратился Алексей Кукушкин домой. Поработал на тракторе. Женился. Но трудно было жить в деревне. Решил поискать другое место. Обратился в пункт оргнабора. Там окинули его взглядом: на вид он мужик рослый, крепкий — сказали: «Можно взять, только вот что, сегодня же медкомиссию надо пройти». От последних слов этой фразы у Алексея мурашки заползали по спине и он подумал: «Комиссия тормознет дело, у меня ранение ведь. Надо искать вы-

ход». Его подсказали всезнающие люди: «Не подмажешь — не поедешь». Обратился к руководителю группы и поведал ему о ранении. Тот выслушал его и сказал: «Все можно решить. Приходи к отправке, что-нибудь придумаем. Обычно в последний момент кто-то отказывается от поездки, появляется вакансия. В общем, с тебя пузырь и все будет в ажуре».

Так бывший солдат А.А. Кукушкин в начале 50-х годов оказался в Печорском kraе, в поселке Трубоседъель. Работал на бульдозере. Сыл умелым механизатором и хорошим семьянином. В праздничные дни он с гордостью носил пиджак, на котором блеском сияли боевые награды: орден Отечественной войны второй степени, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Но в апреле 1990 года случилась беда: в поселке сгорел дом, в котором проживали четыре семьи. Сгорело все. Люди успели выхватить из пламени только то, что попало под руки. Алексей Алексеевич, задыхаясь в дыму, нашупал и сорвал с вешалки пиджак, на котором были приколоты орден и медали. Награды спас, а документы на них сгорели, так как они лежали в другом месте. Теперь носить пиджак с наградами, не имея документов на них, Алексей Алексеевич не решается. Единственный документ о военных годах и прожитой жизни — пенсионное удостоверение ветерана Великой Отечественной войны. Может, кто-нибудь из работников горвоенкомата или городского совета ветеранов поможет А.А. Кукушкину решить эту проблему. Сейчас он живет в поселке Изъю.

...Жизнь продолжается. Родственные нити Кукушкиных шириятся, разрастаются. Алексей Алексеевич и Матрена Трофимовна воспитали пятерых детей. У них есть пятеро внуков и четыре правнука. Здоровья и счастья всем вам!

Всем смертям назло

(О Г.В. Локтющенкове)

«Тогда от неба и до земли
Летели клочья седого дыма,
И только люди сносить могли,
Что для камней невыносимо...»

(М. Матусовский).

В июне 1941 года уже гремели бои. Но еще тихо и спокойно было на запыленных улочках поселка Алтухово, что на Брянщине. К осени и сюда дотянулись цепкие клещи фашистской оккупации. Поселковых пацанов, увлеченных игрой, вдруг отрезвила резкая немецкая речь чужаков в невиданной ранее форме.

— Я был тогда шкет еще, хотя и 15-ти лет, — вспоминает тот октябрьский день Григорий Васильевич Локтющенков. — Как раз перед войной старший брат привез мне из действующей армии «немыслимый» подарок — фурражку с лакированным черным козырьком, которая стала предметом гордости для меня (я ее почти и не снимал) и предметом зависти для всех дружков-мальчишек нашего поселка. Бегаем мы, значит, играем, вдруг видим: немцы! Один из них этак повелительно подзывает к себе пальцем, цап за плечо и спрашивает: «Ду юдэ?!» Остальные немцы окружили и чуть не хором, подзуживая, орут: «Юдэ! Юдэ! Юдэ!» Не известно, чем это могло все кончиться, поскольку я и впрямь очень даже

был похож в этой фуражке на еврея, но женщина, что оказалась напротив, увидев, подбежала, схватила меня за руку и утащила за собой, выкрикивая на ходу: «Нет! Русский он! Русский! Ей-богу, русский!» Низкий поклон той женщине! Не окажись она рядом в тот момент, кто знает, что могло случиться. Может, и в самом деле от смерти спасла...

— На постое в Алтухово, слава богу, месяца два с лишним никого не было. И тут под самый Новый год приезжает целая команда в черной одежде с фашистской свастикой — эсэсовцы! Нам любопытно: чего это их принесло? Остановились в здании школы и... началось. Всегда ведь за ними — лишь черный кровавый след стелется. Не забыть, как первоначально забрали и повели на расстрел самого активного коммуниста. Гордо, с презрением к врагам шел он навстречу своей гибели. Только и успел крикнуть: «Да здравствует Советская власть!».

День побыли фашисты, на другой начали собирать всех мужиков, в том числе стариков и детей. Собрали, повели. У моего отца на всякий случай потайная яма была вырыта — нет бы спрятаться, так в окноглядели, вот и нас тоже прихватили. Выстроили на пригорке толпу человек в 50—60, а сами, с автоматами наготове, давай выпытывать: «Кто есть партизан?». Мы знали, что в других поселках были уже массовые расстрелы. И опять же спасло, надо думать, то, что один из стоявших в tolpe в империалистическую войну был в плену у немцев и неплохо в связи с этим знал их язык. Вот он и сумел каким-то образом убедить эсэсовцев, что среди нас партизан не было. Не сразу, по одному, но все же отпустили тогда живыми. Позже, правда, вызнали, что в поселке прятались старые коммунисты, — сожгли в отместку несколько домов, и то хорошо, что обошлось без жертв. Назначили какого-то старика старостой, уехали. Через день-два старосты не стало. Убили. Немцы, свои ли — неизвестно.

Крайне тяжелым оказалось для наших войск начало сороковых годов. Сражаясь до последнего, но вынужденные все же уступать в неравной борьбе значительно превосходящим силам фашистской Германии, они несли серьезные потери в людях и технике. Одна или две армии попали в окружение в лесах Брянщины, после чего, рассказывает Григорий Васильевич, валялось столько оружия, что можно было целую армию вооружить. Жители поселка тайно, с опаской, но укрывали у себя советских офицеров. Была у последних задумка такая — организовать партизанский отряд. Через старших надежных комсомольцев привлекали ребят к сбору оружия, которое складировали в землянках и окопах, тща-

тельно маскируя. Вскоре офицеры уже начали выходить на боевые операции по уничтожению гитлеровцев.

В январе 1942 года в Алтухово уже был создан настоящий партизанский отряд. 14—15-летних ребят пока еще не привлекали, несмотря на их активную помощь в снабжении оружием. Вокруг были выставлены посты. Командиром отряда стал Ян Булат. Партизанская война набирала силу, но однажды при выполнении задания по ликвидации очередной фашистской группировки потеряли почти четвертую часть отряда — человек сорок, наверное. Сказалось отсутствие опыта. Чтобы пополнить отряд, стали принимать и добровольцев из числа 15-летних подростков. Так оказались в отряде Гриша Локтиошенков со своей сестрой Марией, многие другие поселковые ребята и девчата. Зачислили и отца Гриши и Марии в пожарную дружину. Считай, вся семья их стала партизанской.

— Основное наше задание было — выходить на ближайшую действующую железную дорогу и стараться подорвать рельсы, то есть занимались диверсионной работой. И так примерно до марта 1943 года. К этому времени самолетами с Большой земли начали уже доставлять современное оружие, питание, обмундирование. Прилетали и специалисты, учившие правильно взрывать, минировать, прочим военным хитростям. В партийных верхах (районных и областных) опасались, что рано или поздно, возможно, немцы «выкурят» нас из Алтухово, где в 42-м базировался отряд, и с этой целью предусмотрительно в глухом лесу, в 30—40 км от поселка, были вырыты подземные лагеря.

Летом того же 1942 года, как всегда, стояли в поселке. Вдруг со стороны леса — налет вражеских самолетов, мгновенно спаливших полпоселка. Оттуда и началось наступление немцев. Партизаны бились крепко, отражая написк, но устоять не смогли. Отряд вышибли, поселок сожгли. Наступали гитлеровцы сразу с трех сторон, но в образовавшуюся брешь большинству все же удалось уйти в подземные лагеря.

В начале весны переломного 1943 года отправились несколько бойцов отряда на очередное задание. Предстояло в одном из поселков накрыть группу фашистов вместе с полицаем. Операция прошла успешно, но по возвращении партизаны напоролись на немецкую засаду.

— Видим следы с шипами: немцы на дороге! Обойди! Так нет! Ноги вперед несут, — с досадой вспоминает давний эпизод той войны Григорий Васильевич. — Метрах в 10—15-ти высекивают из-за железной дороги немцы, орут: «Партизан, сдавайся!». Мы рванули обратно. Бе-

жим... Внезапно что-то горячее полоснуло по ногам, упал в снег, поднялся, прошагал еще километра два, но силы покинули, упал без сознания. Очнулся от страшного избиения фашистами, изо рта, носа, ушей хлынула кровь... Позже стало известно, что одного убили, другим удалось увернуться от пули.

Привезли в гестапо на лошади. Дня три там мучили, допрашивая. Потом перестали, для чего-то взяли кровь. Через сутки кладут на носилки и везут в небольшой госпиталь. Мочют, обрабатывают, укладывают на чистую постель, рядом ставят еще постель, туда тоже помещают человека и... производят прямое переливание крови. Как оказалось впоследствии, это был офицер, которому процедура помогла, он пошел на поправку, что и решило участь юного партизана в лучшую сторону. А он ведь уже в третий раз с жизнью прощался. На допросе, помнит, какой-то здоровяк начал отбирать сапоги и куртку — тебе, мол, уже вряд ли понадобятся.

Пролечили пол-апреля примерно, затем впихнули в вагон эшелона, увозившего советскую молодежь на работу в Германию. На отдельных станциях «хозяева» отбирали работников покрепче, остальных, низкорослых да немощных, привезли в г. Гамбург, определили в русско-украинский лагерь, где жили в бараках, работали в полуподземных цехах. Изготавливаемую продукцию тщательно проверяли: на конвейере трое-четверо наших — немка, трое-четверо наших — немка. У каждой немки — специальный приборчик. Иностранцев там тоже хватало, но итальянцы, бельгийцы, французы работали по 8 часов, русские — по 12. Кроме того, иностранцы то и дело подкармливались за счет получаемых посылок, русские же — не получали.

— Так вот и работали до апреля 1945 года. Город к тому времени был уже разрушен, гитлеровцы сдали его почти без боя. Тут появились англичане, разоружив, разогнали немецкую охрану. Нам всем объявили, что мы свободны. Продуктов навезли — на убой кормили! Все впервые за долгие годы отдыхали от непосильной работы. Стали приходить советские офицеры, предлагая вернуться на Родину. Прибалты, надо сказать, вступали в пререкания, отказывались возвращаться, мотивируя тем, что, дескать, посадят, отправят в Сибирь.

Подвезли всех возвращенцев на английских машинах к железной дороге, погрузили в товарняк, подогнали паровоз и... на Родину! Куда именно, никто точно не знал. Далее следуют одно за другим перемещения посредством пересыльочных пунктов: Печора, Пиярга, опять Пе-

чора, Щельяюр... Поначалу были задействованы на возведении мостов через речки: копали котлованы, заливали бетоном «быки»... Тем самым спрямляли, видимо, железную дорогу. Следом за рабочими вели отсыпку мостов целые батальоны военнопленных немцев.

— Осенью 1946 года приезжает начальство (на станцию Пиярга) и спрашивает: «Кто хочет работать здесь, а кто хочет на юг?» Спросил бы, кто не хочет на юг! Сели, поехали. А югом-то оказались... Печора да Щельяюр. Отоварили в печорском продуктовом магазине, что в «яме» был: на талоны получили по тухлой щуке, по буханке хлеба и через тайгу — на Щельяюр. Случайный демобилизованный мужик вел. Но вот, наконец, и добрались. В ту пору главным инженером Печорского речного пароходства был Сигель, а директором Щельяюрских мастерских — Мороз. Спросив, имеется ли какая-то специальность, отправили в котельный цех ремонтировать суда.

Надо бы знать, что в те годы каждый возвращавшийся из Германии непременно проходил фильтрационную комиссию. Помнится Григорию Васильевичу, как с пристрастием выпытывали у него, каким же это образом он остался жив. Оно и понятно: время военное, и не у тещи блинами угощались на чужой стороне. И ведь что характерно: вопреки опасениям прибалтов, никого не судили, никаких сроков не давали, а вот не в Сибирь, так на Север все же увезли.

— Спустя небольшой промежуток времени появилось из Ижмы милицейское начальство. Выдали поначалу «шпаргалки» — первый документ вместо паспорта, с которым работали года 4—5. Жили, работали, как все нормальные люди пользовались отпуском, получали зарплату, хотя среди населения ходили всякие кривотолки. Примерно в 1952-м передали распоряжение — выехать в Ижму. Приехали. Велят сфотографироваться. Через день вручили паспорта и... езжайте на все четыре стороны.

Долгие годы, шагая по лесным колдобинам, находясь в гестапо или работая на чужбине, думал Григорий об оставленных родителях, старших сестрах да братьях: где они, что с ними? Его старший брат Павел прошел с боями всю войну, демобилизовался осенью 1945 года, а родители — Надежда Михайловна и Василий Ильич — были насилино вывезены в Польшу немцами, где трудились на хозяина. Там скончался отец. По окончании войны Надежда Михайловна вернулась в родное Алтухово, как и немногие оставшиеся в живых сельчане. Жили в вырытых зем-

лянках, потихоньку стали обустраиваться (власти разрешали тогда рубить лес для построек бесплатно).

Через год поехал Григорий Васильевич на родину, к матери. Встретился и с товарищами из партизанского отряда: работы нет, нищие, разутые, раздетые... А он к тому времени имел хорошую рабочую специальность, неплохо зарабатывал. Вот и решил осесть насовсем в северных краях. Когда ездил домой, то, проезжая Москву, повидался с сестрой и братом.

Лет восемь трудился в Щельянорских мастерских бригадиром котельщиков, после директор ремесленного училища А.И. Федосеев пригласил к ним: очень нужны были мастера для подготовки судокорпусников. Свыше 15 лет был он мастером котельного цеха и на Печорской РЭБ до самого выхода на заслуженный отдых в 1981 году. Закончил параллельно и обучение в Печорском речном училище, получив среднетехническое образование.

Любо-дорого смотреть, как дружно, с шутками-прибаутками, подтрунивая друг над другом, живет эта семейная пара — Григорий Васильевич и Валентина Петровна — в постоянной заботе друг о друге... 13 января 2005 года дети, родные, друзья тепло поздравили их с рубиновой свадьбой — 40-летием совместной жизни.

Трудовой путь ветерана отмечен медалью «Партизану Отечественной войны» 2 степени, орденом Великой Отечественной войны II степени, медалями Жукова, «50 лет Победы», «Ветеран Великой Отечественной войны», знаком «Наставник молодежи». Дорожит он и грамотами ко Дню Победы, бережно хранится и треугольничек-поздравление из Печорского горкома ВЛКСМ и совета ветеранов с дорогими словами поэта Роберта Рождественского:

«Вспомним их поименно,
Вспомним сердцем своим.
Это нужно не мертвым,
Это нужно живым».

«За оборону Советского Заполярья»

(Об А.Г. Лудникове)

Всматриваясь внимательно в опубликованную фотографию, я представлял себе одновременно и утомленное, и радостное, и смущенное лицо 15-летнего мальчишки далекого 1945 года. С блеском на рубашке не только популярного в предвоенные годы значка «Ворошиловский стрелок», а и взрослой награды войны: медали «За оборону Советского Заполярья». Если воинская победа над врагом добывалась в кровавых сражениях на фронтах Великой Отечественной войны, то ковалась она неимоверным трудом в прифронтовом и глубоком тылу нашей Родины на колхозных полях, фабриках, заводах, шахтах и рудниках, на реках и в лесах в основном женщинами, стариками, гулаговцами, а также мальчишками и девчонками, не познавшими в полной мере радости счастливого, беззаботного детства.

Адик Лудников родился в 1930 году в низовьях реки Печоры в селе Оксино в семье одаренных, технически грамотных людей. Его отец — Григорий Федорович Лудников — был замечательным авиа-техником, освоившим эту профессию еще во время службы в Киевском авиаотряде царской армии. В двадцатых годах он даже был начальником Нарьян-марского аэропорта. В год рождения младшего сына по вызову семья переехала на жительство в Мурманск, где отец стал работать в гидрографическом отделе Северного мор-

ского флота. Расквартировались на маяке Мишукова, располагавшемся на одном из мысов Кольского залива на траверзе города Мурманска в восьми километрах от него напрямую по акватории. Этот маяк был базовым для всего побережья Баренцева моря Кольского полуострова, где находились ремонтные мастерские, склады маячного, навигационно-обстановочного оборудования, различных приборов и приспособлений. Маяк Мишукова подавал в туманы сигналы проходящим судам звоном колоколов, пушечной стрельбой, а впоследствии наутофонными установками, издававшими звуки сирены слышимостью на расстоянии двенадцати километров. Вот на этом маячном мысke и прошло почти все детство любознательного, бездесущего и бойкого мальчика Адика.

Хотя гитлеровская Германия подписала с СССР пакт о ненападении и фашистские суда свободно заходили в Мурманск, прорываясь через блокаду английского военного флота, тревожное ощущение приближающейся страшной войны, несмотря на пропаганду шапкозакидательства, от взрослых передавалось и детям, которые с интересом наблюдали перед войной немецкие самолеты-разведчики «рамы». А когда началась война и фашистские бомбардировщики стали интенсивно бомбить порт и город, они удивлялись: почему это наши зенитчики не умели их хорошо сбивать. В первые дни войны из города в спешном порядке начали эвакуировать гражданское население, в основном стариков и детей. Эшелон, в котором находился Адик в числе 360 детей по списку, в сопровождении охраны и самолетов направили в глубь страны. 18 дней везли их до Чкаловской (ныне Оренбургской) области и там распределили по детским домам. До весны 1944 года находился Адик в одном из детдомов, где трудился в детдомовой стройрембригаде и окончил семь классов. Когда фронт на полуострове окончательно стабилизировался, детей мурманчан начали собирать для отправки домой, да только в Мурманск вернулось чуть более десятка пацанов, рожденных после 1926 года, а тех, которые постарше, оставили работать на заводах или в ФЗО...

Дети, как и взрослые, мечтали попасть на фронт или хотя бы по-быстрее научиться ремеслу и часто подделывали ради этого документы, справки, приписывая себе года. Адику этого делать не пришлось. По прибытии в Мурманск с 1 апреля 1944 года он стал

официально работать по месту жительства токарем в маячных мастерских, получая взрослый паек в свои 14 лет. Его мама, имея на руках маленькую дочку, также трудилась здесь, на маячных складах, а отец и братья плавали на судах. В районе Полярного, Североморска и Мурманска в сопках располагались сотни бомбоубежищ, заводов, складов, мастерских, учреждений. Мурманск, например, был разрушен до основания, но продолжал, несмотря на бомбежки, жить и работать под землей. Залив был забит поврежденным иностранным транспортом, техникой, военными судами из числа конвоя. Работы было невпроворот, и велась она беспрестанно под лозунгом: «Все для фронта! Все для Победы!». Нет нужды описывать трудовые будни Лудникова-мальчика, ибо было тяжело всем. Но близилась Победа, а это придавало сил и на трудовом, и на ратном фронтах. После разгрома гитлеровской Германии в 1945 году Адик Лудников в числе других был награжден медалью «За оборону Советского Заполярья», а позднее и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 г.г.».

Работал в мастерских маяка Лудников до августа 1946 года и, списавшись со своим дядей — начальником Печорского речного пароходства Павлом Никандровичем Ивановым, будущим Героем Социалистического Труда, приехал в поселок Щельяюр для учебы в речном техникуме. Учился прилежно, успешно постигал в навигационный период профессию судомеханика, плавая на пароходах «Теплотехник», «Молотобоец», «Андрей Жданов». Закончил учебу в 1950 году, и осенью были призван в ряды нашей армии, на флот, но уже не на родной — Северный, а на южный — Черноморский. По профессии он судомеханик, но был еще и хорошим радиолюбителем, вот поэтому его и послали, не спрашивая желания, постигать премудрости и совершенствовать технику владения не только азбукой Морзе, а и эксплуатации различных новых радиолокационных приборов. После учебки попал молодой моряк на службу в радиоразведку Черноморского Военно-Морского Флота, где прослужил пять долгих лет. Демобилизовавшись, поехал в Мурманск на вестить родителей. По пути побывал в Ленинграде, где на трамвайной остановке встретился с очаровательной, ранее переписывающейся с ним девушкой из Башкирии с красивым именем, которая в последующем стала его женой и знаменитой на весь речной флот рес-

публики электросварщицей Печорского судоремонтно-судостроительного завода, депутатом горсовета, активистом женского движения, кавалером ордена «Знак Почета» и многих медалей, — Мальвиной Антоновной Лудниковой.

Вся последующая жизнь Адольфа Григорьевича Лудникова была связана с системой речного пароходства. Он строил первую в городе кислородную станцию, 10 лет работал начальником смены рэбовской электростанции, которая по утрам многие годы своим гудком звала на трудовые свершения жителей речной части города, а потом 14 лет возглавлял ОМТС судоремонтно-судостроительного завода пароходства. В 1985 году оформил пенсию, но сидеть без дела не мог и продолжал трудиться на причале отстоя пассажирского флота в затоне. 50 лет трудового стажа! Это говорит о многом. А в завершение рассказа об этом интересном человеке хочу еще подчеркнуть такую его сторону жизни. Он — активист-общественник, «фанатик»-филателист, нумизмат, филакартист. Недели не хватит, чтобы ознакомиться с материалами его собирательной, творческо-познавательной деятельности. А еще он с супругой и замечательный садовод-любитель. В прошлое лето он вырастил, например, у себя на даче тыкву под стать астраханской. Он человек активной жизненной позиции, любит праздники, общение. И иногда на наш святой, народный праздник — День Победы можно увидеть на его пиджаке парадный блеск восьми медалей и различных знаков отличия. Дело, конечно, не в наградах, но он их честно заслужил на трудовом фронте.

Боец в свои шестнадцать лет

(Об А.В. Люборосцеве)

Он рос сиротой при живой матери, не утруждавшей себя воспитанием сына. Отец, работавший геодезистом, погиб в тайге. Не сладкой была жизнь в чужой семье, и поэтому за год перед войной, когда ему еще не исполнилось и четырнадцати, переправив в документах дату рождения на 1924 год, он уехал на учебу в ФЗО.

5 мая 1942 года призванный Тюхтетским РВК Красноярской области он был направлен в Киевское техническое училище, в 1-ю гвардейскую учебную минометную бригаду. А с июля — в 20-ю отдельную гвардейскую минометную бригаду, сформированную под Москвой. Ему не было еще и шестнадцати лет, когда он стал солдатом, выполняющим обязанности связиста в батарее управления. «В нашем подразделении был сын полка, так он старше меня, а ведь с меня спрос был как со всех солдат», — вспоминает Александр Валерьевич Люборосцев.

Их воинская часть продвигалась от города Ржева в южном направлении до станции Валуйки, где попала под бомбежку, уничтожившую вооружение, после чего в марте 1943 года вынуждена была ехать под Москву в местечко Красноказарменная на переформирование. По дороге встречались самодельные плакаты с надписью: «Орлы Малиновского!»

Соединив три сильно поредевшие от боев бригады, создали 28-ю отдельную гвардейскую минометную. До 1946 года он находился

в составе этой бригады. На вооружении подразделения были 122-миллиметровые гаубицы, которые солдаты таскали сначала вручную на лямках по грязным дорогам, а позже на американских «студебекерах». В их распоряжении был и самый тяжелый калибр «катюш».

Он был зачислен в огневики, но не справился с обязанностями из-за подростковой щуплости: не смог таскать 120-килограммовые мины. Его перевели в батарею управления, назначили топовычислителем (специальность № 20). «Необходима привязка каждого орудия к местности. Эту аналитическую работу выполняло командование, а наша задача — собрать все данные о местности», — говорит о своей военной специальности Александр Валерьянович.

Они двигались с 3-м Украинским фронтом, но иногда их бросали на прорыв в другие места, где требовалась экстренная поддержка, поэтому-то и носила бригада название «особой»: она была придана фронту, а не определенной армии. Их боевые установки поначалу были маломанёвренны и крепились на местности. После каждого залпа приходилось уходить во второй эшелон на ремонт, так как фашисты сразу устанавливали местоположение орудий и бомбили с немецкой основательностью. Все изменилось, когда орудия стали перевозиться тягачами: появились мобильность, быстрота передвижения.

Все разъезды производились в ночное время, под покровом темноты. ...Кривой Рог, Николаев, Одесса, Яссы, Кишинев, потом — города Европы.

В районе реки Днестр он заболел малярией, но не согласился ехать в госпиталь. «Мне везло, я только раз был контужен. В нашей бригаде потери были минимальные, только от бомбёзек. Вражеские снаряды до нас не долетали», — рассказывает ветеран.

Из своих однополчан он помнит многих: полковника Менджегова, лейтенанта в батарее управления Васина, шоferа Васюковича, командира отделения связистов Абдурахманова, своего начальника Анатолия Тонина, бывшего на гражданке токарем. В отделении было много моряков с Дальнего Востока: Киселев, Карташов, Николай Кондаков, коммунист Карадзин. Были даже два музыканта-скрипача. А его лучший друг, москвич Конев, не дожил до победы.

Войну они закончили в Югославии, в Белграде. Первый послевоенный год находились в составе советских войск в Болгарии. Стояли в болгарских городах Пештера, Пазарджик. Оттуда своим ходом перед самым новым 1946 годом прибыли в г. Казах Азербайджанской ССР, где он служил вычислителем в составе 115-й гаубичной артбригады, которой командовал полковник Кравченко.

В 1947 году его демобилизовали. В память о войне хранит он медали «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За освобождение Белграда», «За победу над Германией», значки «Отличный минометчик», «Отличный разведчик».

Любить Родину — значит забыть о себе

(О Н.А. Макаровой)

В крестьянской семье Клобуковых Надежда была третьей из восьми детей. Аким Спиридонович и Васса Петровна мечтали дать дочери образование, дескать, сначала — семилетка, а затем станет наша Надежда учительницей или фельдшером. Семилетку дочь закончила, пошла работать в избу-читальню, что в любом селе, а в ее родном Березове и подавно, была центром всей культурной жизни. Здесь собирались молодежь, а по вечерам — взрослые. Здесь читали свои лекции гости из района, проводились собрания колхозников, комсомольцев. Надежда старалась навести в избе-читальне порядок и уют. Это у нее получалось, потому огонек избы-читальни приветливо горел для всех. Сюда приходили свежие газеты из областного центра — Кирова. Надежде были ведомы все новости. О начале войны она тоже узнала из газет. Отсиживаться в тылу не позволяла совесть, ведь лучшие ребята ушли на фронт. В ноябре 1942 года, как только ей исполнилось 20, добровольцем ушла воевать и Надежда Клобукова. К тому времени призвали и отца.

Ее фронтовой путь был не таким уж и далеким — Заполярье. В составе 28-й отдельной зенитно-артиллерийской бригады ПВО, что входила в состав Северного фронта, Надежда воевала до Победы. Ее военная специальность — зенитчица, а состояла боевой Клобукова в боевом расчете 85-миллиметрового орудия. О том, что довелось пе-

режить и увидеть за годы обороны Советского Заполярья, ветеран вспоминать не любит. Видела кровь и слезы войны, понимала, что этот налет вражеских самолетов может быть последним для нее. Тот, кто говорит, что бесстрашно шел в бой, что не кланялся пулям, сильно преувеличивает. Страх на войне — это здоровый инстинкт человека к самосохранению. Но на то ты и человек, чтобы управлять этим инстинктом, а не он тобой.

Надежда Клобукова в составе боевого расчета «подрезала» крылья не одному вражескому самолету. Благодаря таким девчатаам немцы не получили превосходства в небе Заполярья. Родина оценила подвиг Надежды Акимовны. Зенитчица вернулась домой с медалью «За оборону Советского Заполярья».

Колхоз в послевоенном 1945-м едва на ногах держался. Возвращающиеся фронтовики не дали ему развалиться. Надежда стала бригадирствовать. Отца, он тоже вернулся, переполняла гордость за dochь. Надо же, девушка, а командует не хуже мужика! Но, видно, Север оставил в ее душе неизгладимые воспоминания. Здесь побогаче жилось людям, не то что в вятской глубинке. Хотелось, наконец, обрести свой дом, семью. А определил выбор Надежды младший брат. Он работал на станции Кожва и не раз в письмах звал сестру, так сказать, сменить обстановку.

В 1949 году она решилась. Приехала в Кожву, устроилась на 5-й вагонный участок слесарем. Вышла замуж за Анатолия Яковлевича Макарова. В 1958 году семья переехала в Печору. Город был молодой, ему и 10 лет не исполнилось. Муж пошел шофером на автотранспортное предприятие, а сама Надежда Акимовна — в вагонное депо, где работала слесарем, проводником. И так до выхода в 1974 году на пенсию. Вырастили Макаровы троих детей. Это для их счастья рисковали своими жизнями фронтовики. Кто-то очень хочет умалить значимость подвига победителей. Не получится! Надежда Акимовна и ее ровесники не жили для себя. Их поколение больше отдавало, чем брало. Оно умело любить Родину. Любить — значит забывать о себе.

От Смоленщины до Одера

(О П.И. Маркелове)

Летом сорок первого, вскоре после начала войны, деревню Тишино Смоленского района Смоленской области, где родился, рос, закончил семилетку и уже успел поработать в местном колхозе Павел Маркелов, заняли немцы.

— Рядом с нашей деревней до войны был лагерь, — рассказывал Павел Иванович, — заключенных куда-то вывозили, так немцы там и расположились... Начали угонять молодежь к себе в Германию. Сестру мою Марию угнали. Я, слава Богу, избежал этой участки, потому что по возрасту им не подходил: забирали только молодежь не старше двадцати пятого года рождения. Немцы чувствовали себя очень уверенно, любое сопротивление сразу пресекали. Дружка моего расстреляли: он передавал советским военнопленным оружие, собранное на поле боя рядом с деревней (советские части отступали с жестокими боями).

«Нахлебавшись» жизни под немцем, девятнадцатилетний Павел Маркелов после освобождения советскими войсками родных мест сразу влился в боевые части и тут же оказался на передовой, в бою.

— Немец отступил уже до Орши, но город был ещё под ним. Я зиму всю за пулемётомостоял: всё время бои шли. То их разведка к нам идёт за «языком», то наша — к ним. И перестрелки постоянные, — вспоминает Павел Иванович. — Весной Оршу осво-

бодили. Но я оказался в госпитале с ранением. Правда, пробыл там недолго. В госпиталь приехал капитан, всех выздоравливающих выстроили по его указанию, и он отбирал. Отобрал десять бойцов. «Со мной поедешь, выходи», — услышал от него и я.

Так Павел Маркелов попал в 1478-й зенитный артиллерийский полк, в составе которого и воевал дальше заместителем командира орудия в зенитной батарее.

— Наши части к тому времени уже в основном наступали, и я вместе со своим полком двигался на Запад. Освобождали Белоруссию, Польшу, Пруссию... Бои шли жестокие. Погибало бойцов наших «будь здоров», но и немцев много полегло, особенно за Минском, когда они попытались пойти на прорыв и оказались перебиты все.

...К весне сорок пятого вышли на Одер, западнее Берлина. И тут получили приказ: Одер не форсировать, огонь по тому берегу не открывать! Оказывается, на том берегу американские части. Так мы встретились с союзниками.

Там, на Одере, и узнал Павел Маркелов о Победе. Но мысли о доме, об освобожденной от врага Смоленщине пришлося пока оставить: 1008-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион перебросили из Германии в Западную Украину, в лесах которой, по словам ветерана, они больше месяца «гоняли бандеровцев». А когда банды были ликвидированы, сержанта Маркелова направили на военный завод в Киев. Там, в оружейном цехе, уже «минометный мастер» Маркелов восстанавливал, возвращал в строй «покалеченное» в боях стрелковое оружие. И оттуда — тоже не домой, а обратно в свою часть, которая стояла на Украине.

— «Дождётесь, ждите своего срока», — и теперь вспоминает Павел Иванович слова своего командира. Лейтенант повторял их часто и не обманул ожиданий: действительно дождались.

В 1947-м Павел Маркелов приехал в родное Тишино, встретился с отцом, тоже вернувшимся с фронта. «Боевали с отцом рядом, но не встретились там ни разу».

— Из деревни большинство мужиков погибло, — рассказывает Павел Иванович, — так что нам безмерно повезло. Правда, отец был тяжело ранен, потерял глаз... Меня же всего дважды за войну легко ранило: одно осколочное ранение в щеку и одно пулевое — в ногу.

Вернулась живой домой и сестра Мария. Я с год жил в деревне, поднимал с отцом дом, потом уехал работать в город.

Мирную трудовую жизнь Павел Иванович продолжил на железнодорожной станции Смоленск. А уже оттуда железнодорожное начальство направило его, «бравшего» Кенигсберг и Минск, «подымать Коми АССР».

— А мне не привыкать: либо «брать», либо «подымать», — смеётся ветеран. — Приехал в Печору, начал на железнодорожной станции осмотрщиком вагонов, потом много лет работал главным кондуктором на товарняках, потом на станции. В сорок восьмом, ещё дома, женился на девушке из соседней деревни, и в пятидесятлом жена приехала ко мне в Печору. Тут и прожили жизнь.

Павел Иванович и Вера Федоровна Маркеловы вырастили двух сыновей и дочь.

Ветеран уже давно на пенсии. На вопрос о наградах достаёт из шкафа пиджак с боевыми медалями и орденом Отечественной войны II степени, с юбилейными наградами.

— Был помоложе да поздоровее, ходил на парады в День Победы. А теперь вот пиджак в шкафу пылится, — сокрушается Павел Иванович.

Годы берут своё, но в памяти ветерана по-прежнему живо его фронтовое прошлое. Ему не стыдно за свою боевую молодость, за те огненные годы, на которые пришлась пора взросления и которые он не зря потратил, освобождая сначала свою малую родину, Смоленщину, а потом и всю Европу «из-под немца».

A black and white portrait of a woman with short dark hair, wearing a dark jacket over a patterned blouse. She is smiling slightly and looking towards the camera.

Т. АФАНАСЬЕВА

Жгла война огнем и железом

(О В.Д. Марченко)

Работягий, надежный помощник в крестьянском хозяйстве большой семьи — таким был белорусский паренек Василь, когда на родную землю пришли захватчики. Оккупационные власти установили в Гомельской области свои порядки, поддерживаемые полицаями и старостами, которые мстили местному населению за мощное партизанское движение, развернувшееся в крае. Они дотла сожгли деревню, а потом подожгли и землянку, приотившую около ста человек, оставшихся без крова. Люди сгорели заживо, несколько человек, успевших выскочить из пламени, были расстреляны в упор. Среди погибших этой страшной смертью четыре его сестры. Соседнюю деревню Каменку тоже спалили. Уничтожили и стариков, и детей — никого не пощадили. Соседа, однофамильца Марченко, расстреляли за то, что его два сына находились в партизанах. Схватили даже инвалида — гармониста. Его избивали лежащего на скамейке до потери сознания, били по спине, обливали водой, переворачивали — били по животу.

Партизаны держали оборону в ближнем Лозовском лесу, защищенные с одной стороны болотом. Полицай «сколотили» отряд для борьбы с партизанами, набрав карателей из девяти близлежащих районов. У партизан на вооружении была одна пушка — «сорокапятка», да и та с неисправным замком: надо было бить обухом, что-

бы произвести выстрел. Для организации и руководства партизанским движением из Москвы был направлен сюда командир Белых. Он увел партизан за реку Сож. Немцы потеряли их координаты, но не нашли предателей из местного населения. И тогда пошли на хитрость: высадили десант, одетый в советскую форму. Обман удалось — месторасположение партизан было выявлено.

Боеприпасы отряда были на исходе. В навязанном бою у д. Любани погиб командир Белых. Немцы разыскали его могилу, приказали вскрыть ее и, сфотографировав, снова закопали. Для них было важно засвидетельствовать смерть виновника гибели многих немецких солдат и офицеров.

В декабре 1943 года Василию Марченко пришла повестка на фронт. Вдвоем с деревенским гармонистом Петром, хромоногим после аварии на шахте, они добирались до Журавицкого райвоенкомата. Глядя на Петра, здесь сказали: «Хромаешь? Ну ничего, там вылечат». Но кончилось тем, что его комиссовали, так как он не смог пройти строевым шагом. А Василия забрали в пехоту, направив в Минск, где дислоцировались 120-я гвардейская дивизия и ее 336-й стрелковый полк. Он стал пулеметчиком станкового пулемета, освоил и пулемет Дегтярева, не очень надежное оружие, у которого частенько заедало затвор.

Первое боевое крещение Василь принял при форсировании небольшой речушки. Мальчишеское лихачество еще не было сбито суровыми реалиями войны. Они с напарником решили проявить самостоятельность и инициативу: «Давай жахнем по немцам!» Не успели выпустить с десяток снарядов, как немец накрыл их, ударив неожиданно мощно в ответ.

Много солдатских дел пришлось освоить на войне. Был он и в обозе, собирая раненых, доставляя их на носилках и на колесах до медсанбата.

Самый желый бой они приняли на реке Березина в направлении Бобруйска. Это была небольшая быстрая речка. Несколько дней стояли в резерве. «24 июня 1944 года началось наступление. Тут нас всех и положили, — не может сдержать слез Василий Данилович. — Немецкие снайперы отстреливали сержантов в красных лычках. Всех командиров перестреляли: партийного Киселева с наградами на гимнастерке убили первым; Кожемякина тяжело ранили.

Он кричит: «Пристрелите меня!» Потом как начали гвоздить минометами. Наступил кромешный ад. Рядом со мной русский парнишка, молоденький совсем: «Меня убьют сегодня!». Я только сорвался выругаться, как тот упал замертво. Пулемет наш разнесло. Подкрепление идет — танки, но они добираются до высотки и, как мишени, останавливаются на самой верхней точке.

На какое-то мгновение я потерял сознание, очнулся от нестерпимой боли: связной Гасенко перевязывал меня, а потом на одних носилках двоих вынесли с поля боя. В медсанбате сразу попал на операционный стол. Оттуда перевезли в госпиталь в Ташкент. Лечили хорошо, врач-еврей был замечательный. А поскольку я оказался израненным с ног до головы, то в декабре 1944 года меня комиссовали с инвалидностью третьей группы»

Василий Данилович Марченко давно и тяжело болен. Воспоминания даются ему с трудом: даже время не в состоянии залечить страшные раны войны, душевые и телесные. И я молча, не решаясь задавать вопросы, перебираю его награды, среди которых — орден Славы III степени.

Зенитчица с Енисея

(О Е.А. Маценко)

В навигацию сорок первого восемнадцатилетняя сибирячка Ефимья Шерстнёва, после окончания школы-семилетки зачисленная в плавсостав Енисейского пароходства, работала на большом пароходе, двигавшем гружёные баржи по великой реке. С началом войны работы не стало меньше. Только Ефимья и почувствовать-то не успела изменений, которые неизбежно пришли и сюда, в глубокий тыл уже воевавшей страны. Во время остановки парохода в затоне, где жила её семья, она побежала проведать сестрёнок и узнала, что её ждёт повестка на фронт.

Ефимья Андреевна и сейчас не знает, почему наряду с мужчинами призывного возраста в первый же месяц войны выбор пал и на неё тоже. Может, потому, что «грамотная была, комсомолка», ведь среди односельчан-одногодок было таких немногого: в школу нужно было ходить за двадцать вёрст в соседнее Атаманово, и у многих учёба заканчивалась деревенской четырёхлеткой. А может, заменила Ефимья отца, которому сначала принесли повестку, а потом отсрочили призыв, потому что воспитывал Андрей Шерстнёв один четырех дочерей (когда умерла жена, старшей Ефимье шестой год шёл, а младшей — только годик).

...Так или иначе, но, проехав практически через всю страну, оказалась юная сибирячка вместе с ещё несколькими землячками из

Красноярского края в Поволжье, стала бойцом 583-го зенитного артиллерийского полка. Войну ощутила, ещё не попав на фронт: по пути в часть несколько раз попадали под сильнейшие бомбёжки.

— Нам сказали: девочки, если начнут бомбить — разбегайтесь, а мы, как только началось, в кучу сбились, все наставления забыли, — вспоминает Ефимья Андреевна. — Неопытные, молодые ещё были. Да и страшно было очень.

За четыре года войны зенитчице Ефимье Шерстнёвой пришлось увидеть и пережить немало страшных картин.

— Страшно было под Сталинградом. Когда мы попали туда, Волга уже кровью текла... — по-народному, одновременно образно и просто рассказывает Ефимья Андреевна. — На орудии нас было шестеро мужчин и я, одна девушка. Я замещала 1-й и 3-й номера. Это если убьют или ранят. А погибали орудийщики часто. Очень трудно было. Уши закладывало, приходилось закрывать, чтобы перепонки не полопались. Бойцы у нас хорошие были, заботились обо мне. Особенно старик Казюк с Кубани. Никогда его не забуду. Сейчас-то я понимаю, что никакой он не старик был — лет 45-50, наверное, но ведь сама-то совсем «зеленая» была.

После победы под Сталинградом зенитный полк перебросили на 2-й Украинский фронт, под Харьков.

— Куда двигался фронт, туда и мы, — говорит Ефимья Андреевна. — Там, под Харьковом, я чуть не отстала от своих однополчан. Случилось так, что нас разместили под укрытие рядом со старым кладбищем. Стали рыть окопы — прямо на крышки гробов натыкались. После «сидения» в этих окопах у меня началось какое-то заражение, пошли отёки страшные — попала в госпиталь. А скоро узнала, что наших перебрасывают на новое место. Насилу отпросилась из госпиталя, чтобы от своих не отстать.

Так и провоевала Ефимья все четыре года Великой Отечественной в своём зенитном полку. Победу встретила под Будапештом, в освобожденной Венгрии. Радости не было границ.

После Победы вернулась в родные места, в Красноярский край.

— Повезло мне: живая осталась в таком пекле, — говорит Ефимья Андреевна, — ведь сколько бойцов домой не вернулось!

Правда, тяготы походной жизни, полной опасностей, смертей и тяжкого труда, всё-таки оказались на здоровье девушки, пусть и молодой.

— После фронта постоянно высокое давление было, но главное — экзема замучила совсем, — вспоминает Ефимья Андреевна. — Медики объясняли, что это на нервной почве, и излечить вряд ли получится. Но мне опять повезло. Помог один врач, запамятовала его фамилию, хотя известный, наверное, был в то время доктор. Он был сослан к нам, в Красноярский край, в тридцатые годы, обвиненный по делу «врачей-отравителей». После войны работал у нас в райцентре хирургом. Он-то меня и спас чудесным образом. Через восемь дней после его лечения я уже в парусиновых туфельках ходила, хотя, когда пришла к нему, до ног дотронуться больно было. После этого за всю долгую жизнь ни разу болезнь не возвратилась. Вот такой удивительный доктор.

Вскоре по возвращении с фронта Ефимья вышла замуж, стала Маценко, и муж-украинец увёз её к себе на родину. На Север, в Печорский край, приехали уже позже. Жили в Кожве, работали на лесоперевалочной базе. Переехав в Печору, Ефимья Андреевна продолжала трудиться в «Печорлесосплаве», откуда и на пенсию вышла.

— Не любила я с места на место ходить, ведь это только кажется, что хорошо там, где нас нет. Везде работать надо, — пояснила кратко и ясно.

Вырастили и воспитали супруги Маценко двух дочерей. Обе живут и работают в Печоре. А теперь уже и внуки-внучки выросли.

От войны остались у Ефимьи Андреевны боевые награды да воспоминания. А теперь уже и забываться многое стало, ведь восемьдесят второй год прошёл. Наверное, в таком возрасте действительно трудно удержать в памяти все перипетии даже собственной жизни, все детали и имена. Но в разговоре с Ефимьей Андреевной я не могла не заметить: в довольно скромной рассказ о себе, о своей фронтовой биографии она то и дело вкрапляла благодарные воспоминания о людях, встреченных на пути, — о капитане Кулигине с большого енисейского парохода, о «пожилом» бойце с Кубани, оберегавшем девушку на фронте, о вылечившем её ссылком враче... И ни одной жалобы, ни одного упрёка в чём бы то ни было адрес. Удивительное чувство собственного достоинства, сохраненное несмотря ни на что, и умение помнить добро — ещё один урок фронтового поколения нам, сегодняшним.

Е. ЛАЗАРЕВ

Сестра милосердия Мария

(О М.Г. Настенко)

Разные люди живут на белом свете. Из иных, как говорится, слова не вытянешь, а другие о себе рассказывают весьма охотно, потому что есть о чем, да и скрывать нечего. Тем более, если жизненный путь был наполнен только добрыми делами, правдивостью и честностью, унаследованными еще от родителей. А родители у М.Г. Настенко занимались крестьянским трудом в селе Настасовка в Близнецковском районе Харьковской области и, помимо постоянной занятости в колхозе, вели еще довольно большое собственное хозяйство. Ведь как-никак у них, кроме старшей Марии, было еще три дочери и сын. Держали двух коров, поросят, другую живность, имели солидный земельный участок. Так что детство у старшей дочери прошло почти без игрушек, шалостей и забавных деревенских игр.

К тому же рано умерла мать, и после окончания семилетней школы Маша сразу же стала искать рабочую специальность.

— Спасибо тете, которая меня не только приютила, но и помогла устроиться в школу лаборантов, — с благодарностью вспоминает свою родственницу М.Г. Настенко. — Получив диплом лаборанта, я занималась определением сорности и влажности зерна на заготовительных пунктах, а потом на мельнице. Работа эта в физическом отношении не очень тяжелая, но требовала обязательной добросовестности и старательности.

Затем моя дорога жизни круто изменилась, когда попала на Краматорский механический завод ученицей-прессовщицей, где изготавливали бомбы, снаряды и многое другое для Красной Армии. Тут и война застала. Не дожидаясь появления фашистов, начали эвакуацию. Помнится, первый эшелон в тыл России отправили с семьями, станками и оборудованием. Почти одновременно на завод приехал передвижной полевой госпиталь, куда я и попала. Опытные медработники в спешном порядке подучили нас, новобранцев, санитарному делу, и мы отправились на фронт.

Так для меня началась война, где всякое случалось. Иной раз налетят фашистские стервятники да как начнут бомбить — ни земли, ни неба не видать. Кругом дым, огонь, оглушительный грохот, крики и стоны раненых. И вот в таком аду надо было перебороть страх, чтобы смело вступить в борьбу за спасение их жизни. Мы, санитары, тут же бинтовали раненых, оказывали первую помощь, а уж потом врачи со своими профессиональными знаниями и опытом делали то, что нужно.

Лично мне особенно врезался в память момент окружения под Харьковом нашей второй армии, когда даже высшее командование растерялось, а мы тем более. Что греха таить, многие в тот отчаянный и безнадежный момент думали, что вот и конец пришел. Или героическая смерть с последними патронами в автоматах и пистолетах, или бесславная каторга в фашистских концлагерях. Не знаю уж как, но из смертельной петли некоторым из нас все-таки удалось выскользнуть, в том числе и мне, а многие остались убитыми на полях сражений...

С последними словами глаза у Марии Григорьевны от тяжких воспоминаний повлажнели, и выступили слезы.

— С одной стороны, как жалко всех их, еще молодых, крепких, женатых и неженатых, что не дожили до нашей исторической Победы, — после некоторой паузы продолжила свой рассказ о самой кровопролитной минувшей войне Мария Григорьевна, — а с другой стороны, я и рада за них, что не стали свидетелями развала такой мощной и авторитетной страны, каким был Советский Союз. Ведь они сейчас тоже бы оказались полузабытыми, полузаброшенными и влачили бы жалкое существование.

Стараясь отвлечь М.Г. Настенко от грустных размышлений, перебил ее:

— Мария Григорьевна, но, наверное, не под Харьковом закончилась для вас война?

— Конечно же, нет, — тут же подхватила она. — Я со своим сильно потрепанным и обновляемым прямо по ходу боевых действий батальоном аэродромного обслуживания прошла, выполняя обязанности санитара, Украину, Польшу, Австрию и закончила войну вместе с другими уцелевшими и неоднократно излеченными после ранений воинами аж в самой Германии. Весть о безоговорочной капитуляции ее мгновенно облетела все наши воинские части. Какой это был торжественный момент! Какой праздник! Вам, тогда еще маленьким, и тыловикам просто представить невозможно.

Каждый солдат буквально ликовал от нахлынувшей радости. Вокруг началась такая пальба в небо из стрелкового оружия, будто наши части снова в бой пошли. Таким своеобразным способом отсалютовали доблестные советские солдаты многострадальной, но, к большому сожалению, меркнущей со временем исторической Победе, со дня которой исполняется 60 лет.

— Война закончилась, а дальше что с вами было? — спрашивала Марии Григорьевну.

— Дальше началась обыденная и, можно сказать, совсем неприметная гражданская жизнь, — как бы откровенно и спокойно переворачивает еще одну страницу своей биографии М.Г. Настенко. — Все послевоенное время до самого выхода на пенсию проработала в основном в орсе «Печорстрой». Была в свое время такая торговая организация и расшифровывалась она как отдел рабочего снабжения.

Наверное, сразу подумали, что раз в торговлю попала, то и работалось легко, и жилось сладко, — испытывающе взглянула на меня бывшая защитница нашего Отечества и продолжила: — Как бы не так! На своем веку мне никогда не доводилось сидеть в мягких креслах в теплых кабинетах. Все время находилась в командировках за товарами, принимала и складировала их, сама стояла в вагонах, зачастую выполняя тяжелый неженский труд. Но рада и довольна была тем, что верой, правдой и честью служила людям.

Тут Мария Григорьевна что-то снова призадумалась, ушла в себя и лишь после довольно продолжительной паузы тихим голосом продолжила:

— Однако, наверное, уже порядочно поизносилась к 83 годам-то. А еще за плечами эта проклятая война. И не хотелось бы иногда лишний раз врачей беспокоить, но приходится. Как хорошо, что для нашего брата в Печоре госпиталь появился! Без всяких преувеличений скажу: обходительно там к ветеранам относятся, заботливо, уважительно. А ведь это самая лучшая целебная добавка к разным лекарствам и процедурам, потому как по себе знаю.

Вторая родина – Печора

(Об А.К. Неделько)

Анатолий Неделько закончил шестой класс, когда началась война. Но его семья успела хлебнуть лиха еще раньше. В 1932 году на его родине, в Херсонской области, разразился голод. Урожай был добрый, но государство забрало все зерно у колхозов. И хоть хлеба выросли отличные, объездчики не давали даже колоска сорвать людям. Весной народ начал гибнуть от голода, эпидемии. Вымирали целые хутора и поселения.

29 сентября 1941 года немцы появились в их селе Ивановка. Завоеватели прошли по родным местам паренька, не встретив большого сопротивления. При отступлении наших войск местные власти обратились к населению с предложением разобрать по домам зерно с колхозного тока, чтобы не досталось врагам. А возить нечем, ведь лошадей забрали на фронт, подводы тоже. На выручку пришли наши солдаты и командиры: выделили подводы и рабочую силу. В результате почти все зерно богатого предвоенного урожая удалось спасти. Припрятанную пшеницу перемалывали дома вручную, так как ее нельзя было везти на мельницу: немцы разрешали питаться только ржаным хлебом.

Два года они работали на оккупантов, не получая ничего за труд. Пахать заставляли на коровах, ни одному клочку земли не позволяли пустовать. Под ударами плетей сельчане грузили пшеницу в

вагоны, отправляемые на Запад. И целыми эшелонами вывозился чернозем.

Дважды Анатолия пытались угнать в Германию, и дважды он бежал. Первый раз они с другом воспользовались темнотой и замешательством охраны, когда их вели с этапом. Второй раз удрал из здания мелитопольской школы, где их держали перед отправкой. В тесно заполненном людьми помещении не хватало воздуха, и кто-то рядом открыл окно: он выскочил, не раздумывая, вслед началась пальба. При отступлении немцы стали гонять население на окопные работы. Оттуда он тоже сбежал. Как-то, отпросившись по нужде из колонны, нырнул в придорожные заросли, а конвой даже неглянулся.

31 сентября 1943 года до села донеслись звуки канонады, бои приблизились к речке Молочной в направлении Мелитополя. И сразу прошел слух, что молодежь будут угонять в Германию. Парни и девушки попрятались, в хатах остались старики да дети. При освобождении их села боя не было. Шесть отступавших немецких танков прошли в направлении Крыма, а следом — четырнадцать наших. Бой завязался близ Семеновки, на расстоянии 13 километров. В том бою ранило молодого солдатика, находившегося у них на постое. Был он совсем щупленький на вид, хотя на год старше Анатолия, но ниже его ростом.

С приходом советских войск Анатолия назначили колхозным бригадиром. Потом его как несовершеннолетнего сменил на этой должности фронтовик-инвалид. В декабре 1944 года его призвали в армию. Направили в 17-й отдельный запасной артиллерийский полк, в сержантскую школу в г. Кировограде. В учебном дивизионе им ежемесячно выдавали новое обмундирование, а их, чуть понощенное, передавали в маршевые дивизионы уходящим на фронт после выздоровления в госпиталях. Через каждые 15 дней готовые подразделения из двух маршевых дивизионов запасного артиллерийского полка отправляли на фронт. А они в учебном дивизионе винтовки-трехлинейки по земле таскали: одно слово — новобранцы. Кормили плохо. Молодые, растущие, они сильно страдали от голода. Приехал как-то в дивизион генерал-полковник артиллерии П.Н. Ничков: «Есть какие-либо претензии?» Новобранцы молчат, а фронтовики отвечают: «Есть. Плохо кормят, скорее отправляйте на фронт,

там хоть хлеба наедимся или немец нас убьет». Тут сразу особисты подскочили: «Кто сказал?».

В феврале 1945 года, еще не закончив обучение, они приняли присягу. Весь личный состав и 16 орудий погрузили в вагоны и отправили в распоряжение командующего фронтом Р.Я. Малиновского. Дислоцировались недалеко от линии фронта, выполняя приказ прикрывать днестровский мост между городом Бендери и селом Барканы в Молдавии. Наши орудия были далеко, на расстояние 8 километров, до них же вражеские снаряды не долетали. Но потери были от немецкой авиации.

Завершилась военная операция, длившаяся полтора месяца, и их вернули заканчивать обучение. В апреле выпустили и направили на фронт в составе 219-й Идрицкой Краснознаменной стрелковой дивизии 105-го гаубичного полка. А тут и войне конец.

Ранний призыв демобилизовался, а молодежь направили на дальнейшую службу в Одесский военный округ, влили в 28-ю стрелковую гвардейскую дивизию. Анатолий Неделько закончил трехгодичную дивизионную школу партийного актива, был заместителем политруководителя дивизиона. Призывники 1925—1927 годов рождения служили по семь лет в кадровой армии без отпусков из-за напряженного международного положения. Но в начале 1950 года ему как отличнику боевой подготовки дали отпуск. Дома он стал свидетелем картины бедствия деревни в послевоенные годы. На очередном политзанятии на вопрос, как живут в деревне, поведал о том, что видел. Прописали клевету на колхозный строй, использование трибуны политзанятий для антисоветской пропаганды, неверие в построение коммунизма.

Ему дали 10 лет лагерей по суду военного трибунала. Отобрали медаль «За Победу над Германией», медаль «30 лет Советской Армии и Флота».

В вагонах для заключенных привезли в Печору. Попал Анатолий Константинович в бригаду плотников на лесокомбинат. Будучи в заключении, принимал участие в строительстве здания горкома партии, больничного городка железнодорожников, корпуса центральных ремонтных мастерских «Печорстроя», жилого поселка в районе ул. Стадионной, первых двухэтажных домов по улице Советской.

В 1953 году после смерти вождя всех народов начались освобождения. По инициативе брата он написал Маленкову. Долго не было ответа, но в мае 1955 года пришло решение о снятии судимости.

А.К. Неделько так и остался в Печоре, ставшей его второй родиной. Хотя не забывал о родине первой, каждый год ездил к родителям, к братьям, двое из которых не вернулись с войны: Андрей пропал без вести; Николай, воевавший на Курской дуге, погиб и похоронен в Орловской области, в г. Бежица, в могиле под номером 4, как обозначено в похоронке. Старший брат Михаил, участник Курской битвы, артиллерист в звании капитана, вернулся с войны контуженным. Младшие братья — Владимир и Виктор — заслуженные работники сельского хозяйства, награжденные трудовыми орденами и почетными званиями.

До пенсии Анатолий Константинович работал старшим прорабом на строительстве города. В его трудовой биографии многие важнейшие строительные объекты: кирпичные дома по Печорскому проспекту, мебельная фабрика, кинотеатр им. Горького, СОШ № 83, мясокомбинат, хлебозавод, речное училище, ДКР, Дворец спорта, тубдиспансер... За свой мирный подвиг Анатолий Константинович награжден медалью «За трудовую доблесть».

А. ЛУКАНЮК

Поля ратные и целинные

(Об А.Н. Нефедове)

Анатолий Николаевич Нефедов сколько себя помнит — работал. Совсем маленьким выполнял нехитрые обязанности по уходу за гусями, девятилетним вместе с отцом трудился в поле, а в 13 лет уже самостоятельно пахал и сеял. На Алтае в крестьянских семьях не было исключений: всему, на чем основывал труд на земле, детей учили с малолетства. Подростки наравне с родителямиправлялись с работой в поле, на скотном дворе, на подворье. Поэтому трудулюбивые крестьянские парниправлялись и с работой ратной, в которой надо и лопатой махать, чтобы окопаться, и напрячь мышцы, чтобы сдвинуть орудие, и солдатскую сметку показать в рукопашной схватке, выносливость — в походах с полной выкладкой.

Анатолий Нефедов был из таких парней, о которых говорят, от сохи. На фронт его взяли в 21 год. Воевать довелось в мотострелковых частях и в пехоте в то самое переломное на всех фронтах время, когда наши войска перешли от обороны в наступление. Рядовой Нефедов был награжден медалью «За отвагу» при взятии Белгорода. А впереди были бои за Смоленск.

— Мы все ближе подбирались к городу, — вспоминает ветеран. — Перед нами открылось ровное поле. Чтобы хоть как-то оградить себя от огня, стали на коленях рыть окопы, так как в полный рост нельзя было выпрямиться: прицельно били фашисты. Только око-

пались — в меня попала разрывная пуля. Коварство ее бойцам хорошо известно. Мне, например, она попала в лицо, прошла через ключицу и вырвала лопатку. Нас, раненых, собрали и отправили в госпиталь в Читу.

Девять месяцев лечился солдат, а затем — опять фронт, но с вердиктом военных врачей: «Годен к нестроевой!». Возил на передовую солдатам продукты, а значит, не раз был обстрелян. Но теперь пули, словно сговорившись, пролетали мимо.

Так прошел с действующей армией до Будапешта. Демобилизовался в декабре 1946 года. Вернулся на Алтай, трудился в родном колхозе. А когда началось всесоюзное движение целинников, стал его участником. Как свидетельство тех ударных трудов есть в копилке ветерана войны медаль «За освоение целины».

В 1955 году целинник А.Н. Нефедов принял участие во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Был за это награжден медалью участника ВДНХ. Вышел на пенсию ветеран в 1977 году. Свою жизнь не планировал менять, проживал бы на родине в Алтае, если бы не старые раны да преклонный возраст. В 1993 году 72-летний ветеран приехал к дочери, Зое Анатольевне, в Кожву. Свое он отвоевал, отработал, и, как никакая иная награда нужны Анатолию Николаевичу дочерние ласка, любовь и внимание. А кожвинцы чтут ветерана, как всех фронтовиков, что живут в поселке.

А. ЛУКАНЮК

Как завещали деды и прадеды

(Об И.Е. Остапенко)

Село Головеники, что в Батуриинском районе Черниговской области, раскинулось на берегу реки Сейм, впадающей в живописную Десну. Место это не только красивое, но и историческое, ведь в Батурине располагалась ставка гетмана Мазепы, сыгравшего свою роль в Полтавской битве. Но эта земля познала не только шведское нашествие.

Когда началась война с фашистами, Ваня Остапенко из дружной крестьянской семьи, где росли двое сыновей и две дочери, не исполнилось и 14-ти. Отец с первых дней Великой Отечественной был на фронте. Мать с детищками выживали как могли. Черниговщина была под пятой врага два военных года. Захватчики вели себя по-хозяйски. Расстрелы непокорных, угон молодых в Германию, отправка в фатерлянд эшелонов продовольствия — это приметы оккупации, которые врезались в память подростка на всю оставшуюся жизнь.

Но было и освобождение, после которого в 1943 году 17-летнего Ивана Остапенко вызвали в военкомат. Уже в 1944 году он — курсант учебной стрелковой команды. Повоевать с оккупантами, отомстив за слезы матерей и сверстников, за кровь отца, не удалось — фашистская Германия капитулировала. Радость Победы и горечь потери — все перемешалось в душе рядового Остапенко. Отец не

дожил до светлого дня всего месяца. В апреле 1945 года он сложил голову в Австрии.

И все же война для Ивана Остапенко не закончилась. В составе 81-й стрелковой бригады Внутренних войск МВД СССР он сражался в Западной Украине против многочисленных фашистских пособников, последователей Степана Бандеры. Иван был старшиной, значит, отвечал не только за себя, а за действия подчиненных. В 1946 году при ликвидации банды в Ровенской области старшина Остапенко был тяжело ранен. Лечился почти пять месяцев в госпиталях, и снова в строй.

Лишь в 1951 году для него закончилась война с врагом, но продолжилась иная битва — с преступностью. Иван Ефимович, став участковым милиционером, прослужил в органах внутренних дел Украины пять лет.

Романтика Севера привела его в 1956 году в поселок Кожва, что стоит на левом берегу матушки-Печоры. 35 лет Иван Ефимович трудился не покладая рук: старший мастер теплоэнергоцеха, начальник участка Печорских теплосетей, начальник энергопоезда лесобазы. Кем бы ни работал И.Е. Остапенко, он оставался самим собой — тру- долюбивым, настойчивым в достижении поставленной цели.

Каждое 9 Мая он надевает пиджак со своими наградами — это своеобразная визитная карточка ветерана, отметины его ратных и трудовых дорог: медаль «За победу над Германией», орден Отечественной войны II степени, юбилейные медали, медаль «Ветеран труда».

Выйдя на пенсию в 1991 году, Иван Ефимович 11 лет трудился на общественной ниве, возглавляя поселковый совет ветеранов. Не одно поколение кожвинских школьников помнит встречи, организованные И.Е. Остапенко, его уроки патриотизма.

Вот уже почти полвека ветеран войны отдал Кожве и считает, что это были его лучшие годы. Здесь выросли его три сына — Владимир, Александр, Виктор, дочь Людмила. Сыновья, как и отец, стали защитниками Родины, стражами правопорядка. У Ивана Ефимовича 12 внуков и уже растет число правнуоков. А это большое и очень бес покойное наследство. Есть кому передать доброе имя, любовь и завет предков о том, что Родина, как и мать, у человека одна. Ее не выбирают, ее просто любят и защищают, как завещали деды и прадеды.

P. ГЛУЩЕНКО

«Взвейтесь, соколы, орлами!»

(О Н.П. Охлестышеве)

Военные летчики избегают слова «последний», заменяя его нейтральным «крайний». За столом непременно поднимают тост: «Чтобы количество взлетов всегда равнялось количеству посадок!» Страна для них — это не области и районы, а аэродромы базирования авиаполков и аэродромы подсюка. «Своего» они узнают именно по списку аэродромов: Белая Церковь, Прилуки, Скоморохи... Старшине Николаю Охлестышеву не надо лишней информации, ибо уже одни эти названия для него читаются, как раскрыта книга: там служил, там переучивался на новые типы самолетов. В общем и целом после Челябинского военного училища стрелков-радистов и 2-й Ивановской высшей офицерской школы дальней авиации отдал ВВС 17 лет своей жизни, а налетал 2485 часов, причем 995 часов — в сложных метеоусловиях, ночью. Летная книжка командира огневых установок старшего радиста Н.П. Охлестышева зафиксировала каждый вылет на боевое задание.

Это сейчас дозаправка в воздухе у военных летчиков — отработанная штатная ситуация. А Николай Павлович участвовал в первом 11-часовом испытательном полете с инструктором Героем Советского Союза полковником Новожиловым на четырехмоторном реактивном бомбардировщике ТУ-16. Тогда с его участием был поставлен рекорд по продолжительности полета с дозаправкой в воздухе.

— Мы долетали до Сыктывкара после дозаправки над Куйбышевым, затем — до Петрозаводска, Белоруссии, — рассказывает ветеран.

Эта операция требовала от экипажей самолетов ювелирной точности действий. Полеты дозаправщика, на котором много раз летал старшина, длились по 2—4 часа, а объем дозаправки топливом достигал 8000 литров. Все это зафиксировано в летной книжке Н.П. Охлестышева и крепко держится в его памяти. А еще война, которая своим темным крылом задела его семью, проживавшую в селе Марьино, что в Некоузском районе Ярославской области.

У Павла Илларионовича и Екатерины Ивановны Охлестышевых росли 4 сына и 5 дочерей. Старшие сыновья — Анатолий и Николай были погодками. Родители вошли большие надежды на них. Николай закончил в 1941 году семилетку. Учился хорошо, ему давались точные науки, но он и предположить не мог, что впереди ждут «военные университеты».

— Нас с отцом в первые дни войны приняли вольнонаемными в военно-дорожный отряд, что базировался в Рыбинске. До 8 мая 1942 года мы служили там. Затем отца призвали на фронт. А я вернулся в село и еще год работал в колхозе. Повестка в армию пришла 10 ноября 1943 года, — рассказывает Николай Павлович.

Парню 2 апреля 1943-го исполнилось только 17. Третьего из мужчин в семье Екатерине Ивановне пришлось провожать на войну. Провожала с тяжелым сердцем. В боях на Украине в городе Красноармейске погиб ее старшенький — Анатолий. Ему было всего 18. Призвали в мае 1943-го, а в августе вслед за письмом, где солдат сообщал, что едет после окончания училища связи на фронт, пришла похоронка. На передовой Анатолий пробыл 3 дня. В госпиталях на Урале после тяжелого ранения лечился муж. На ее руках оставалось семеро детей — мал мала меньше.

В роте автоматчиков 14-го учебного батальона проходил курс молодого бойца призывник. Через 25 дней учебы уже принял присягу вместе с остальными «салагами». Учили тактике независимо от погоды. Призвали в ноябре, а к началу декабря лютовали морозы. Главное здесь не стоять, двигаться, тогда и суконная без подкладки шинель покажется шубой, и ботинки с обмотками — валенками. А кормили солдат по третьей норме, так что не забалуешь:

это 600 граммов хлеба в день да жиенький приварок. Много ли навоюет такая армия? Из этих полуголодных ребят впору формировать слабосильные батальоны.

— Мне и этого питания хватало, — вспоминает Николай Павлович. — Ведь и в семье мы ели не досыта.

Судьбе было угодно, чтобы непрятательный парень из Ярославской глубинки взлетел в небо соколом. В часть приехали «покупатели» и отобрали 20 человек для военного училища стрелков-радистов и штурманов, что базировалось в Челябинске. И, как говорит Николай Павлович, до свиданья, слободские хаты!

Учиться пришлось 10 месяцев. Наука давалась легко, недаром закончил училище с одной четверкой. Вот где пригодились парню школьные знания! Часами их обучали наукам воздушных стрелков-радистов, штурманскому делу, отрабатывая ситуации, когда самолет остается без штурмана, а его место занимает стрелок-радист, или когда выходят из строя приборы. Он жизнью обязан этой науке. Уже в мирное время, в 60-е годы, его самолет оказался над голодной степью, у штурмана вышел из строя прибор, тогда старшина Охлестышев запросил у земли пеленги. Определив расчетное время, уже можно было проложить маршрут воздушного судна и не заблудиться над местностью.

Военная выучка дала многое. Старшина стал радистом первого класса. Он летал до 1949 года на двухмоторном бомбардировщике Ил-4, затем переучился на американский В-25, потом на четырехмоторный ТУ-16. В его послужном списке многочисленные благодарности за безупречную службу, успешное выполнение боевых задач. Но повоевать ему не пришлось. После победного мая он начал службу стрелком-радистом в составе 184-го гвардейского полка тяжелых бомбардировщиков, который в декабре 1945 года базировался в Польше. Уволился в мае 1962 года по истечении срока сверхсрочной службы. Затем ветеран более 20 лет проработал в геологоразведке.

После войны благополучно сложилась жизнь ветерана. Военный городок на Черниговщине, заботливая супруга Надежда Филимоновна, с которой прожили 53 года. Они вырастили дочь Валентину, но полюбила девушка парня-северянина — Михаила Сметанина и поехала за ним в Печору. Родители в свой черед не стали долго

себя упрашивать и в 1997 году переехали сюда же. Жизнь пошла по-новому: заботы о внучках — ныне студентках Виктории и Светлане, общение с семьей Сметаниных не дают скучать. А внучки должны знать, что их дед и прадед защищали Родину, что Н.П. Охлестышев заслужил две медали «За боевые заслуги», медали «За победу над Германией», «За безупречную службу» II степени и другие, юбилейные. Это говорит об одном, что служил Николай Павлович верно, не уронив чести солдата.

63 освобожденных города

(Об И.И. Пархачеве)

15 октября 1939 года началась военная биография Ивана Пархачева. Поезд увозил призывника далеко от родной Шошки, что в Княжпогостском районе. Ехать пришлось через всю страну с ее Северо-Запада на Дальний Восток. Перед глазами за долгие недели переезда предстали безбрежные просторы Родины. Иван любил леса, сам работал до армии в леспромхозе. А теперь впервые за всю жизнь видел степи, горные плато и, наконец, маньчжурские сопки. Именно на границе Маньчжурии и пришло служить.

Определили новобранца в 86-й отдельный стрелковый батальон. Здесь принял присягу на верность Родине.

Все новоиспеченные бойцы фотографировались. Осталась и у него, Ивана Пархачева, фотокарточка как свидетельство о том предвоенном 1940 году. Он в гимнастерке и буденовке. Взгляд открытый и прямой, тогда он еще не знал, что впереди 7 лет службы, аж до 15 мая 1946 года, что непосредственно в боях придется участвовать с января 1942 года.

Весть о нападении фашистов пришла на границу сразу. Эшелон с войсками отправили в Свердловскую область, где в июле 1941 года формировали 167-й стрелковый полк. Стрелок Пархачев учился минометному делу, стал командиром миномета, сержантом. В тяжелые для Москвы месяцы полк перебросили в Подмосковье в г.

Малоярославец. В составе 132-й стрелковой бригады 245-го минометного полка 17-й артдивизии сержант участвовал в боях за Калинин, Ржев.

Воевать в этой бригаде довелось с января 1942-го по победный май 1945-го. Но были в этой ратной работе и перерывы — ранения. 12 августа 1942 года под Ржевом сержант выбыл из строя. Ранение в бедро, лечение и снова — бои. 63 города освобождал сержант, не считая высот и мелких населенных пунктов. За это имеет благодарственное письмо за подпись командира соединения генерал-майора, Героя Советского Союза С. Волкенштейна и начальника политотдела гвардии полковника П. Лопачева.

Две медали «За отвагу», ордена Славы III степени, Красной Звезды, медали за освобождение Праги, взятие Берлина — это боевые награды И.И. Пархачева. Орден Славы боец получил за прорыв вражеского кольца. Прицельно бил его миномет, обеспечивая нашим войскам продвижение вперед. А медали «За отвагу» — это свидетельство того, что минометчик неоднократно рисковал, но всякий раз выигрывал бой с противником.

В составе 1-го Украинского фронта сержант И.И. Пархачев додшел до самого логова врага. Когда уже отгребли бои, очень хотелось вернуться в наши северные леса, насладиться их тишиной и покаем. Однако служба не отпускала еще целый год.

В 1948 году солдат стал супругом. С Марией Егоровной они прожили 56 лет, вырастили дочерей, сына, внуков. И работал ветеран в любимой отрасли — лесной. До пенсии трудился в Кожвинском лесхозе. С 1952 года проживают Пархачевы в Зеленоборске. Здесь полнилась их семья, становились на ноги дети и孙子女, те, ради кого и воевал глава семьи — Иван Иванович.

«Не подведи, сынок»

(О В.М. Пинчуке)

Наша беседа с лейтенантом запаса Владимиром Марковичем Пинчуком подходила к концу. И, будто подводя итог своему рассказу, ветеран произнес:

— От войны я не прятался. Сейчас вспоминал о том, как воевал, и мне не пришлось краснеть за то, что прожито и сделано.

Когда его 20-летним призвали на действительную военную службу, а было это 15 октября 1940 года, Владимир оставлял не только свои родные Новоселки, что в Хойницком районе Гомельской области, но и школу, где учительствовал в младших классах, дружную семью. Мама, Ульяна Ивановна, тихонько всплакнула, собирая сына. Отец, Марк Иванович, понимал, что мужчина должен служить в армии, и напутствовал Владимира как подобает: «Не подведи, сынок. В нашем роду трусов не было». Не знали и не ведали родители, что вскоре под ружье станут еще два сына и дочь, что с войны не вернутся двое продолжателей фамилии. И не дай Бог родителям пережить своих детей!

Не спокойно было на советско-германской границе в конце 40-х, но служить Владимиру довелось не здесь, а в противотанковой артиллерии в Вологде. Как раз накануне воскресенья, 22 июня 1941 года, воинскую часть отправили на учения. Отрабатывались действия боевых расчетов 45-миллиметровых орудий по преодолению

водных преград. Перевозимые на тракторах «Комсомолец» противотанковые пушки должны были форсировать болота, а затем разворачиваться для принятия боя. Весть о начале войны пришла прямо в летние лагеря. По тревоге собрались, кое-как свернув палатки, и выдвинулись в расположение части. А там погрузка на железнодорожные платформы и согласно приказу: «Направление — на Ленинград».

2 июля 1941 года артиллеристы развернули боевые расчеты у города Остров. Первый бой стоит в глазах ветерана четкой картиной: сколько хватает глаз раскинулось ровное пространство полей. Стаяй черного воронья рассредоточились по нему танки. Наползает враг нагло, уверенно. Уже видны кресты на броне машин. Командир расчета громко выкрикивает координаты цели, вложен снаряд заряжающим. Раздается команда: «Огонь!». Расчет на миг застывает, приоткрыв рты, чтобы не лопнули барабанные перепонки от грохота орудийного выстрела. Со звоном пустой банки отлетает стреляная гильза, а впереди за 60—80 метров черный клубок дыма охватывает еще движущийся по инерции танк. Завертелся, как ужаленный, на месте, оглушая округу взрывом от боекомплекта. А наводчик орудия ищет в перекрестье цели следующую жертву...

— В том первом бою наш расчет подбил 6 танков. На следующий день еще два, но это были последние цели. Наш боевой расчет разбили, орудие вышло из строя. Пришлось отступать, — завершил историю боевого крещения ветеран.

Разбитые части плутали в лесах и болотах, наиболее грамотные командиры старались вести своих солдат подальше от автомобильных и железных дорог, которые уже контролировал враг. Чтобы выйти к своим на переформирование, предстояло не только незамеченными обойти все ловушки пленения, но и преодолеть водную преграду — реку Волхов.

— Вода в реке холодная, как-никак 29 сентября. Мы несколько «промахнулись», метров 300 не дойдя до места, где были сосредоточены подготовленные для нас лодки. Перебирались на подручных средствах. Зато на том берегу нас ждали свои, — продолжил рассказ мой собеседник.

Вышедших из кольца окружения отправили на переформирование на Соловки. Соловецкий монастырь на долгие военные годы

стал местом дислокации учебных полков, школы юнг, госпиталем. Сержанту Пинчуку предстояло поменять военную профессию, перейдя в полк тяжелой артиллерии, где на вооружении были орудия 122- и 152-миллиметрового калибра.

Полк был зачислен в резерв Главкома, а бросали его всякий раз в самые жаркие точки боя Ленинградского фронта. «Месили» пушки военную технику и людскую силу врага с Пулковских высот, охраняли «дорогу жизни» на Ладоге, «огрызались» разрушительным огнем под Выборгом. Но доставалось и обслуге боевых расчетов. В 1943 году был тяжело ранен и Владимир Маркович.

— Мне довелось участвовать в прорыве и снятии блокады осажденного Ленинграда, — говорит ветеран. — От Ленинграда мы не отошли ни на пядь земли.

Благодарные ленинградцы награждали воинов за оборону своего города. Есть такая медаль и удостоверение за участие в обороне, подписанное секретарем Ленинградского горсовета А. Бубновым, и в «копилке» В.М. Пинчука. У него и медаль «За боевые заслуги», и многочисленные юбилейные награды.

— Это только часть медалей, — вступила в разговор дочь, Валентина Владимировна. — У папы было много наград еще с фронта, но не сберегли.

Служил в армии Владимир Маркович с октября 1940 по декабрь 1945 года. Сразу после снятия блокады Ленинграда он в октябре 1944 года поступил учиться во 2-е Ленинградское артиллерийское училище. Здесь встретил День Победы. Закончил училище в звании младшего лейтенанта и демобилизовался.

Враг прошел по родной Белоруссии огнем и мечом. Выжженные села и поселки встретили демобилизованного воина. Пришлось все строить заново, а еще растить строителей новой Белоруссии — детей. Учителяствовал, преподавал военное дело и в школе встретил свою судьбу — Лидию Кирилловну. Они прожили, как в сказке, 33 года. Вырастили дочь Валентину и сына Сергея. Дочь стала женой военного, а сын — офицером. Ветеран видит свое продолжение в трех внуках, трех правнучках и праправнучке. Это его радость и опора. В 2003 году забрала его к себе в Печору дочь, что живет здесь уже 24 года. Россия дала ветерану гражданство, ведь это русский город Ленинград защищал артиллерист, за него проливал свою кровь.

Как закалялась сталь

(О В.И. Попове)

Нет, что ни говорите, а все-таки удивителен русский человек! И в огне не горит, и в воде не тонет. Гнут его веками, а согнуть не могут. Не в обиду будет сказано россиянам других национальностей, но в этой версии я убеждался и раньше, и ныне уже в который раз, когда беседовал с ветераном войны и лесной промышленности Виктором Ивановичем Поповым.

Невысокого роста, бойкий, симпатичный мужичок довольно подробно, в деталях излагал мне фрагменты своей одиссеи по гитлеровским лагерям. Чувствовалась прочность его памяти, несмотря на то, что ему перевалило за 85 лет. А родился Виктор Иванович в 1919 году на тамбовщне, в городе Моршанске, в рабочей семье. Отец с матерью произвели на свет семерых детей. Виктор был вторым по счету. Жили нелегко. Мятежное было время. Окончив семилетку, уехал паренек в г. Новомосковск (бывший Сталиногорск) к старшему брату Алексею и после учебы в ФЗО стал работать газогенераторщиком на местном химкомбинате.

В середине 30-х годов молодежь стремилась в небо. Виктор вечерами увлеченно занимался в аэроклубе, окончил школу авиамотористов и мечтал по призыву в армию попасть в авиавойска. Но накатила волна сталинских репрессий. Его маму в 1937 году арестовали и осудили по политической статье за якобы религиозную пропаганду и отправили в далекий сибирский город Мариинск. Химкомбинат был номерным пред-

приятием, и Виктора как сына «врага народа» уволили. Брат в это время служил в армии. Вернулся Виктор в Моршанске и стал работать там, помогая отцу поднимать пятерых, оставшихся без матери детей.

В 1939 году Виктора призвали в Красную Армию. Просился в авиацию, но отказали по известной причине. Попал паренек в Крым, в симферопольский 282-й артиллерийский полк 76-миллиметровых пушек на конной тяге. Долгое время чистил хвосты и гривы лошадям. Потом попал во взвод разведки, ожидая положительной резолюции на рапорте о переводе в авиацию. Такая резолюция пришла, но он, находясь в краткосрочном отпуске по семейным обстоятельствам в Моршанске, заболел, а когда вернулся, ему сказали, что поздно, группа мотористов уже отправлена по назначению и придется ждать еще год. В скромом времени полк направили в Бесарабию. Виктор был рад, лелея надежду на встречу со старшим братом Алексеем, который служил в этом крае. Но грянула война. Начались интенсивные бомбежки противником и отступление наших войск. Попадали под бомбежки и артиллеристы, особенно досталось полку от фашистских стервятников в районе Могилев-Подольского. Понесли большие потери, а после перевооружения часть снова бросили на передовые позиции в бой, в котором Виктор с товарищами получил боевое «крещение» в начале июля 1941 года в местечке Рахны-Лесовые.

Под натиском противника наши войска отступали по дорогам Винницкой области. Это был Южный фронт, 6-я армия. Враг брал их дивизию в клещи. По радиоусилителям велись призывы немцев: «Рус, сдавайся!». Но полк продолжал, отступая, сражаться. Многие орудия были разбиты, кони разбежались. Виктор, будучи наводчиком, вместе с лейтенантом прицепил свою пушку к танкетке и с остатками войск двигался на северо-восток. Минь, снаряды врага часто рвались рядом, их осколки обходили солдата стороной. Но во время одной из стычек с противником шальная пуля угодила ему со спины в предплечье, зацепив легкое. Пришлось скрыться в лесочке для обработки раны. От боли впал в беспамятство. Когда очнулся, понял, что остался один. Через некоторое время наткнулась на него группа наших солдат с сержантом. С собой не взяли, обуза. Позаимствовали его боекомплект и предложили добираться до своих самостоятельно, что он и делал целый месяц. Уже в гражданской одежде, под видом глупого паренька дошел до прекрасного областного города Житомира, захваченного немцами.

Как не берегся Виктор, все же попал под облаву. В городской комендантуре учинили допрос, а потом на машине отправили в лагерь, где после сортировки погрузили многих задержанных на прицепы и увезли в Ровно, поместив в огромный накопитель под открытым небом. Из лагеря он с группой новых товарищей, сделав подкоп под оградой из колючей проволоки, сбежал. Добирался бедолага ночами до близайшего крупного города Дубно. Рана на плече заживала плохо, началось у него рожистое воспаление, приведшее к горячке. Подобрали его поляки и поместили в гражданский инфекционный лазaret, а оттуда он попал в лагерь военнопленных, несколько тысяч которых пригнали из Киева. Из этого лагеря погнали в Ровно. Люди умирали, как мухи, с голоду, от болезней и гибли от пуль охраны. Виктор выжил.

В начале 1942 года увезали Попова в Германию. Узнав, что он разбирается в моторах, гоняли по рабочим лагерям. Был, например, в лагере в морском порту на ремонте подводных лодок. А когда эту базу англичане разбомбили, он был увезен в Бремен на завод по изготовлению плоскостей и запчастей для «Юнкерсов». Условия обитания были катаржными. Наш «герой» от большой концентрации газа и алюминиевой пыли стал кашлять кровью. Из таких больных плennых набрали в лагере группу с полсотни человек и отправили в местечко Клоппенбург, где медкомиссия формировала бригады и направляла из лагеря для работы в близайшие немецкие деревни. Виктор попал к бауэру-середняку. Там постепенно оправился от голода и болезни. Лагерь располагался в бывшем свинарнике с двухъярусными нарами. На работу возили и водили под конвоем. Со временем его хозяин от помощни отказался, и начали Виктора опять гонять по разным лагерям, пока 18 апреля 1945 года он не был освобожден союзниками в районе Бисмарка под Магдебургом.

Янки проводили проверки и допросы методом детектора лжи, занимались вербовкой, но парень с пересыльного пункта удрал и вместе с беженцами удачно перебрался на территорию, занятую нашими войсками. Это уже был май. И у наших начались проверки, по результатам которых одних отпускали, других увозили в неизвестном направлении, а Виктор был снова призван в армию и попал в стрелковый полк, где принял (уже 2-й раз) воинскую присягу и получил новую красноармейскую книжку. Служил в роте обслуживания самолетов командного состава. Окончил курсы кладовщиков и получил должность заведующего складом авиационных запчастей в городе Финов, а потом пошел на повышение

ние с направлением в аэродромную войсковую часть, которая обслуживала самолеты нашей военно-гражданской администрации в Берлине.

В ту пору в стране снова началась охота на «врагов народа», активизировался и «Смерш». В результате, якобы за излишнее общение с немцами, Виктор Иванович в 1949 году был уволен из армии и вернулся в Моршанск к отцу, сестре и жене Марии Васильевне, на которой женился годом раньше, будучи в отпуске в родном городе.

Вот так закалялась сталь. Так сложилась судьба человека с исконно православной фамилией — Попов, а по батюшке — Иванович. Кто-то до Берлина шел четыре года по фронтам, а Виктор Иванович почти столько же по фашистским лагерям. И над ним все это время также постоянно витала смерть. Но Всеяньший сохранил жизни и ему, и его родным, за исключением старшего брата-офицера, погибшего в бою и похороненного на Пискаревском кладбище, и мамы, умершей в лагере в далекой Сибири в 1943 году, так и не отрекшись от Бога. Побыв некоторое время на родине, Виктор Иванович с Марией Васильевной завербовались по объявлению и приехали в архангельскую тайгу, в город Вельск. Там он работал на лесобазе и лебедчиком-мотористом, и нормировщиком, и плановиком. А жена родила ему трех сыновей. В 1954 году семья перебралась в Коми АССР на Кожвинскую лесобазу (п. Березовка). Трудились, воспитывая детей по-христиански. На новом месте родилась у них дочь. Не обидел Бог супругов, которые живут ныне в Печоре, и внуками, и правнуками...

Давно отремела война, уходят в мир иной ее ветераны. Но память о них должна быть незабвенной всегда, независимо от общественно-экономического строя. Живым же еще ветеранам в полной мере должны быть оказаны и забота, и внимание, невзирая на должности. Они это заслужили как воины, как труженики тыла. Заслужили уважения и награды, которыми отмечены ветераны, при виде которых у завистников, «желчных циников и бездушных скептиков часто кривятся физиономии, подавая дурной пример молодежи и детям. У Виктора Ивановича на парадном костюме по большим праздникам горят сплохами и звенят колокольчиками дюжина медалей и орден Отечественной войны. Святой Орден.

Переправа, переправа...

(Об О.П. Поповой)

Все-таки очень несправедливой и жестокой бывает судьба по отношению к некоторым людям. Вот и на долю О.П. Поповой выпало столько невзгод, тяжких испытаний, что приходится просто удивляться, как она все это перенесла, оставшись добрым и чутким человеком.

Родилась Ольга Павловна в 1923 году на окраине города Уфы и была седьмым ребенком в семье. Отец ставил срубы для разных заказчиков, мастерил кованые сундуки, мебель, другие поделки, чем в основном и пробавлялись. Ну а мать при таком количестве детей, конечно же, занималась домашним хозяйством и ребятишками. Однако рано умерла при тяжелых родах двойняшек, когда Оле едва исполнилось три годика. А буквально через год скончался и отец.

Что теперь делать?! Куда податься?! Как самую младшенькую, Олю приютил дошкольный местный детский дом. Мрачные и горькие воспоминания остались о том времени у О.П. Поповой:

— Нас тогда в приемном центральном распределителе, который находился в бывшем монастыре за высоченным забором, было около полутысячи, и никого за его пределы не выпускали. Всех стригли наголо. Одежды и обуви не выдавали. Ходили в каких-то лохмотьях. Питались кое-как. Постоянно обижали, а пожаловаться некому, да и боялись, как бы еще хуже не стало. Утешало лишь то,

что учились. Именно здесь удалось четырехлетку, а потом и семилетку уже в городской средней общеобразовательной школе закончить. Мне тогда исполнилось шестнадцать лет, и с детдомом пришлось рас прощаться, потому что в таком возрасте в нем не содержали.

Не знаю, на счастье или беду, но однажды в нашем детдоме появился какой-то вербовщик и стал уговаривать поехать на ткацкую фабрику «Красное эхо» в Московскую область в город Переяславль. Но работа оказалась настолько тяжелой, изнурительной (от постоянного связывания порвавшихся ниток из пальцев сочилась кровь), что мы с подругами просто убежали из такого ада. Голодными и неприкаянными бродили по городу, пока не завербовались на рыбную путину в Астрахань. Но и там не в меру тяжелое дело оказалось не для нас. Лично мне скоро удалось устроиться уборщицей на пристани, а чуть позже научилась печатать на машинке, что тогда и потом очень пригодилось.

Весть о начале войны застала О.П. Попову в Астрахани, и она, будучи комсомолкой, сразу же попросилась на фронт. А ей еще не исполнилось 18 лет, и, конечно, в просьбе отказали. Но почти в это же время по линии горвоенкомата открылись курсы военной подготовки, и Ольга сразу же поспешила туда. Здесь молодую, но не по годам крепкую и ладно скроенную девушку охотно приняли, и она стала не только изучать материальную часть стрелкового оружия, но и учиться применять его в бою. Кстати, у О. Поповой все это получалось значительно лучше, чем у многих других.

Между тем до зубов вооруженные фашистские орды продолжали продвигаться в глубь нашей страны. Вместе с другими не терпелось оказаться на фронте и О. Поповой. Но лишь в середине 1942 года ее с тремя подругами вызвали в военкомат и, обрядив в солдатскую форму, направили в 1-ю pontонную мостовую бригаду в г. Ленск наводить переправы через реку Волгу.

— Это было, пожалуй, самое тяжелое и страшное время, — говорит О.П. Попова. — Особенно для новичков. Мы на одном берегу, а Сталинград весь в огне и дыму — на другом. Тут и там рвутся снаряды, бомбы, да так, что головы не поднять. Но нужно любой ценой навести переправу и обеспечить переход нашим частям для поддержки сталинградцев. А фашистские воздушные стервятники

беспрестанно охотятся за каждым пароходом и катером, пресекая любую возможность развернуть понтоны в нужном направлении. Сердце буквально обливалось кровью при виде, как гибнут наши бойцы под градом осколков и идут на дно речные суда...

И все-таки переправу сделали. По ней сразу же устремились автомашины с пушками, танки, пехота, в том числе и сама наша бригада, которые тут же обрушились на фрицев и сорвали их планы выхода непосредственно к Волге. Безусловно, все это досталось огромной ценой, но иначе, наверное, было нельзя.

Те, кому доводилось в минувшую войну форсировать многочисленные водные преграды, всегда с благодарностью вспоминали и вспоминают тех, кто под проливным вражеским огнем, погибая сам, наводил переправы для других, чтобы быстрее разгромить ненавистного врага. Понтонная переправа под Сталинградом для О.П. Поповой была первой и самой памятной, но не последней. В дальнейшем их приходилось наводить через многие другие реки, и каждый раз с большим риском для жизни. Лично для Ольги Павловны последней оказалась понтонная переправа через Днепр, потому что ее, как очень надежного человека, высококвалифицированную машинистку и хорошо знающую секретарское дело, перевели в Министерство госбезопасности.

В свое время О.П. Попова принимала активное участие в выпускках стенгазеты еще в детдоме, затем на фронте — «Боевого листка», охотно писала заметки, стишкы и частушки, помогая солдатам повысить боевой настрой и отвести в сторону мрачные мысли.

Боевали с фашистами три брата и сестра Ольги Павловны. Один из братьев вернулся весь израненный и скоро скончался, другой пришел без ноги, а третий вообще пропал без вести.

Что касается непосредственно О.П. Поповой, то она с первым мужем прожила еще на фронте, но из-за тяжелых ранений он умер. И второго мужа уже давно похоронила. Вот такая горькая участь выпала на долю одной из защитниц нашего Отечества. За свои боевые заслуги О.П. Попова награждена орденом Отечественной войны, медалями «За победу над Германией», Жукова, Знаком «Фронтовик» и другими наградами.

Кроме того, Ольга Павловна много лет безвозмездно сдавала свою кровь, за что имеет медаль «Донор СССР».

До выхода на заслуженный отдых она верой и правдой служила Печорской лесобазе, где начинала рядовым учетчиком леса и, благодаря своему трудолюбию, обязательности, чуткому, но принципиальному характеру, дошла до начальника отдела кадров.

И откуда берутся силы!

(О З.А. Пушиной)

Лейтенант медицинской службы Зинаида Алексеевна Пушкина считает, что ей в жизни повезло необыкновенно: «Бог давал испытания — Бог и оберегал».

Родилась в Великом Устюге 19 октября 1920 года, была пятым ребенком. А всего в семье росло семь детей. В то время рожали помногу и жили дружно. После восьмилетки пошла учиться в медучилище в родном городе, получила специальность фельдшера. И направили их, трех подружек, в город Харовск. Девушки быстро полюбились местному люду, да и «болели люди как-то мало». Все успевала, работала, еще и родителям помогала. Так было заведено в семье.

Очень хорошо помнит она начало войны: «Погода была ясная, солнечная, а мы в ночь на воскресенье никак с танцев не могли разойтись, так всю ночь и прогуляли. Песни пели, что-то рассказывали. Пришли уже утром домой. Только угомонились, вызывает главврач. Собрались все, и он нам объявляет: «Война началась». Как-то сразу не дошло». Но медики — люди военнообязанные, и в этот же день, 22 июня 1941 года, девчонок-добровольцев посадили в поезд и повезли к месту формирования батальона. Так началась ее работа в эвакогоспитале (полевом).

За все время нашего разговора Зинаида Алексеевна ни разу не сказала, что воевала, но повторяла: «Так вот и работали». Не часто

она рассказывает про войну, хотя рассказчик великолепный. На сей раз сделала исключение из правила. И говорит она о трагических в ее жизни событиях, стараясь не показывать своего волнения.

В первые дни войны сколько народу погибло! «Оружия-то толком не было. Нам, медперсоналу, тоже выдали его. Только применять некогда было: раненых принимали, на передовую ходили, с ногвались от усталости. Как-то до того устала... Ночь уже, вроде бы так сильно и не стреляют, спать хотелось неимоверно. Легла под кустом, накрылась шинелью, заснула, а проснулась — смотрю, рядом со мной кругом трупы наших бойцов лежат. Так крепко спала, ничего не слышала. Вот повезло-то! Живехонькая, даже ни царапины».

Шел пятый месяц войны. Ленинградский фронт. «В автобусе везли раненых, ходячих практически не было. И вдруг со всех сторон начали стрелять, не поймешь откуда. Выгрузили раненых и понесли на носилках. Идем, сами не знаем куда. Ад! Самый настоящий ад! Вышли из леса, сели на опушке передохнуть. Я в сторонке развела костер, чтобы хоть горячим кипятком напоить бойцов. И вдруг — разорвался снаряд. Я в снег головой зарылась, а когда дым чуть разошелся, от ужаса горло перехватило, даже кричать не могла. Там, где лежали раненые, — большая воронка. Вот так стала эта воронка братской могилой для солдат.

Никого нет, осталась одна. Вот ведь повезло опять! А куда идти? Кругом стреляют. Двинулась через лес, вышла к какой-то речушке. Лед-то тонкий, ноябрь месяц. Но перебралась, вижу — танки. Обрадовалась — наши! Подбежала ближе и обомлела, когда на танках кресты увидела. Как обратно речку перешла, не помню.

Побрела опять по лесу. Сколько шла, тоже не помню. Присела отдохнуть, задремала, а очнулась от того, что кто-то в бок толкает. Смотрю — два немца, автоматами расталкивают. Говорят: «Вставай! Иди!». Немецкий понимала, ведь восьмилетку закончила, да и в медучилище латынь изучали.

И повели по дороге, а потом еще троих медсестер нашли. Ведут нас, куда, сами не знаем. Страшно ли было? Нет. Страха не было. Усталость. Страшная усталость. Вышли на дорогу, приказали остановиться. Сели на бревно, а через некоторое время от ужаса похолодело внутри все: вели колонну пленных бойцов. Сколько было их — две, три тысячи? В конце колонны и мы побрели, к тому времени нас уже 12 девчонок было.

Разрешили привал. Сидим. Как можем, оказываем помощь раненым. Подъезжает машина, похожая на «воронок», берет раненых, увозит. Так всех увезли. Потом опять приезжает: «Ты, ты, ты и ты — быстро в машину». Везут нас, один немец говорит: «Через пять минут вас не будет. Выходите!» Я перевела девчата. Посовещались мы и говорим: «Вези уже в деревню, там хоть жители нас увидят, потом родным весточку дадут. Вези дальше!».

Вот и остановка. Большой амбар, там раньше, видимо, зерно хранили. Вытолкали нас из машины. Не успели мы встать, как она развернулась и уехала. Ну, опять повезло! Подумали с девчатами: в деревне немцы, а мы все в военной форме. Надо кому-то туда идти. Я всех меньше ростом, но по званию старшая. Пошла. В деревне подошла к крайней избе, где огонек был. Накормили, одежонку дали. Переоделись и пошли кто куда. Много не разговаривали. Девчата местные быстро ушли, а я пошла в направлении к Ленинграду.

Шла спокойно, ночевать пускали, кормили, люди какие добрые были. Так дошла до Гатчины. В одной из деревенек зашла в избу — пусто, а есть хочется так, что пришлось искать без зазрения совести что-нибудь съестное. Обрадовалась! Мешочек сухарей нашла. Неужели в деревне никого нет? Пошла на огонек. В одном доме, оказалось, женщины-ленинградки живут. Окопы рыли, да бомбить начали, а тут линия фронта вскоре стала проходить. Собирали мерзлую картошку, чтобы выжить. Но не долго это продолжалось. Пришли немцы, подняли нас, погрузили в вагоны и повезли в Германию.

Так я оказалась под Мариенбургом в Восточной Пруссии. Десять человек взяла в работницы на поля одна немка. Нас не били, правда, работали от зари до зари. Она нам и паспорта вроде трудовых книжек сделала, что впоследствии и спасло меня. Никому не рассказывала, что я лейтенант медслужбы. Нас там две польки было, украинки, латышки и мы, две русские. В общем, полный интернационал.

Так и работали. Когда только наши войска стали приближаться, хозяйка уехала, а мы пошли искать линию фронта. И ведь тех, с кем я шла, всех убило, но мне вновь повезло: добралась до наших! Рассказала о себе, документ, что хозяйка справила, показала, меня сразу в медсанбат определили, форму выдали». «Неужели не проверяли в НКВД?», — задаю вопрос. «Ну как же, допрашивали, иногда ночью поднимали на допрос. Но все как-то по-доброму, порасспрашивают и отпустят».

В конце апреля 1945 года поступил приказ ехать на Дальний Восток, где начинались военные действия с Японией. Повезли девушку в Москву, где формировались части. 9 Мая, День Победы, Зинаида Алексеевна встретила в Москве. «Господи! Плакали, смеялись, обнимались, танцевали, а вечером — салют!» — Зинаида Алексеевна рассказывает так, будто видит все вновь: она — на площади.

«Повезли нас через весь Союз, но война там быстро закончилась. А мы делали все, что обычно делают медсестры».

Во Владивостоке Зинаида Алексеевна встретила свою любовь, поженились, но демобилизацию пришлось ждать до 1946 года. А потом поехала к мужу на родину. Он ведь тоже был фронтовик. Жили в Удмуртии. Затем в 1961 году поехали в гости к сестре на Север, в Кожву, да так им понравилось, что переехали насовсем сюда. Перерывов в работе не было, медработники всегда были востребованы. В Кожве тоже. Как приехали, на второй день вышла на работу заведующей яслими. В ясельках детки были от 5 месяцев до 1 года. Так и проработала до пенсии. Одни благодарности да Почетные грамоты, которых более двадцати. Жили, как многие после войны, детей растили. Не все получалось в жизни: сын сбежал с пути, похоронила мужа, потом сына. На пенсии долго не просидела, пошла работать вахтером в профилакторий лесобазы.

Глядя на нее, маленькую, сухонькую, с живыми голубыми глазами и всю седую, слушая ее удивительные воспоминания, спрашиваю: «Откуда же у вас силы брались?» «Не знаю, ведь работала всю жизнь, и добрые люди были вокруг меня», — отвечает. И мне вспомнились слова Юлии Друниной:

*«И откуда вдруг берутся силы
В час, когда в душе черным-черно?
Если бы я была не дочь России,
Опустила бы руки давно».*

Да, это поистине Дочь России из когорт Победителей. И живет она скромно, не выпячивая себя, не любит, когда о ней говорят, пусть даже хорошо. А любит она рисовать, особенно цветы, весеннюю природу, когда все пробуждается, когда вновь появляется надежда, что доброе только начинается, а грязное уйдет с весенними водами.

Под знаменем Щорса

(О В.С. Рогачеве)

Владимиру Семеновичу Рогачеву на момент нашей встречи исполнилось 86 лет. За плечами — целая жизнь, в которой есть место лишениям военных лет, ранению, плену, 5 годам лагерей по приговору трибунала, реабилитации, работе на предприятиях «Воркутдорстроя». Но, тем не менее, мой собеседник как будто и не голодал, не страдал и не бедствовал. Он свеж и энергичен, точен в воспоминаниях и оценках текущих событий, словом, передо мной довольно-таки молодой человек. А секретов тому два: он из трудолюбивой крестьянской семьи, более того — никогда не позволял себе праздности и всего того, что с ней связано.

Мне же с первых слов нашей беседы было с ним интересно.

— Я попал в войска 13 ноября 1938 года, — начал рассказ Владимир Семенович. — Штаб нашей 44-й имени Н. Щорса дивизии располагался в украинском городе Житомире на улице Михайловской, а сами полки дислоцировались в лесистой части пригорода на Богунии. На стрельбище мы ездили на полигон, что располагался за рекой Тетерев, на Корбутовку.

Житомир, Михайловская, Богуния, Корбутовка... Для меня это говорящие названия, ведь связаны они с малой родиной. Житомиру в 2004 году исполнилось 1120 лет. Улица Михайловская названа так в честь Михайловской церкви, она — это своеобразный городс-

кой Бродвей, Арбат. Богуния получила свое название в честь Богунского (имени казака Ивана Богуна) полка, которым командовал герой гражданской войны Н. Щорс. Здесь и по сей день дислоцируются военное училище, воинские части, военный городок. Корбутовка — это живописный сосновый бор на берегу реки Тетерев. Последние десятилетия здесь располагается замечательная зона отдыха, но людям в военной форме данная местность знакома как танковый полигон, летние лагеря, стрельбища.

Пареньку из Смоленщины, закончившему 7 классов, была прямая дорога в полковую школу, после которой получали сержантское звание, должность командира отделения и военную специальность станкового пулеметчика. Их выпустили в исторический день — 1 сентября 1939 года, когда гитлеровская Германия, нарушив границы Польши, тем самым развязала вторую мировую войну.

К СССР, согласно пакту Рибентропа-Молотова, переходила территория Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии. 44-я дивизия двигалась на западном направлении к границе Польши. Полку, где служил сержант Рогачев, предстояло перейти границу у города Злочев, что на Западной Украине.

Финская «зимняя» кампания 1939—1940 года перечеркнула всю жизнь сержанта.

— Когда наша 44-я дивизия прибыла на передовую, — вспоминает ветеран, — перед строем выступил политрук с пламенной речью. Он сказал, что мы должны достойно нести легендарное имя Щорса и не уронить его славу, добытую на полях гражданской войны.

Дивизия в ходе боев на финской территории была взята в плотное кольцо врага. Сержант Рогачев, отстреливаясь из пулемета до последнего патрона, был тяжело ранен разрывной пулей в правую руку. Наверное, снайпер («кукушка») вывел из строя бойца и тем самым подавил огневую точку. В плен боец попал, потеряв много крови. С 11 февраля по 8 марта 1940 года ему не было сделано даже перевязки. Их, пленных, затем передали советской стороне. Судили военным трибуналом за нарушение военной присяги, в итоге — 5 лет лагерей.

Ветеран хранит небольшое письмо, в котором военный трибунал Московского военного округа сообщает, что «дело по обвинению Рогачева Владимира Семеновича 1918 года рождения, бывшего ко-

мандира отделения 305-го стрелкового полка, арестованного 22 августа 1940 года, пересмотрено 16 июня 1958 года. Постановление от 4 октября 1940 года отменено, и дело о нем прекращено за отсутствием состава преступления». Его подписал зам. председателя военного трибунала Московского округа полковник юстиции Н. Буринов. Как же долго шло оно к совершенно невинному человеку! В сомнениях и с клеймом нарушителя присяги он жил целых 18 лет. И тем не менее сержанту Рогачеву еще повезло. Он был осужден, как и сотни иных однополчан, попавших в плен. Однако комдив Виноградов, его заместитель Доронин и еще 50 офицеров были расстреляны своими же.

— 22 августа 1940 года нас по железной дороге вывезли из Владимирской области, — вспоминает Владимир Семенович. — Доставили до Архангельска, затем в Печоры, а точнее в Абэзь. Срок у меня был маленький, поэтому я в числе других был расконвоирован. Потом нас отправили в Печору на лесокомбинат. С 1943 года и по сей день я живу здесь.

В трудовой книжке В.С. Рогачева всего три места работы. Зато для благодарностей не хватило даже вкладыша, потому что их несколько десятков. Поэтому к ордену Отечественной войны II степени и трем юбилейным медалям он получил медаль «Ветеран труда», знаки победителя соцсоревнования.

Уходила на фронт добровольно

(Об А.И. Рябининой)

Старшего брата Шуры — Петра Петанова призвали в армию сразу после начала войны. А в 1942 году он погиб. Безутешно было горе матери после получения похоронки, ее слезы истомили душу Александры. У 15-летней девушки все чаще стали возникать патриотические порывы добровольцем пойти на фронт, мстить фашистам за погибшего брата.

Но вначале ей пришлось рыть окопы, видеть бомбежки мирных сел и гибель ни в чем не повинных местных жителей. Прибавив себе возраст почти три года, Александра в августе 1943 года в Череповце пришла служить на санитарный поезд № 1162 сандружинницей.

Девушка, почти девчонка, невысокого роста, в опрятных сапожках, в юбке и гимнастерке, затянутой на талии ремнем, — такой запечатлел Александру Петанову фронтовой сослуживец-фотограф. Красивая, добрая и вместе с тем энергичная и мужественная, она переносила все тяготы беспокойной и опасной армейской службы.

— Мы вывозили раненых с линии боев на Ленинградском фронте, — вспоминает Александра Ильинична. — Их сами грузили на носилки, заносили в санпоезд, ухаживали за ними. Часто после бомбежек приходилось перегружать раненых в другие вагоны, вновь перенося на носилках.

До сих пор помнится случай с одним из них. Это был боец, раненный в руку. Я кормила его. И вдруг маленькая вражья пуля убила раненого насмерть. Прямо на моих руках и умер, слова не успел сказать.

После Ленинградского фронта была Прибалтика. В конце апреля 1945 года Александру Петанову при очередном авианалете врача контузило. И теперь уже она сама оказалась на госпитальной койке в г. Шяуляй. Здесь встретила и День Победы. Только в июне 1945 года прямо из госпиталя Александру Ильиничну демобилизовали.

Не зря в своих «Воспоминаниях и размышлениях» Г.К. Жуков писал, что «Великую Отечественную войну выиграли раненые». И это высшая оценка подвига военных медиков, санитаров, которые из каждой сотни раненых сумели поставить в строй 70—80 бойцов. В этом есть и заслуга А.И. Рябининой, ее подруг.

После демобилизации Александра Ильинична работала на станции Пикалево Ленинградской области, где ее отец был начальником станции. В марте 1950 года ее командировали на ст. Инта Печорской железной дороги на три года. Но прожила она здесь до 1960 года. Затем уехала в Волынскую область в г. Ковель. А в 1964 году вновь приехала на Коми землю. В этот раз в поселок Кожва.

Здесь вновь нашла свое женское счастье: вышла замуж за В.М. Рябинина, с которым живут и по сей день. Воспитали и дали высшее образование трем дочерям, детям от первого брака мужа.

Познав страдания раненых людей в годы войны, Александра Ильинична и в мирное время помогала больным людям, давая им свою кровь. В течение 25 лет она являлась донором, за что и награждена нагрудным знаком «Заслуженный донор СССР».

Александра Ильинична Рябинина награждена и другими правительственными наградами: «За победу над Германией», орденом Отечественной войны II степени, юбилейными медалями.

На страже северных рубежей

(О В.С. Сазонове)

Жизненный путь солдат Великой Отечественной войны в чем-то схож: многие из них недоучились, недолюбили, оставили на потом свои планы и широкие замыслы. Но это самое «потом» у одних рухнуло под взрывом бомбы или снаряда, у других подкошено пулеметными или автоматными очередями. Прав писатель Олесь Гончар, который о войне написал: «Война самая тяжелая из всех известных человеку работ: без выходных и отпусков, по двадцать четырех часа в сутки». А иногда эта тяжесть дополнялась мрачными, порой жестокими картинами довоенной жизни. Все это хорошо помнит старый воин, 85-летний Василий Степанович Сазонов.

Родился он в последний день декабря 1919 года в деревне Никища Нижнечорского района Архангельской области. Его отец — Степан Петрович — был крепким хозяином-тружеником. Он занимался оленеводством. Его стадо насчитывало несколько сот оленей. С.П. Сазонов и рыбачил, и охотничал. Вместе с женой Калистой Ивановной они воспитывали пятерых детей — трех сыновей и двух дочерей. Василий был старшим, а значит, и помощником родителям в воспитании братьев и сестер. Он ходил за шесть километров в другую деревню, где была церковь, а при ней школа. Два года учился в ней Василий. А потом...

В 1930 году семью Сазоновых раскулачили. Ночью пришли особыстые, забрали деда, отца и дядю Михаила Петровича. А через не-

сколько дней их всех расстреляли. За что? Ведь уклад жизни всех этих людей соответствовал тогдашним законам. Да, их хозяйство было крупным. Но его владельцы своевременно платили все налоги и различные сборы... А через несколько дней рано утром в 40-градусный мороз всех домочадцев Сазоновых посадили в сани и повезли в древний русский город Пустозерск — место ссылки и казни Аввакума. Там уже было много людей. Перебивались кто чем мог. Мать была швея-мастерица. Она шила, вышивала. Этим и спасла детей от голода.

Весной всем разрешили вернуться на прежнее место жительства. Но, как оказалось, совсем ненадолго. Летом Сазоновым дали лодку и сказали: «Плывите в Нарьян-Мар». Поплыли. В Нарьян-Маре их встретили люди в кожанках и указали на место, где стояла баржа. Она была уже заполнена людьми, приплывшими из разных мест. Погрузили всех. И баржа, ведомая пароходом, поплыла в деревню Лыжа, которая стала местом жительства переселенцев. Много и усердно трудился Василий Сазонов. Он не чурался никакой работы. Был учеником повара, потом его помощником. Окончил курсы счетоводов, а вскоре уже работал в этой должности в ЖКО пароходства до октября 1940 года. А потом его призвали в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Медицинская комиссия дала заключение: «В.С. Сазонов годен к прохождению службы на Военно-Морском Флоте». Его послали на учебу в школу ВМФ, которая находилась на Соловках. А после окончания школы, буквально за месяц до начала войны, он был направлен в отряд сторожевых кораблей Северного флота. Осенью 1942 года сторожевой катер, на котором служил матрос Сазонов, попал под обстрел фашистской артиллерии и начал тонуть. Произошла трагедия: по приказу командира команда вынуждена была покинуть тонувший катер. Осеннее море оказалось холодным: матросов вытащили из воды и сразу же направили в госпиталь, где поставили диагноз: простуда и воспалительные процессы в легких.

Два месяца матрос Сазонов пролежал в госпитале, а после выздоровления его направили на остров, который был форпостом, прикрывал проход вражеским кораблям в Кольский залив. Там и служил он до конца войны. Очень жарко было. Фашисты всеми силами стремились пробиться к Мурманsku, но наши моряки и береговая

охрана геройски защищали северные рубежи Родины. За подвиги при защите Советского Заполярья В.С. Сазонов награжден орденом Отечественной войны второй степени, медалью «За отвагу» и другими медалями.

...Война закончилась, а Василий Степанович Сазонов продолжал служить. Командование, видно, посчитало, что опыт и знания бывшего воина пригодятся в период обучения и воспитания молодых солдат и матросов. Демобилизовался он в мае 1947 года. И все время до выхода на пенсию посвятил одному делу — материально-техническому снабжению буровиков и нефтяников Крайнего Севера.

Хорошо сложилась и семейная жизнь Василия Степановича и Нины Михайловны, известного в Печоре медработника. Они прожили вместе уже 56 лет. Вырастили и воспитали трех сыновей. Об этом они говорят с гордостью.

Во время нашей встречи я хотел было спросить у Василия Степановича о том, есть ли обида за сталинские репрессии 30-х годов. Но не стал этого делать. Мне было ясно, что мой собеседник не ставит знак равенства между Родиной и правителем-деспотом. Вожди бывают разные, а Родина у каждого из нас одна. Ее всегда готов защищать солдат.

Его называли СОКОЛЕНКОМ

(О И.Н. Соколове)

Он с детства мечтал о небе. Это было время, когда молодые люди бредили авиацией. К тому же два его двоюродных брата служили военными летчиками.

Но ему не исполнилось и шестнадцати, когда началась война. В августе 1941 года линия фронта прошла через родную деревню Рожня, что на Брянщине. Дома и даже деревенское кладбище были разрушены строительством противотанкового рва, а жители выселены в соседнюю деревню. Всё мало-мальски трудоспособное население направлено на рытье окопов и строительство укреплений.

Взрослых мужчин в деревне не осталось, и его, пятнадцатилетнего, назначили бригадиром в колхозе. Командир воинского подразделения, стоявшего в деревне, старший лейтенант Ефим Леонов обращался к нему, как к хозяину. Подружившись с бойцами, Иван помогал подтаскивать снаряды, пока шли бои. Но бойцы погибли в сражении, а командира, тяжело раненного, укрыли от немцев и выхаживали местные жители. В октябре началось отступление наших войск в направлении Москвы.

В окрестностях осталось много мин и оружия, привлекавшего внимание ребят. Немало его сверстников погибло в то время на минах. Он тоже натаскал оружия в свой сарай, пробовал стрелять

из каждого. Однажды пришли эсэсовцы, рыскавшие по деревням в поисках оружия и партизан. Натерпелся страху Иван, когда они с фонариком пошли в сарай. Но на этот раз пронесло: немцы не стали рыться в сене.

В оккупации, оставшись с младшей сестренкой, сильно голодал. Мать еще до войны арестовали и отправили в лагерь за то, что сын принес домой охапку гороховой соломы с колхозного гумна для отелившейся голодной коровы. Отец умер во время войны. Старшего брата призвали на фронт. Родительские заботы о сестре легли на плечи Ивана. Питаться приходилось в основном несвежим мясом подорвавшихся на минах лошадей. Соли и хлеба не было.

Брянщина — центр партизанского края. После выздоровления Ефим Леонов сформировал партизанский отряд из окружёнцев. Разведчиком в нем стал Иван Соколов, которому эти места были хорошо известны, да и на левом берегу Десны много знакомых: он в свое время ходил туда в школу. На боевые вылазки несовершеннолетних старались не брать, но однажды ему все же довелось участвовать в боевой операции: они с другом взорвали водокачку, заправлявшую немецкие паровозы. Еще долго после войны в этих местах помнили об этом случае: «Тут соколята чудеса творили, двое их было по фамилии Соколовы». Больше года их преследовали немцы, устраивая облавы. Крупные потери привели к разгрому партизанского отряда.

В сентябре 1943 года его призвали в армию. Направили в 58-й запасной учебный артиллерийский полк 324-й дивизии, откуда он был выпущен наводчиком 76-миллиметровой дивизионной пушки. Потом — в действующую армию, в 1091-й стрелковый полк артиллерийской бригады в составе Центрального фронта под командованием К. Рокоссовского.

Вместо пушки дали ему пятизарядное противотанковое ружье. Выручило умение пользоваться многими видами оружия, приобретенное в партизанском отряде. Напарником, номером вторым при ПТР определили белоруса по фамилии Чертков. Первый бой, в котором довелось им принять участие, происходил на реке Проня. Потом форсирование реки Сож, притока Днепра, где немцы создали мощный оборонительный рубеж. Битва за реку была жаркой, кровопролитной. От полка осталось несколько десятков бойцов.

К правому берегу Днепра их подвели ночью, под покровом тьмы. Чуть рассвело — началась атака. Из этого кромешного ада в памяти остались обрывки воспоминаний. Тяжело раненного, его вынес на плащ-палатке из боя Чертков. Санбат размещался в обычной крестьянской избе, где на полу вповалку лежали раненые. Запомнилось только, что большинство из них умерло тут, не дождавшись отправки в госпиталь.

Он долго лечился в госпиталях, сначала в Бежице, потом в городе Котельниче Кировской области. Однажды в разговоре в палате имел неосторожность высказаться о превосходстве немецких самолетов. И хотя при его любви к авиации этот факт являлся болью его души, следователю не было дела до его переживаний. По печально известной 58-й статье ему дали срок 10 лет лагерей и отправили на Север. Так в августе 1944 года он попал в Печору на пересыльный пункт. Оттуда — на Сейду, Сивую Маску, Инту. Много лиха пришлось ему хлебнуть, прежде чем в 1949 году он оказался в Печоре на лесокомбинате. После освобождения хотел вернуться на родину в Брянск, но там ему отказали в прописке как бывшему заключенному по 58-й статье.

Вернулся на лесокомбинат, который и стал его второй судьбой. Здесь Иван Никитич Соколов обрел семью, здесь в 1958 году его реабилитировали. Война и лагерь отняли его мечту о небе, но не заставили сложить крылья: он достиг профессиональных высот, вырос из плотника до директора первого промышленного предприятия города, которое поставляло продукцию по всей стране.

Не сияют на груди ветерана боевые медали, но война неотступно с ним: с осколком в груди и слепотой — следствием первого ранения в партизанском отряде.

Но жизнь продолжается. И теперь его высота — его семья: преданная, заботливая жена, благодарные дети и внуки.

Бабушка Тоня

(Об А.С. Тумас)

Бабушку Тоню знают все жители поселка Трубоседель. «Как здоровье, Тоня?» — кричит ей с утра сосед по двору. Здоровье сегодня подкачало. Болит голова, ноют руки и ноги, но еще бодра, и интерес к жизни не пропал. Антонине Станиславовне Тумас исполнился 81 год. Родилась в 1924 году в селе Колдыбань Красноармейского района Самарской (раньше Куйбышевской) области. Семья жила трудно, скучно. В школу Тоня ходила только до 6 класса.

На вопрос «Как же попали на войну?» ответила: «Да просто, по призыву военкомата». До войны четыре года трудилась в городе Судогда Владимирской области. Летом 1944 года в совхоз «Пионер», где она тогда работала нянечкой, пришло 19 повесток из Судогодского военкомата. Набирали группу девушек-связисток для армии. Так Тоня попала на курсы телеграфисток в Вологду, где проучилась первые четыре месяца в 22-м отдельном запасном полку связи. Изучали телеграфные аппараты, азбуку Морзе, Устав строевой службы. Азбуку Морзе учили так, что даже ночью могли разбудить и проверить, правильно или нет все запомнили и выучили.

После окончания курсов Антонина была направлена в 95-й Военно-воздушный краснознаменный авиаполк 1-го Украинского фрон-

та телеграфисткой. Из Вологды их часть связистов привезли в деревню Жестковицы, что в Польше. Потом вместе с авиаполком она побывала в Кенигсберге, Варшаве, Берлине, Праге.

Работали на телеграфе по четыре часа, потом ходили на пост — охраняли военные объекты частей: пищеблок, ангары, склады с бензином и нефтью. Стояли на посту по 2—3 часа, в зависимости от погоды. «Было страшно, кажется, что кто-то нападет на тебя. Я трусиха была. Не ходила вокруг объекта, как положено по Уставу, а больше топтаясь на месте», — вспоминает ветеран. В армии рядовая Тумас прослужила в должности телеграфистки с июня 1944 по август 1945 года. Победу встретила в Берлине. Этот день она запомнила как одну большую радость, когда все вокруг плакали, что-то кричали.

После демобилизации Антонина Станиславовна вместе с мужем в 1950 году завербовались на Север. По оргнабору приехали в поселок Березовку Печорского района Коми АССР. Потом переехали в Трубоседъель. Работала в Кожвинском леспромхозе сучкорубом в лесу, где получила производственную травму — сотрясение мозга. Во время работы с лесовоза при разгрузке покатилась пачка леса, и ее ударило по голове хлыстом (вершинкой бревна). После травмы продолжала работать в Трубоседъельском лесопункте Каджеромского леспромхоза зав. складом, диспетчером гаража, зав. складом горюче-смазочных материалов, откуда и ушла на пенсию по возрасту.

Антонина Станиславовна считает себя особо счастливой бабушкой. Посудите сами: у нее шестеро детей — пять сыночков и лапочка-дочка, да еще 13 внуков и 13 правнуок! Все это большое семейство Тумас живет под разными фамилиями по всей России — от Москвы до самых до окраин. Сейчас она живет вместе с младшим сыном Валерием в Каджероме, но временно, как она сама называет это житъе-бытье. Всего на неделю приезжает погостить из родной «Трубы». Тянет ее обратно: «Там простор, легко дышится и ноги туда-сюда сами бегают», — так объясняет она свое нежелание жить в Каджероме.

В Доме досуга в День Победы собираются все трубоседъельцы посмотреть и послушать своих ветеранов. Выходное платье А.С. Тумас украшают не броши и бусы, а юбилейные медали, орден и

памятный знак «Фронтовик». Висят в ряд медали: к 25-, 40-, 50-летию Победы в Великой Отечественной войне, в честь 60- и 70-летия Вооруженных Сил СССР, медаль Жукова, орден Отечественной войны II степени — это награды Родины за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с фашистскими захватчиками.

Мечтает бабушка Тоня, ветеран войны, об одном: «О спокойствии в жизни и душе, да чтобы здоровье было».

Героическая женщина

(О З.Н. Усачевой)

Недавно беседовал я по делу с ветераном Великой Отечественной войны, старожилом Печорского края Зинаидой Николаевной Усачевой и думал: какими все-таки героическими женщинами были наши матери. И в довоенный период они были неутомимыми труженицами первых пятилеток. И в годы войны практически на них держался тыл. Да и на фронтах они не трусили. А в житейских делах они были вообще сверхгероинями, ибо не только возрождали страну из разрухи, а и рожали детей. Зинаида Николаевна, например, подарила нашему Отечеству трех дочерей и двух сыновей, имеет в настоящее время тринадцать внуков и три правнука. Прямо «золотая» бабушка.

Родилась Зинаида Николаевна в 1923 году в период НЭПа на Сухоне под Вологдой в городе Сокол. Отец работал мастером ФЗО, а мама — бригадиром на бумажной фабрике. В семье она была вторым по счету ребенком. Спустя десять лет переехали на Волгу, где недалеко от Горького, под Балахной, стали жить и трудиться в рабочем поселке Правдинск на бумажной фабрике. Время было голодное, но с радужным детством и тревожной молодостью. На Европу накатывали черные тучи фашизма. Парни и девчата находили время и для учебы, и для работы, и для занятий в различных клубах, становясь членами ОСОАВИАХИМа, ворошиловскими стрел-

ками, парашютистами, сандрожинниками. Прошла через это и Зинаида.

Когда началась война, Зина, как и многие, стала одолевать комитет комсомола, военкомат с требованием отправки на фронт и, естественно, получала отказ. Лишь весной 1942 года ее настойчивости уступили и призвали в армию, направив в соседний город химиков Дзержинск в зенитно-артиллерийскую школу. Девушка впитывала теорию, как воду, а по окончании учёбы напросилась в Сталинград. Зачислена была в отдельную зенитно-артиллерийскую батарею, и начались ее боевые дни и ночи на железнодорожных платформах с четырьмя установками по охране от налетов фашистской авиации важных объектов, коммуникаций, техники, воинских эшелонов. «Юнкерсы» налетали, как саранча. Смерть витала рядом, но большого страха перед ней уже не было. Свою боевую задачу зенитчицы выполняли автоматически, можно сказать — яростно. И ликовали, как дети, радуясь, глядя на сбитых горящих стервятников, забывая о голоде и вшах.

Со временем батарею из Сталинграда вывели на внешние рубежи обороны города, и они с северной стороны также сопровождали войска и технику, защищая их от бомбёжек. Такая работа на колесах продолжалась по фронтам почти три года. Добрались девчата с войсками до героического Бреста. Сопровождали войковые части и технику до Люблина на юг и до Белостока на север. В Германию не попали, ибо в восточной Польше дел было предостаточно в борьбе с отрядами внутренней националистической «армии», с саботажем, диверсантами, террористами, взаимодействующими с бандеровцами...

Демобилизовали Зинаиду Николаевну в июле 1945 года. Вернулась на Волгу, в Правдинск. Долго не отдыхала, пошла работать в контору бумажного комбината. Сначала учеником счетовода, а после финансовых курсов трудилась в бухгалтерии. Горьковская область в ту пору была не сытным краем. И решила бывшая зенитница уехать. Попрощавшись с мамой и со старшей сестрой (отец умер в 1939 году), после отмены карточной системы укатила в 1947 году на Север. По пути в Воркуту познакомилась в поезде со стаrushкой из Усть-Вои. Помогла ей добраться до этого ссыльного «медвежьего угла». Притянула к себе. Понравилась природа, богатая

рыбой, дичью, зверьем, другими дарами тайги. И осталась. Через год вышла замуж за ветерана Карельского фронта. Пошли дети. Купили рубленый домик, обзавелись хозяйством, вплоть до буренки. Крутилась молодая мама как белка в колесе: и дома, и на работе — в орсе, в больнице. Добром вспоминает она многих устьвойцев: и соседей, и работников посовета, и руководство точильной фабрики, а также учителей, врачей, особенно хирурга Дмитрия Ивановича Полякова, который после окончания мединститута, поработав некоторое время в Песчанке, перебрался в глубинку — в Усть-Войскую больницу.

Годы бегут. Все пятеро детей Усачевых нашли свою стезю в жизни, получив образование и профессии. Верными они остались и родному Коми краю, ибо трое из них живут в Печоре, а двое — в Ухте и под Сыктывкаром. На старости Зинаида Николаевна решила перебраться из глубинки в город, поближе к детям, внукам. Как фронтовик получила в 1992 году квартиру в Печоре. Живет, как может, со своими заботами, проблемами. Детям не надоедает. И на Бога не ропщет, ибо свою миссию женщины-матери она выполнила сполна. А как гражданин своей Родины, и того больше. Это подтверждают ее награды за бой и за труд, в числе которых ей особенно дороги медаль «За оборону Сталинграда» и орден Отечественной войны. Героическая женщина.

Форпост на реке Аргунь

(О В.М. Чернове)

Виктор Михайлович Чернов — участник Великой Отечественной войны. Познакомились мы с ним недавно. Поговорили о житьё-бытье. Вспомнили военные годы, горемычное детство. Мой собеседник словно воспламенился: видно, те давние картины глубоко запали в его душу, а иногда тревожат болезненные струны.

— Родился я в Удмуртии, в городке Можга. Понимаете, мне шел шестой год, когда умер отец, — рассказывает Виктор Михайлович. — Нас, детей, осталось без отца двое, была еще сестренка. Мать долго не вдовствовала. Вскоре в доме появился отчим, и жизнь стала каторгой...

Виктор мало учился в школе. Окончил четыре класса. Рано начал работать: пас лошадей и другую живность. А поэтому много времени оставался один на один со своими мыслями. Рождались разные фантазии. А со временем у него стала проявляться тяга к творчеству в прикладном деле: Виктор что-то конструировал, шил, ремонтировал одежду и обувь... Через некоторое время многие люди уже знали, что в их деревне живет мальчишка Битя-мастер. Иногда и они стали пользоваться его услугами... А потом началась война...

В ряды Красной Армии Виктора Чернова призвали в марте 1943 года, а в июле ему исполнилось семнадцать лет. Многие юноши

горели желанием скорее попасть на фронт, чтобы в бою столкнуться с озверелым врагом и победить его. Однако, как говорят мудрецы, думы с делами не всегда сходятся. Целый железнодорожный эшелон, загруженный новобранцами, попал под бомбёжку в районе станции Малая Вишера. Многие парни, еще не ставшие солдатами, погибли под фашистскими бомбами. Но вскоре в формируемую воинскую часть пришло новое пополнение — такие же молодые 17-летние юноши. Но разнеслась молва, что теперь их новую часть направляют на Дальний Восток. Знатоки, они есть везде, утверждали, что на охране наших дальневосточных рубежей стоят хорошо подготовленные армейские части, которые очень нужны на Западе в битве с немецко-фашистскими захватчиками. Но границу с Японией тоже оголять нельзя...

В Наркомате обороны СССР решили: дальневосточные дивизии направить на западный фронт, а их места займут части, недавно укомплектованные мобилизованными гражданами. Пусть они учатся военному делу и охраняют границу. Конечно же, это было мудрое решение: зачем юных, совсем не обученных солдат посыпать в бой с опытным, озверелым врагом?!

— Нас, новобранцев, привезли в Даурису, — рассказывает Виктор Михайлович. — Там еще прочно стояли армейские постройки Николаевской армии: склады, казармы, конюшни. В Даурису мы занимались по двенадцать часов в сутки. Солдаты сильно уставали. Но никто не роптал, так как они понимали, что так и только так надо. А придет время, и здесь всем будет жарко. Это же форпост на реке Аргунь.

Виктор Чернов служил в 35-м артиллерийском полку. Вначале думал учиться на тракториста, но группу уже набрали. Нужны были зенитчики, минометчики, пулеметчики... Там же обучали собак — подрывников танков. В полку все учились, так как солдаты должны все знать, уметь защитить себя и победить противника. А то ведь как получилось: передвойной песни пели очень здорово о малой крови и могучем ударе, а на поверхку вышло совсем другое — враг оказался на берегу Волги. Командиры 35-го артиллерийского полка учили солдат и стойкой обороне, и наступательным операциям. Изучив прилегающую к границе местность, занятую противником: водоемы, горные преграды, командиры организовали обучение сол-

дат по плетению мат из ивняка. На них предстояло форсировать реку Аргунь....

Рано утром 1 августа 1945 года советские войска начали наступление на Дальнем Востоке. Местность гористая. Впереди были сопки, пади, трясина. Но солдаты все преодолели — помогли целеустремленность и выручка... В этих боях Виктор Михайлович Чернов был ранен в ногу и контужен. Очнулся он в полевом госпитале в порту Дальний. Затем лечился в госпиталях Читы, Иркутска... Медики, их золотые руки поставили молодого солдата на ноги, и он продолжил службу. Демобилизовался в 1950 году. И начал Виктор Михайлович искать приютный уголок. Вместе с другом они решили отправиться в Вологду. Потом передумали и поехали дальше — в Коми край.

В.М. Чернов работал в Усть-Илыче Троицко-Печорского района. А в 1960 году переехал в Печору. Жил и работал в Зеленоборске, потом — в Каджероме, где он живет и сейчас. И все эти годы вела его по дороге жизни творческая жилка, зародившаяся в далекие годы детства и юности. Виктор Михайлович овладел профессией закройщика верхней мужской одежды, а потом и обувщика. В 1967 году он четыре месяца учился в Ростове-на-Дону на курсах повышения квалификации. В те годы В.М. Чернов считался одним из лучших мастеров-закройщиков Печорского горбыткомбината...

Все эти годы верной спутницей по дорогам жизни была и остается жена Виктора Михайловича Нина Игнатьевна, много лет проработавшая бухгалтером орса. Они воспитали двух дочерей, которые продолжили дело своих родителей: старшая дочь Гая — закройщица, а младшая Елена — бухгалтер. Это радует Черновых-старших. Ведь издавна в миру говорят: «Добрые дети всему свету завидище».

Годы бегут. Отдаляются в прошлое боевые и трудовые подвиги. Но народ будет помнить их вечно, потому что каждый из них отмечен знаком боевой или трудовой доблести. Таких наград у В.М. Чернова двенадцать, среди которых есть орден Отечественной войны второй степени и медаль «За боевые заслуги».

Здоровья и счастья вам и вашим близким, Виктор Михайлович!

Трое суток он держал смерть в руках

(О Х.Ф. Шайхутдинове)

Хусайн Фархеевич Шайхутдинов. Сегодня ему 78 лет. Ежик седых волос на голове, узкие светлые щелки глаз. Мне очень хотелось задать ему один вопрос: какие образы возникают перед ним при слове «война»? И задала. А в ответ он заплакал и тихо сказал: «Голодовка». Сколько Хусайн себя помнит, они всегда жили бедно, а с началом войны в доме не осталось никаких съестных припасов.

В 1941 году Хусаину исполнилось 14 лет. Они жили в Татарии в деревне Ибрай-Каргале. В семье было шестеро детей, не считая двоих, умерших в раннем возрасте. Отца сразу забрали на фронт. Он погиб в 1942 году. Хусайн с 9 лет работал в колхозе. Когда началась война, они с братом ходили по огородам, выкапывали оставшуюся в земле мерзлую картошку и на огне пытались ее печь. Если голод становился нестерпимым, отправлялись по соседним селам попрошайничать. Так они продержались три года, но в 1944-м стало совсем плохо. В деревню приехали вербовщики, и мать вместе с детьми решилась переехать в Архангельскую область.

Оттуда 17-летнего паренька, написавшего заявление о добровольной отправке на фронт, после прохождения курса молодого бойца направили на Дальний Восток в Читинскую область. Он воевал в составе 6-й танковой армии. «Я тогда был полтора метра с кепкой, а точнее 1 метр 48 сантиметров», — вспоминает ветеран. Малень-

кий, худенький, юркий Хусаин попал в разведку. Несколько раз приходилось ходить за «языком». Однажды под китайским селением Лубен, когда они отправились в разведку, «напоролись» на японцев, окруживших и пытавшихся взять его. Хусаин выхватил гранату, выдернул чеку, но быстро сообразил, что бросать ее не стоит, чтобы не обнаружить себя. Однако граната могла взорваться в его руке. Тогда разведчики забинтовали ему кисть с зажатой гранатой и трое суток выбирались к своим. Когда опасность миновала и они разбинтовали руку, кисть удалось разогнуть с большим трудом.

6—7 месяцев они находились на территории Китая, помогая 8-й освободительной армии Китайской народной республики под командованием Мао-Дзе-Дуна, который впоследствии стал руководителем компартии Китая, в борьбе против японцев. До сих пор снится солдату война. Вспоминает он переход через Хинганский хребет в составе 6-й танковой армии. Прохода не было, его нужно было отыскать. Это поручили разведчикам танкового полка. В их числе был и Хусаин Шайхутдинов.

Еще он помнит, что после контузии трое суток лежал без сознания. Полковой врач ему сказал, что он после этого может забыть татарский язык. Как ни странно, но его предсказание сбылось. Хусаин Фархеевич хорошо говорит на русском, а вот родной язык помнит плохо.

Только в 1949 году его перевели в одну из воинских частей на Сахалин, где он служил на станции Смирных, откуда и демобилизовался в 1951 году. На мой вопрос, чем он там занимался, Хусаин Фархеевич ответил: «Работал на деревообрабатывающем комбинате, где изготавливали стройматериалы для строительства домов на Курилах, Чукотке, в других местах дальневосточного региона».

Но потянуло солдата домой. Мать в то время жила в деревне Тошвицка Ненецкого национального округа. Туда он и вернулся. И началась у вчерашнего солдата Шайхутдина другая, мирная жизнь. Долгим оказался этот путь, богатым на новые места, события, людей. Три года работал он маячником в Архмортуты, потом на железной дороге на станции Кизима Архангельской области. Но дорога жизни привела его в Коми республику. Там он добросовестно трудился на многих участках, пока не попал в геологию, где про-

работал год и перешел в АТП (в Вой-Воже). Потом знакомые переманили его, что называется, в Печору поработать дорожным мастером. Он первый на тракторе прокладывал ледовую дорогу длиной 100 км по реке Колве от Вазея до Харьаги. Принимал участие в строительстве 110-километровой трассы от Нарьян-Мара до Лайвожской площади. Первой их бригада начала строить мост через речку Куй.

В 50 лет, получив производственную травму, вышел на инвалидность. Они вместе с женой вырастили двоих сыновей, имеют внуков. Правда, два года назад супруга умерла, и сейчас он один вынужден (так сложились обстоятельства) воспитывать двух внуков. «Сегодня это моя главная задача — поднять их на ноги». Х.Ф. Шайхутдинов награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За отвагу», юбилейными медалями. Он их честно заслужил.

Освобождал свою родину — Белоруссию

(О С.С. Шуплякове)

Война для Степана Самсоновича Шуплякова, тогда 16-летнего паренька из с. Поколюбичи, началась с оккупации родных мест в Гомельской области, где он родился, рос и закончил семилетку.

— В июне 1941 года я проходил практику от ФЗО на железнодорожной станции Пойма, — вспоминает ветеран. — Когда началась бомбежка, никто даже не подумал, что это война... Думали — маневры. А когда сыпнули «черную смерть» — началась паника... Потом мы рыли окопы, устанавливали заграждения, копали противотанковые рвы. Вслед за отступающей Красной Армией появились фашисты. Наступая, забирали живность со двора. Села словно повымерли. Прятались кто куда мог, чтобы не угнали в Германию. А когда фрицев погнали обратно, они почти все села и посжигали. Одни печные трубы торчали...

В мае 1944 года, дважды перейдя из рук в руки, после ожесточенных боев Гомель был освобожден. И всех парней, сумевших спрятаться от немцев и выжить, стали призывать в армию. Наступил черед и Степана.

Попал он в 4-й артиллерийский полк 250-й ордена Суворова дивизии, которую после доблестного освобождения Бобруйска переименовали в 250-ю ордена Суворова Бобруйскую дивизию. Воевали

в домашней одежде, так как тылы сильно отставали от фронта. Обмундирование выдали только под Белостоком.

В составе роты автоматчиков второго Белорусского фронта двигался рядовой Шупляков на Запад, участвуя сначала в освобождении родной Белоруссии — Бобруйска, Волковыска, затем и Польши — Белостока, Лихштейна и других мест. Пришлось форсировать реки Березину, Неман. Под натиском Красной Армии немецкие войска откатывались в Восточную Пруссию. Бои шли тяжелые, кро-вопролитные.

О том, что случилось с ним дальше, Степан Самсонович вспоминает спокойно, но с горькой усмешкой. Как-то послали его получить валенки на отделение. «Вот и ходил за валенками... 10 лет». Его арестовали, сняли погоны. Были допросы — рассказывал свою биографию, ничего не тая и не скрывая. Интересовались его жизнью на оккупированной территории. Потом военный трибунал вынес приговор — за участие в СБПБ (Союзе борьбы против большевиков) 10 лет лишения свободы плюс 5 лет поражения в правах. Осужденного Шуплякова в марте 1945 года доставили в Ярегу на шахту. Потом в 1946 году перевели в Инту. Так вчерашний солдат и участник боев оказался на нашем Севере.

Выполнял Степан Самсонович разную работу, но последнее время, уже в Кырте, был машинистом комбайна. За примерный труд освободили его в 1955 году на несколько месяцев раньше.

В том же 1955 году произошло в жизни Степана Самсоновича важное событие. Встретил он в Кырте замечательную девушку Марию, с которой живет в мире и согласии уже 50-й год. В 1957 году приехали они в гости в Каджером к сестре Марии, да так и остались на всю жизнь. Закончил Степан курсы шоферов и работал до пенсии водителем лесовоза в Причальском лесопункте. Трудился так, что был одним из лучших рабочих в леспромхозе. И как признание его заслуг был ему вручен знак «Победитель социалистического соревнования», присвоены звания ударника коммунистического труда и ветерана труда. А уж благодарностей и Почетных грамот у Степана Самсоновича — не счесть.

Но все это трудовое время беспокоила С.С. Шуплякова одна мысль: «За что я был наказан?». Кому он только не писал, куда только не обращался! И, наконец, в 1978 году из Гомеля пришло

официальное свидетельство о реабилитации. Справедливость восторжествовала, и в августе 1982 года Степану Самсоновичу Шупликову вручили удостоверение участника Великой Отечественной войны. Есть у ветерана и другие награды: орден Отечественной войны II степени, медаль Жукова, знак «Фронтовик 1941-1945 г.г.» и юбилейные медали.

Доволен Степан Самсонович не столько признанием его заслуг, сколько тем, как он считает, что жизнь свою он прожил не зря. Не стыдно ему ни за свой солдатский труд, ни за мирный, ни за своих детей. А вырастили они с Марией Васильевной трех сыновей. Все они живут и работают дома, в Печорском районе. Домом своим эти северные места Степан Самсонович считает давно: «Думал поживу немного, денег подзаработкаю, да и уеду, а вот уже шестидесятый год живу здесь... А вообще, не стоит обо мне писать. Ничего особенного в моей судьбе нет».

ПОМНИМ....

*Они высоты штурмом брали,
На поле брани умирали,
Освобождали города
От ненавистного врага.
Домой не все бойцы вернулись —
В чужой земле навек уснули.
А кто вернулся жив и цел
Для мирных дел
Сил не жалел.
Они заводы возводили,
Людей учили и лечили,
Валили лес, растили хлеб...
Чтоб весь Союз
Быстрее креп.
Но раны, разные невзгоды
Им сократили рано годы.
И мы их помнить
Все должны,
Героев проклятой войны!*

Евгений ЛАЗАРЕВ.

С «МАКСИМОМ» через две войны

*Алексей Егорович Аксенов
(1915—1997)*

— В нашей семье Аксеновых, у отца — Егора Александровича и матери — Екатерины Макаровны, детишек было много, — мой собеседник тогда, при встрече в 1994 году, называл имена своих братьев и сестер. Несколько раз сбивался. Потом привлек на помощь кургусые обмороженные когда-то пальцы. И снова сбился со счета. — Постой-ка, — улыбнулся он. — Как же это я, тверской козел, запамятовал. У нас было две Марии. Звали их чуть-чуть по-разному: Мария и Марья, — Алексей Егорович — человек интересный, разговорчивый. — Да и я у родителей второй Алексеем. Был один. Пожил на свете, правда, мало. А тут я народился, словно на смену. Назвали Алексеем. В деревне нашей Кривцово бабы судачили, дескать, и этого мальца Господь приберет к себе. Ах нет, сохранил он меня. Пожалел. Хотя испытаний было немало... Алексей, говорят, — Божий человек...

Да, крутой дорогой жизни прошел Алексей Егорович Аксенов. Работать любил с детства и в домашнем хозяйстве, и на каком-нибудь промысле, куда отец ходил подрабатывать, так как на крестьянском наделе такую большую семью не прокормить. Отца в деревне все называли мельником. Видно потому, что больше всего он был занят на мельнице, принадлежавшей Басманнову. Отец — Егор Александрович и жернова заливал, и турбины

изготавливали. Мельница была водяная. Так вот, за свое умение он чуть было не поплатился. Пришли как-то к нему в дом комбедовцы и заявили, что Аксенов Егор, как мельник, подлежит высылке в северные края.

— Что вы, братья-земляки, Господь с вами! — взмолился Егор Александрович. — Хозяин-то мельницы Басманов...

— А сигнал поступил, что вы с ним состоите в доле.

— Наговор это. Зависть людская... Нет у меня ничего, кроме рук моих и детишек, — говорил Егор Александрович. Комбедовцы посыпали по аксеновским углам: везде чисто, ухожено. Но почти всюду их взгляд натыкался на головы ребятишек... Гроза миновала.

Однако несколько лет спустя черная буря все же задела семью Аксеновых, в частности, 22-летнего Алексея. Встречался он по вечерам с девушкой Верой. Любил ее. Нравилась она и некоторым другим парням. Особенно приударял за Верой местечковый хлюст Костя. Везде у него были какие-то связи. Говорили, что он был вхож в высокие двери. Но Вера избегала Костя. И тот понял, в чем кроется причина. Жил и работал Алексей тогда, в 1937 году, на станции Максатиха Тверской области. Однажды пришли на квартиру к Алексею трое с обыском.

— Оружие есть? — спросил один из них и, не дождавшись ответа, продолжал: — Если есть, то выдайте добровольно.

— Какое оружие? Откуда? Нет у меня ничего такого, — сказал Алексей Аксенов. Но «гости» знали, что ищут. И нашли... Старый, заржавевший револьвер. Без бойка. Видно, у Кости лучшего не было, чтобы подбросить. Но он был уверен, что и такая улика хорошо сработает: ведь любое оружие можно отремонтировать, почистить и использовать в террористических актах. Сработала. Алексея судили.

Освободили его из лагеря перед самой войной. А в августе 1941 года его призвали в армию. Вначале служил в 4-м запасном батальоне воздушного наблюдения и оповещения связи (ВНОС). Фашисты рвались к Москве. Задача этого батальона состояла в том, чтобы следить за воздушным пространством. Оно было разбито по всем направлениям на различные сектора. Наблюдение велось круглосуточно. При появлении вражеских самолетов вносовцы сразу же сообщали об этом в части противовоздушной обороны столицы.

В октябре 1941 года обстановка под Москвой еще более осложнилась. На некоторых направлениях фашисты подошли к городу близко и в бинокли рассматривали его. Вся страна напрягала силы, чтобы защитить столицу. Переформировывались и подтягивались части. Алексея Аксенова и других солдат зачислили в 12-й саперный батальон, который в тот же день отправился на передовую.

Бои шли жестокие. В начале декабря стрелковый полк вел наступление в районе населенных пунктов Горчаво и Краменское. Саперный батальон шел впереди, обеспечивая полку проходы в минных полях, подъезды к выбранным позициям. Ведь, уже отступая, немцы взрывали мосты, минировали здания... С усилием, с боями наши части шли вперед. И вдруг рядом с Аксеновым взорвался снаряд. Воздушная волна бросила Алексея на землю. Он уже не чувствовал, как о его тело ударяли мерзлые комья.

Очнулся Алексей, когда двое солдат тащили его на подручных средствах в медсанбат. «Одного я сразу узнал, — рассказывал Аксенов. — Это был Коля Харитонов, земляк мой, храбрый был парень. А второй — Смирнов, имя его забыл. Харитонов Николай Михайлович погиб в Германии... А если бы не он, может, и я замерз бы тогда... Коля увидел и не оставил...» В том бою Алексей Аксенов был контужен и обморозил пальцы обеих рук. Но молодой организм быстро справился с недугом.

После госпиталя Аксенова направили в 165-й отдельный артиллерийско-пулеметный батальон, который находился на одной из станций Горьковской области. Некоторое время в батальоне проводилась интенсивная учеба. Солдаты изучали материальную часть орудий и пулеметов. Во взводе лейтенанта Чергозия было два отделения: одно вооружено станковыми пулеметами «максим», другое — «дегтерями». Сержант Алексей Аксенов командовал отделением станковых пулеметов и был заместителем командира взвода. Любил он «максима». Мог с завязанными глазами собрать его. Этому же он учил и бойцов своего отделения, подчеркивая, что пулемет, как и женщина, любит заботу и ласку. И, конечно же, в меру смазку. В техническом наставлении «максима» отмечалось семнадцать задержек, которые по той или иной причине могут произойти во время стрельбы из пулемета. И эти задержки пулеметчик должен

знать получше, чем таблицу умножения. В бою, если забарахлит оружие, гадать некогда.

— Представьте себе, — говорил сержант Аксенов, — что вы замаскировались и ждете, когда наступающие фрицы подойдут поближе, чтобы потом нажать на гашетку «максима» и ударить по ним наверняка. Вы держитесь за ручки пулемета, сильно напряжены... И вдруг он заработал, сделал несколько выстрелов. Это вас демаскировало. Вопрос всем: какой номер задержки по наставлению и что он означает?

Несколько бойцов были готовы ответить на вопрос командира и подняли руки.

— Говори, Маныкин, — сказал сержант.

— Это будет пятнадцатая задержка, которая означает преждевременный спуск, — ответил боец. Кто-то хихикнул, а затем из-за спины Маныкина послышался голос: «Большая это неприятность. Она и жинке моей не нравилась...»

— Разговорчики там! — обрезал юмориста командир отделения. Но сказано это было так для порядка. Бойцы часто говорили о женщинах, если только представлялась такая минута. Вспоминали жен и подруг. Иногда с любовью, глубоко тоскуя, а иногда рассказывая острые житейские байки.

Учеба закончилась. Отдельный артиллерийско-пулеметный батальон направился на фронт. Дорога лежала к Каспию, а там через Калмыкию — под Сталинград, куда от Ростова прорвались вражеские механизированные части. Им навстречу по приволжским степям нескончаемым потоком тянулись колонны машин и солдат. Они шли, чтобы встать на пути фашистских орд и защитить Сталинград.

Пулеметный взвод лейтенанта Чергозия шел в охранении, так как фронта, как такового, здесь нигде не было. Немцы могли появиться где угодно и когда угодно. Следовательно, всем надо было быть начеку.

...Первые бои на Сталинградском направлении 165-й отдельный артиллерийско-пулеметный батальон провел в начале ноября 1942 года. Главное сражение на Волге развернулось 19 ноября. Этот день Алексей Егорович Аксенов помнил во всех подробностях. Взвод Чергозия со всеми пулеметами выдвинулся метров на двести впе-

ред линии обороны. Сидели в ожидании: кто теперь пойдет в наступление, наши или немцы? Сержант слышал, как лейтенант Чергозия на кавказско-русском диалекте крикнул: «Аксюн, шла меня!» Это значило: «Аксенов, иди ко мне!»

Сержант подскочил к командиру взвода, а тот, видно, почему-то не в духе был, глазами на телефон показывал и старался объяснить что-то. Аксенов понял одно: звонил командир роты и предупредил, чтобы пулеметчики знали, что скоро заиграет легкая музыка.

— Какая черта нужна музыка! — кипел Чергозия. — Фашиста бить надо!..

Аксенов знал, что в боях под Москвой этот грузин с орлиным взором был сержантом. Рассказывали, что он проявил там геройизм и мужество. Когда погиб командир пулеметного взвода, Чергозия принял командование на себя. Пулеметчики не пропустили фашистов. Командарм, узнав о подвиге Чергозия, сказал: «Вот он, отличный комвзвода! Будете лейтенантом!» С тех пор он и командовал взводом.

Связь на войне — своеобразная штука. По телефону или радио открытым текстом не говорят. Все имеет условное название. Фраза: «Чтобы пулеметчики не пугались, когда заиграет легкая музыка» означала, что в определенное время начнется обстрел вражеских позиций из крупнокалиберных пулеметов и минометов. Ну а коль пулеметный взвод выдвинут вперед, то мины и снаряды полетят через головы наших бойцов...

И «музыка играла». Разная. Даже «катюши» играли. Взрывы и пожары закрывали солнце. Гарь и копоть долго висели в воздухе. У стен Сталинграда враг споткнулся. Упал. И больше не смог прочно встать на ноги. Кольцо окружения расчленили на части. И началось уничтожение врага. 27 декабря 1942 года сержант Алексей Аксенов был ранен в левую ногу. «Считают, что пуля дура. Нет, есть, оказывается, среди них и умные, — говорил ветеран. — Пуля ударила в ногу выше ступни. Там, пробив мякоть, не задела кости. Как же мне теперь пулю-то дурой называть?»

Полтора месяца Алексей пролежал в госпитале. Потом были бои под Таганрогом. А в середине мая 1943 года его послали учиться в Астрахань в военно-политическое училище. Позже перевели в Ташкентское артиллерийское. В конце 1943 года в звании младшего

лейтенанта А.Е. Аксенов прибыл в Иркутск в 34-й зенитно-артиллерийский учебный полк. Служил и в 1917-м полку. Принимал участие в войне с Японией. Там полк получил наименование Хинганский, а младший лейтенант Аксенов — благодарность Верховного Главнокомандующего «За отличные боевые действия...» Есть у него боевая медаль и орден. Но это так, к слову. Не любил Алексей Егорович говорить о наградах. Ведь как сказал поэт: «Города сдают солдаты, генералы их берут...»

Демобилизовался А.Е. Аксенов в 1946 г. В начале 50-х приехал в Печору. Более десяти лет проработал на строительстве объектов в сельской местности, которые возводил трест «Воркутдорстрой». Бывший солдат теперь созидал. Он строил в селах и поселках школы и больницы, клубы и жилье дома... А десять лет до выхода на пенсию в 1976 году Алексей Егорович был инструментальщиком в АТК геологоразведки. Работал так, как умеет работать настоящий крестьянский сын и солдат, за годы войны сильно стосковавшийся по мирному труду.

Пурга свинцовая хлестала

Афанасий Степанович Ануфриев
(1910—1996)

Война — неизмеримое людское горе. Она никого не оставит в стороне, заденет своим черным крылом. Особенно те семьи, где поднялись сыновья. Росли-то они на радость и счастье родителям. Однако все обернулось по-другому. Ведь горе и беды — постоянные спутники военного лихолетья.

Жила когда-то в Щельяюре семья Ануфриевых. Глава ее — Степан Иванович — еще в конце XIX-го века начал плавать на пароходе, так как родился он на три года позже отмены крепостного права. Жена его — Евдокия Марковна — была дочерью оленевода. Она занималась домашним хозяйством да рожала детей. Девять душ произвела на свет. Однако четверо из них умерли еще младенцами, А пятеро выросли крепкими. И все сыновья: Иван, Вячеслав, Михаил, Федор и Афанасий. Старший сын Иван погиб в первую мировую войну. Федор был призван на действительную службу в 39-м. А тут вскоре началась финская кампания. Сложил Федор там свою голову. Родители умерли в первый же год Великой Отечественной войны. Наверное, сердца не выдержали, когда один за другим уходили на фронт их сыновья. Вячеслав и Михаил погибли в битвах с фашистами.

Афанасий, младший сын, 1910 года рождения прошел через всю войну. Один из пятерых братьев. В семье он выделялся большим

усердием и аккуратностью. С молодых лет полюбил он плотницкое дело. Слыл в нем большим мастером. Работал на строительном участке. При возведении дома бригадой он всегда поднимал чистый угол, готовил косяки...

В 1935 году семья вступила в колхоз. Видно, обстоятельства подтолкнули принять такое решение, так как приусадебные участки нарезались только членам сельхозартели. В колхозе Афанасий работал плотником. В страдную пору пахал землю, косил травы... Както в один из июньских дней их звено было занято на большом лугу, где велось окультуривание почвы. День стоял теплый, солнечный. Все работали дружно.

Вдали показался всадник. Его лошадь неслась рысью: что-то гнало его, торопило. Афанасий узнал во всаднике председателя колхоза Сидора Савельевича Канева. Подъехав к работающим, он слез с лошади и попросил всех собраться вместе для важного сообщения. Председатель говорил тихо. Видно, был чем-то подавлен. Его взгляд скользил по знакомым лицам подходивших к нему людей.

— Идет война, — сказал Сидор Савельевич. — Фашисты напали на нашу Родину...

Афанасия Ануфриева призвали в армию через два месяца после начала войны. В Щельяре собрались мужчины из окрестных деревень. Собрались по повесткам райвоенкомата. Отсюда на пароходе «Сыктывкар» они поплыли в Кожву. Для многих призывников из глубинки открывались неизвестные им стороны жизни, новые впечатления. Например, Афанасий до этого паровоз видел только на картинках. Теперь же предстояло проехать на поезде до Котласа. А потом на барже по Северной Двине до Архангельска. Дорога заняла несколько суток.

В Архангельске его зачислили в 293-й запасной стрелковый полк. Начались суровые солдатские будни. Особое внимание уделялось физической подготовке красноармейцев. Видно, им предстояло нести службу в сложных условиях. Почти полгода Афанасий пробыл в запасном полку. В феврале 1942 года с маршевой ротой его направили в Мурманск в 5-ю отдельную лыжную бригаду.

На первых порах Афанасию казалось, что он попал в знакомую, даже в чем-то привычную обстановку. Однако, как позже выяснилось, прежнее дилетантство нешло ни в какое сравнение с профес-

сионализмом. Быстрота и мобильность, внезапное появление там, где тебя не ждут, и умение так же быстро исчезнуть — вот основные качества лыжника-воина. Значит, надо было многому учиться. Иногда на собственных ошибках.

Несколько месяцев лыжная бригада держала оборону под Мурманском. Осенью 1942 года был сформирован отдельный лыжный батальон, который вместе с бригадой вошел в состав 27-й стрелковой дивизии. В этом батальоне Афанасий Ануфриев прослужил полтора года, участвуя в боях в Карелии. Там он потерял немало друзей. Познал цену предательства. Обычно батальон размещался в землянках. На задания уходили отделением или взводом. Одно отделение возвращалось из рейда и отдыхало, а другое уходило в тыл противника. Во взводе, в котором служил Афанасий, был солдат низкого роста, вертлявый, беспокойный. Фамилия его — Шибаев. Говорили, что раньше он был каким-то командиром, а его за провинность разжаловали. Так вот этот самый Шибаев однажды спросил у комвзвода: «Когда наше отделение пойдет на задание?» «Успеешь, Шибаев, отличиться и орден даже получить», — шуткой ответил командир взвода.

Как-то солдат Шибаев был дневальным. Печки ночью в землянках протапливал. Наведается в одну, потом — в другую.

А жил он в землянке вместе с Ануфриевым. Однажды поднялся Афанасий ночью, так сказать, по естественным надобностям. Дневального Шибаева в землянке не было. На колченогом столе коптила лампа, сделанная из снарядной гильзы. Рядом лежала потертая тетрадка, раскрытая на листе с какими-то кружками, точками, овальными линиями. «Что это?» — подумал Афанасий. Появились сомнения, даже подозрения. Утром он поделился своими мыслями с командиром отделения сержантом Казаковым.

— Ладно, доложу по инстанции. Только ты об этом больше никому не говори, — сказал сержант,

В тот же день отделение Казакова ушло на задание. Уже через несколько часов Шибаев скрылся. Обычно, уходя в рейд, каждый солдат имел себе напарника. Они всегда должны быть вместе, так как всякое могло случиться. Напарник Шибаева солдат Корзиков доложил сержанту, что Шибаев куда-то запропастился. Страшная догадка мелькнула в голове сержанта. Но как быть? Ведь он ничего

не доложил выше по начальству о подозрении Ануфриева по поводу условных обозначений в тетради. Пусть остается все так, как есть? Нет. А если что-нибудь произойдет такое, о чем мучиться будешь всю жизнь? Разного рода мысли терзали сердце сержанта.

— Рядовой Ануфриев, ко мне! — передал по цепочке приказ командир отделения. Через минуту-другую Ануфриев уже был рядом с сержантом. Наклонив голову к солдату, Казаков приглушенно, тихо стал что-то объяснять ему. А потом уже погромче проговорил:

— Включай, Афанасий, самую высокую скорость. На тебя вся надежда.

Казаков опустил на плечо Ануфриева руку, как бы подталкивая его в дорогу. По прикидке получалось, что Афанасию предстояло пройти километров пятнадцать. Напрямик к своим совсем близко. Но говорят же, что прямая дорога иногда может оказаться самой длинной. Особенно на войне. Никогда до этого Афанасию не приходило так выкладываться в беге на лыжах. Шел шибко. В висках ломило. Гулко стучало сердце... В одном месте Афанасия обстреляли. Ему пришлось нырнуть в низину и продолжить путь...

Комбат, выслушав Ануфриева, связался по телефону с командиром бригады. Потом в блиндаже появился особист. Афанасий повторил все, ранее рассказанное комбату. Солдата отпустили. Через некоторое время вся бригада, до этого зарывшаяся в землю, была поднята на ноги. Началась скрытая передислокация подразделений. А на другой день в небе появилось более десяти немецких штурмовиков. Они сравняли с землей все блиндажи и землянки, в которых еще вчера размещались солдаты и офицеры подразделений дивизии. Теперь уже никто не сомневался в предательстве Шибаева.

Солдат Афанасий Ануфриев за верность присяге, мужество и геройизм был награжден медалью «За отвагу».

Разговоры о предательстве Шибаева несколько дней были на устах. Потом все утихло. По-прежнему уходили на задания отделения и взводы. Все чаще устраивали разведку боем. По несколько часов продолжалась пальба с той и другой стороны. Однако главные события происходили где-то в донских степях и на других участках растянувшегося многосоткилометрового фронта. Но на войне о глав-

ном и второстепенном солдат узнает позже. В повседневной же обстановке его задача всегда для него ясна: поставили в караул — стой, даже высокого командира можешь заставить лечь в лужу, если тот, не зная пароля, вздумает проверить караул; сидишь в окопе — сиди, без приказа не имеешь права оставить окоп, так как это твой рубеж, твоя линия обороны.

Эту давнюю армейскую аксиому Афанасий Ануфриев усвоил легко, так как еще до призыва на службу, работая в Щельяюре, слыл дисциплинированным, увлеченным делом человеком. И в армии он обратил на себя внимание подтянутостью и исполнительностью, Рядовой Ануфриев всегда был выбрит. Подворотничок его гимнастерки подшит. А обмотки на ногах уложены так — залюбушься. Видно, обмотки мотать, как и младенца пеленать, надо уметь. От лодыжки до колена они вились словно пружины, ровной спиралью. Порой казалось, что они помогали бойцу шагать. «Тебе, Афанасий, даже обмотки к лицу», — шутили товарищи. Уже поговаривали, что скоро всю эту обувку сдадут в музей, а солдаты получат сапоги.

— А по мне так обмотки зря хают, — говорил Афанасий. — Для пехоты это в самый раз то, что надо. В сапогах не очень-то удобно ползать по-пластунски: голенища широкие, земли в них много навиваться будет, а вытряхивать ее в бою некогда...

Майор Мельников, командир бригады, как-то обратил внимание на рядового Ануфриева и в беседе с командиром взвода сказал: «Нельзя, лейтенант, мириться с такой контрастностью во внешнем виде бойцов. Почему бы и другим не попытаться добиться такой выправки?! Война войной, а солдат всегда должен оставаться солдатом». Майор о чем-то подумал и приказал: «Пригласи-ка сюда рядового Ануфриева».

Афанасий явился. Вытянулся, словно аршин проглотил. Комбриг поинтересовался, откуда он родом, чем до войны занимался. Задавал и другие вопросы и даже спросил, дескать, где он научился такой аккуратности?

— А это все идет от деда, — проговорил Афанасий. — Надо статься во всем, а если однажды поленишься, так и пойдет-поедет все через кое-как...

— А лошадей любите? — продолжал комбриг. «Так точно! Я же деревенский, а у нас все коней любят...» — Афанасий понял, что

ему предстоит выполнить какое-то задание, но пока что идет как бы «пристрелка». Комбриг, показав рукой на одну из сопок, сказал: «Местность здесь открытая, часто простреливается. Там, у сопки, я оставил свою лошадь. Это умное, хорошее животное. Но оно понимает только меня. Отсюда я намерен проехать к соседям... Приведите-ка мою лошадь...»

Дорога к сопке заняла почти час. Ануфриев преодолел расстояние к ней где ползком, а где перебежками. Вот и подножие сопки. Опустив голову к земле, лошадь вороной масти пощипывала траву. Почуяв рядом присутствие человека, она подняла голову и тихо заржала... Рядовой Ануфриев, стараясь выполнить приказ комбрига Мельникова, битый час входил в доверие к черной своим равной кобыле; а та, пританцовывая, все время поворачивалась к Афанасию задом, видно, намереваясь лягнуть его копытами. Много ласковых слов произнес солдат, обращаясь к лошади... В конце концов кобyla, наверное, поверила ему и покорно смирилась: она повернулась к Афанасию мордой и замахала головой. Он проверил подпруги. Взнуздал лошадь и вскочил в седло. Задание комбрига Афанасий выполнил.

Последний год войны Афанасий служил в 32-й отдельной горнострелковой бригаде. Почти все подразделения лыжной бригады вошли в состав новой части, так как ее солдаты и офицеры были хорошо знакомы с ведением боевых операций в условиях горной местности.

Жестокие бои шли на Одере. Один батальон бригады успешно форсировал реку, зацепился на ее берегу. Однако расширить плацдарм, чтобы принять танки и артиллерию, он не мог. Больше суток советские воины, вцепившись в кромку берега, отбивали атаки фашистов. Яростно хлестала свинцовая пурга. И вдруг громкое «Ура-а!» перекрыло автоматные очереди и разрывы гранат. На помощь батальону горных стрелков пришла мотопехота. Вместе с танками она переправилась по pontонному мосту на другом участке. Враг стал отступать. В этом бою Афанасий был легко ранен осколком в лицо. Две недели он провел в батальоне для выздоравливающих и возвратился в свою часть, А там его ждала награда — медаль «За отвагу». За одерские бои.

32-я горно-стрелковая бригада участвовала в освобождении Праги. Здесь и встретил он Победу, Ануфриев уже мечтал, что скоро будет дома. Но еще больше года пришлось ему служить. Горных стрелков направили на Дальний Восток, еще на одну войну. Демобилизовался Афанасий в июле 1946 года. Дома ждали его жена и пятилетняя дочь...

А.С. Ануфриев прожил большую, яркую жизнь. На любой работе трудился с душой. Он умел делать многое, но его больше всего увлекали вопросы, связанные с постоянной заботой о людях и решением их житейских проблем. 42 года он проработал в системе райпотребсоюза и был награжден знаком «Отличник советской потребительской кооперации».

На подступах к Ленинграду

*Михаил Александрович Безносов
(1926—1975)*

Михаилу Безносову, пареньку из деревни Большой Погост, исполнилось 30 октября 1943 года только 17. И в тот же день Сысольским райвоенкоматом он был призван в армию. Можно сказать, со школьной скамьи попал парень служить. На тот момент он закончил восемь классов. Полмесяца не прошло после призыва, и уже 12 ноября 1943 года он принял военную присягу с оружием в руках. Обучали тогда военному делу, как и призывали, очень быстро: 7 декабря 1943 года рядовой Безносов был зачислен пулеметчиком в пулеметный батальон 1-й пулеметной роты 33-го запасного стрелкового полка. Но через полгода перевели в 389-й запасной уже наводчиком минометной роты. В боевых действиях довелось принимать участие в 1944 году на Ленинградском фронте в составе 109-й Ленинградской дивизии 456-го стрелкового полка в 3-й минометной роте.

Как воевал солдат? Об этом рассказывать не любил, он вообще не из словоохотливых людей. Но если на войне день считался за три, то сколько таких фронтовых дней у бойца за календарные год и полтора месяца? Ленинградский фронт был создан для защиты от врага, взявшего в блокадное кольцо город — колыбель революции. Его войска стояли уже на 21-м километре от Ленинграда, хозяйничая в Царском Селе, обстреливали город

с Пулковских высот. Но дальше так и не продвинулись, потому что помешали этому такие же 17—18-летние мальчишки, как Михаил.

Ленинград. С этим именем связана не только военная биография М.А. Безносова, но и послевоенная. Демобилизовавшись 5 октября 1950 года в звании младшего сержанта, Михаил продолжил прерванную войной учебу. Будучи в рядах МВД Коми АССР с 14 февраля 1951 года, он поступил в Ленинградскую школу милиции. После ее окончания в 1953 году получил лейтенантские погоны. Сложное и противоречивое было послевоенное время. Победив внешнего врага, которого всегда можно распознать (вот — наши позиции, вот — вражеские), оказалось, что непросто победить внутреннего. В 1953 году после бериевской амнистии из лагерей вышли преступники-рецидивисты всех мастей. Не случайно в органы внутренних дел с особой настойчивостью приглашали фронтовиков, получивших настоящую закалку на войне.

М.А. Безносов служил в Печорском ОВД в отделе уголовного розыска оперуполномоченным, начальником отделения... Тревожные дни, а еще тревожнее ночи, когда приходилось выезжать на задержание преступников.

Ангелина Алексеевна — супруга — разделяла с ним эти тревоги. Они познакомились в 1953-м, когда 23-летняя Ангелина Бурчевская приехала из Кировской области в Печору и стала работать секретарем-машинисткой в милиции. На то время она была богатой невестой. К медалям жениха она могла прибавить и свою, которую ей вручили в 1949 году «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны».

Ангелина знала, что мужу нелегко, но настояла на продолжении учебы. Михаил Алексеевич получил аттестат о среднем образовании в 1961 году. А супруга делала свою профессиональную карьеру. Ангелина Алексеевна стала работать в Печорском райисполкоме сначала секретарем-машинисткой, затем возглавила общий отдел. Все перемещения тогда утверждались решениями сессий райсовета. Следующей была ступень секретаря председателя горисполкома, потом аналогичная должность в Печорском ремстрой-управлении, затем работа в отделе кадров предприятия.

В семье подрастали две дочери: старшая Валентина и младшая Нина. Им надо было давать образование. Родители мечтали, что уж детям-то помогут в этом.

— Отец умер 15 декабря 1975 года, — рассказывает дочь, Нина Михайловна Полаумова, — мне в ту пору было 17 лет. У отца просто не выдержало сердце. Казалось бы, человеку жить да жить, он только 31 июля 1975 года вышел на пенсию, 15 октября устроился в вышкомонтажную контору № 2...

В войну М.А. Безносов не был даже ранен. Но она, проклятая, да тревоги послевоенного времени не прошли зря. А в августе 2004 года умерла его верная спутница, Ангелина Алексеевна. 19 лет она хранила светлую память о супруге, с которым довелось прожить в любви и согласии тоже 19 лет. Удивительны судьбы человеческие. И хочется сказать этим людям «спасибо» за память и верность. Ангелина Алексеевна одна поставила дочерей на ноги. Старшая получила техническое образование, младшая — медицинское.

Дочери и четыре孙а хранят теперь память об этой замечательной супружеской паре. В семейном архиве 10 медалей и 3 памятных значка капитана милиции Михаила Александровича Безносова, среди которых 2 медали «За боевые заслуги», 6 медалей — Ангелины Алексеевны Безносовой и две трудовые книжки, сплошь в благодарностях и поощрениях. А еще есть наследник дела деда: старший из четырех внуков — Виталий — пошел по его стопам.

За войну обошел вокруг «шарика»

Алексей Ефимович Воронин
(1920—1998)

О своем детстве и юности Алексей Ефимович Воронин мог рассказывать долго, так как помнил то время во многих деталях. Говорил, словно читал страницы своей жизни. Видно, человеческая память так устроена, что в молодые годы она фиксирует все как бы на чистый лист, а изображения получаются четкие и не смываются десятилетиями. А вот лица своей матери он не помнил. Ему было три с половиной года, когда ее не стало. Но не забыл ее руки. Грубоватые от крестьянской работы, они часто нежно прикасались к его плечам, теребили на голове волосы. И сразу пропадали боль и обиды.

Рос мальчишка под присмотром деда. Отец, правда, у Алексея был, но он уехал из села и жил где-то в другой семье. Дед — Петр Дмитриевич — не советовал сыну увозить от него Лешку. «Пока шумит старый дуб кроной, до тех пор он всегда защитит молодую поросль», — говорил дед. — А не каждая мачеха может стать матерью чужому ребенку». Так и жил Алексей с дедом.

Детство запомнилось ему простором и свободой, раздольем крестьянской жизни. В этой свободе еще как-то подсознательно, но уже были заложены элементы самоконтроля и долга. Алексей знал, что на речку с ребятами он может пойти только тогда, когда попадет гусей и закроет их в загоне: оставлять их на выпасе без надзо-

ра нельзя — могут где-нибудь нашкодить. Значит, появлялось чувство ответственности и зарождались элементы гордости. Такие черты характера закладываются и произрастают именно в ранние детские годы. Ленивца в шестнадцать лет трудолюбивым сделать трудно.

Лешка любил ходить с дедом в лес. Петр Дмитриевич рассказывал внуку о животном и растительном мире Рязанчины, терпеливо отвечал на его вопросы. В десять лет Алексей мог уже отличить пение одной птицы от пения другой, объяснить полезность некоторых растений. Дед, беседуя с внуком, подчеркивал, что в природе ничего нельзя делить на полезное и вредное. Вредное для кого? «Мы живем в окружении единого мира, — говорил старик, — и все служит природе и ей необходимо. А плохо то, что люди еще многого не знают».

Пятнадцати лет Алексей Воронин ходил уже в лесничество на поденную работу: выращивал саженцы, убирал хворост и сухостой. Иногда ему поручали принять древесину. В математике он разбирался лучше других: окончил четыре класса и продолжал по вечерам посещать ликбез. В шестнадцать лет Алексея пригласили работать в лесхоз десятником. Четыре года он проработал в «зеленом цехе», исходил рязанские леса вдоль и поперек.

Но всегда и во всем есть начало. Значит, есть и конец. В сентябре 1940 года он распрощался с лесом и родным селом Малая Ижмора и по повестке прибыл в Земетчинский райвоенкомат. Оттуда поезд повез новобранцев на Дальний Восток. Так началась новая, теперь уже солдатская жизнь. Она затянулась на долгие шесть лет.

На Востоке тогда тучи ходили хмуро. Японцы часто делали вылазки и пробовали крепость наших границ. С немцами к тому времени у нас установилась дружба, а на Востоке в любую минуту, считали, мог вспыхнуть военный пожар. Потому и укреплялись больше эти рубежи. Алексей проходил службу на острове Русском, который находится в нескольких километрах к югу от Владивостока, в инженерно-саперном батальоне. Почти год молодой боец учился возводить различные сооружения и мосты, устанавливать мины и обезвреживать их. Однако служить в саперных войсках Алексею долго не пришлось, хотя полученные знания, как говорится, на плечи не давили. Они пригодились солдатам на трудных дорогах войны.

В августе 1941 года обстановка на фронте начала складываться так, что для сдерживания натиска фашистских войск, рвущихся к Москве, потребовалась перегруппировка наших сил. И тогда из глубокого тыла, с дальневосточных границ потянулись к столице многочисленные железнодорожные составы с солдатами. В Горьком формировались новые дивизии и бригады. Они обеспечивались техникой, оружием и уходили в бой. Сибиряки и дальневосточники сыграли большую роль в оборонительных сражениях, а затем и в контрнаступлении под Москвой осенью и зимой 41-го.

Судьба бывшего сапера Воронина сложилась так, что при формировании он попал в 50-ю мотомеханизированную бригаду и был назначен помощником командира взвода. Солдаты шутили, когда объясняли отличие своего механизированного подразделения от пехотного: «Что «мотомех», что «пех» — разницы почти никакой. Только в пехоте солдат ноги свои передвигает, а в «мотомехе» еще и машины в бездорожье толкает». Конечно, механизированные части высокомобильные. Особенно при передислокации или в наступлении, когда враг сломлен и стал отступать.

В декабре прошел слух, что и 50-ю мотомеханизированную бригаду пошлют в бой под Москву. Но он не подтвердился. Вскоре фашисты были отброшены от столицы на 100-250 километров, и резервы, видно, решено было приберечь, так как враг прорывался в глубь страны на южном участке фронта. Нужно было собрать в кулак силы на этом направлении. Мехбригада погрузилась в эшелон, и он отправился к Волге, где назревали важные события. Конечным пунктом был полустанок недалеко от станции Суровикино Сталинградской области. Там и получил боевое крещение помкомвзвода Алексей Воронин.

Через реку Чир у станции Суровикино переброшен железнодорожный мост. По нему день и ночь грохотали поезда, доставляя фрицам подкрепление и боеприпасы. Здесь уже с начала ноября 1942 года шли кровопролитные бои. Командир полка майор Арванин решил провести разведку боем и хотя бы на какое-то время перекрыть железную дорогу. В приволжских степях на машине можно проехать почти в любом месте, напрямик, не придерживаясь дороги. Этим и думал воспользоваться командир, когда готовил полк к операции. Майор Арванин пони-

мал, что успех в ней могут обеспечить только натиск и быстрота. Значит, надо использовать бронемашины.

Вечером десятки бронемашин с десантниками пошли в рейд по заранее проложенному маршруту. Разведчики хорошо поработали: изучили рельеф местности, отметили на плане огневые точки и сплошную линию обороны противника. На железнодорожную станцию взвод старшего сержанта Воронина вместе с другими подразделениями ворвался с тыла, откуда, конечно же, их немцы не ждали. Бой был горячий. Несколько часов на станции взрывались вагоны с боеприпасами и цистерны с горючим. Некоторые группы полка прочесывали улицы пристанционного поселка.

Полк выполнил свою задачу. Несколько дней фашисты не могли восстановить движение поездов. Но и цена была заплачена высокая: разбитые и сожженные бронемашины на станционных путях и перроне; были убитые и раненые. Погиб командир полка майор Арванян. В этом бою осколок перебил правую руку Алексея Воронина. Потери были. Но ведь полку нужна была победа. И солдаты добыли ее.

После госпиталя старший сержант Воронин проходил службу в 592-м стрелковом полку. Бои тогда, весной 1943 года, велись в Донбассе. И прошагал он с полком, проползая почти год, освобождая города и села Украины. Многое видел, многое пережил. Никогда не забывал старый солдат реку Днепр. Широка и глубока она в своем нижнем течении, у Запорожья и Днепропетровска. Этую реку Алексей Воронин форсировал трижды. Видно, нужно так было. А солдату что, дан приказ — выполняй. Как-то осенью 43-го собрали группу разведчиков из девяти человек и поставили задачу: перебраться через реку и выяснить подходы к правому берегу, просмотреть все до мелочей. Наверное, готовилось массовое форсирование Днепра.

Посоветовались разведчики с командирами, что и как можно было использовать для переправы, и остановились на плотиках. Они удобнее, чем лодки, малозаметные на воде. Их решили поднять выше по течению с тем расчетом, чтобы при переправе плотики могли пришлить к намеченному месту. При этом и веслами не нужно много работать, сиди и смотри, куда править. Вода сама прибьет к берегу. Так и сделали. Отправились ночью на правый берег на трех плотиках. Почти сутки были на задании. Все выполнили, как надо, однако

при отходе группу заметили фрицы. Завязалась перестрелка. Но в наступивших сумерках разведчики сумели скрыться и вернулись к своим. Не было среди них только Алексея Воронина. Думали, что он погиб или попал к немцам. Нет, он просто отстал, заскочив, как ему казалось, в пустой блиндаж. Однако там отдыхал немец. Пришло с ним «поговорить». И как доказательство — Алексей выложил на стол какие-то документы.

Еще раз старший сержант Воронин отправлялся через Днепр у Запорожья. Тогда надо было попросить у артиллеристов дополнительного огонька, чтобы выкурить противника. При переправе был ранен. Но задание выполнил. Это было уже второе ранение. За форсирование Днепра Алексея Ефимовича Воронина наградили двумя медалями «За отвагу».

Богатая военная биография у моего героя. Я имею в виду перечень разных перемещений, смену специальностей. Вот и после очередного излечения в госпитале Алексей Воронин не попал в свою часть, а был направлен для прохождения службы в 36-й кавалерийский полк 4-го Кубанского корпуса. Кавалеристы уходили в глубокие рейды по тылам противника, поддерживали связь с партизанами, и те выводили полк в места проведения операций. В июле 1944 года в боях на подступах к Бресту Воронин был ранен в третий раз. После лечения Алексей отбыл в 31-й отдельный танковый полк, где пять месяцев учился на механика-водителя. Закончил учебу за неделю до Победы.

Казалось бы, слишком много уже выпало испытаний на долю одного человека, но судьбе было угодно сделать это еще раз. Алексей Воронин в составе 142-го танкового полка уезжал на Дальний Восток, чтобы там вместе с союзниками поставить точку во второй мировой войне — самой жестокой и кровавой в истории человечества. Храбро сражался солдат на своем Т-34. Мужество не покидало его в самых сложных ситуациях. Танковому полку и другим частям надо было выйти в центральные районы Северо-Восточного Китая, где хозяйничали японские захватчики. Предстояло преодолеть безводную степь и горные хребты Большого Хингана.

За форсирование этого горного хребта механик-водитель танка Алексей Воронин был награжден медалью «За боевые заслуги». В начале сентября Япония капитулировала. Но только через год стар-

ший сержант Воронин снял с плеч погоны. Шесть армейских лет осталось позади. Это сколько же верст по земле-матушке отмахал солдат?! Если посчитать, то за войну обошел он вокруг «шарика». Длинным оказался путь домой. Пробыл в родных местах недолго. Работал на железной дороге. А в 1950 году А.Е. Воронина послали в командировку в Печору, где в то время как раз кадров не хватало. Надо было помочь. Приехал Алексей Ефимович на время, а проработал на железнодорожном транспорте более двадцати лет. Потом перешел в «Печорснаб», откуда в 1975 году вышел на пенсию. Но продолжал работать в торговле, детсаде. А потом оставил всякое дело: сил уже мало, да и не нужно оно ему. Так он считал. Жена умерла. Единственный сын жил в ближнем зарубежье, в городе, за освобождение которого его отец пролил кровь и чуть было не утонул в Днепре.

А.Е. Воронин любил сидеть у окна. Почти напротив, через дорогу — автобусная остановка, а тротуар совсем рядом. Алексей Ефимович не мог спокойно смотреть на людей в туристской экипировке, с рюкзаками и корзинами в руках. Вспоминался дед, лесничество и многие километры троп, пройденные уже на Севере от станции Ираель до Косью. Дед Петр Дмитриевич прожил девяносто восемь лет, а его брат Алексей Дмитриевич — сто десять. Выходит, Воронины — крепкая порода. Но мой собеседник не радовался жизни. Не было для этого причин. Я смотрел в его глаза и видел в них тоску. Глаза отражают состояние души человека. И на восьмом десятке лет они не обманут.

Н. ФРОЛОВА

Невзгодам вопреки

Тимофей Изотович Герасименко
(1909—1975)

Разные судьбы приводят людей в наш город, впоследствии становящийся для них второй родиной. Вот и Тимофей Изотович Герасименко никогда не думал, что окажется на Севере, в далекой и неведомой Печоре, что здесь глубоко пустит свои корни. Об этом он рассказывал мне еще при жизни, подчеркивая, что никогда неожидал о таком повороте судьбы.

А родился он в селе Гуево Курской области. В девять лет ему, оставшемуся без отца и матери, помогли встать на ноги, окрепнуть в нелегком крестьянском труде родственники, которым он был благодарен до конца жизни.

Из родного Гуево ушел Т.И. Герасименко на фронт, прошагав военными дорогами до Победы. Но и после нее не закончилась фронтовая биография сержанта Герасименко. Летом 1945-го 298-я стрелковая дивизия, в составе которой он нес службу, была переброшена на границу с Монголией. Свобода этой дружественной нам страны оказалась под угрозой из-за захватнических планов милитаристской Японии.

На помощь пришли советские воины, блестяще проведшие Маньчжурскую операцию, положившую конец Квантунской армии, о которой ходили легенды. И такие рядовые бойцы, как Т.И. Герасименко, знали об этом не из истории. Несмотря на то, что за плечами

его был уже немалый опыт воина, здесь, на границе, все было непривычно сложно и непредсказуемо. Помнится, рассказывал Тимофеイ Изотович, как нелегко было преодолевать сильно укрепленную оборону японцев, продвигаясь по таежной и горной местности, и как заряжали солдат особенный дух, настроенность на разгром японцев. «Ох, и хитры, ох, и ловки они...» Но даже выходцам из русской глубинки удавалось перехитрить врага. Результат известен. А солдат Герасименко за проявленное мужество при освобождении Монголии получил свой первый боевой орден — орден Славы III степени. Позже к нему прибавился и орден Отечественной войны II степени.

Маньчжурская операция поставила точку в военной биографии Тимофея Изотовича. Вдохнув мирного воздуха на Дальнем Востоке, он раздумывал, куда направить стопы. Для жизни нужны были деньги, и он решил ехать на заработки на Север. С теми мыслями и сел в поезд. Случайной попутчицей его оказалась севшая на близлежащей станции девушка, которой, как выяснилось, владели те же мысли. Вот судьба: она, Маруся, и стала верной спутницей ветерана на всю жизнь, разделившей с ним все житейские невзгоды.

А тогда, совершенно случайно, они вышли на станции Печора. И первая же организация — Печорская РЭБ, куда они обратились, сразу определила на работу обоих. Его — шкiperом, ее — матросом на баржу. Забегая вперед, скажу, что отсюда, из Печорской РЭБ, Тимофей Изотович ушел на заслуженный отдых. А организация эта стала поистине вторым домом для ветерана. Как коммунист, вступивший в ряды партии еще до войны, он являл собой образец и в труде, и в общественной жизни. Партийные собрания для него всегда были событием. И хоть не блестал он ораторским мастерством, но, если брал слово, говорил четко, по делу, о том, что болит, тревожит. Это известно старым речникам-партийцам.

К фронтовым наградам Т.И. Герасименко за годы работы на РЭБ прибавилась, помимо многочисленных поощрений, медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина».

Вместе с Марией Антоновной, прошагав до последних дней в мире и согласии, вырастили Герасименко шестерых детей.

— С отцом мы никогда не пререкались, он всегда был для нас авторитетом, — говорит старшая дочь Любовь Тимофеевна Гераси-

менко, ныне пенсионерка, всю жизнь проработавшая на Печорской РЭБ. — А жилось трудно. Родительская зарплата мала, детей много. Но отец никогда не ждал помощи, да и не помышлял о ней. Знал: всего надо добиваться своими силами. Трудились, как могли. Скотину имели, огород большой, ничем не злоупотребляли. Спасибо родителям!

— Казалось, совсем скромную должность занимал наш батя, — слушаю еще одну дочь ветерана Галину Тимофеевну Басову, главного бухгалтера отделения вневедомственной охраны Печорского ГОВД. — Но он всегда был крепко подкован политически. Потому что, несмотря на материальную стесненность, отец выкраивал средства на подписку периодики, которую не просто читал, а, кажется, изучал. И если требовалась помощь или подсказка в чем-то, лучшим советчиком был только он...

Детям Герасименко каждодневно напоминает об отце-ветеране построенный им добротный дом по улице Чехова, который они, как семейную реликвию, содержат в образцовом состоянии.

Кровь любая – не водица

*Иван Глебович Горшков
(1918—1998)*

Большой он, род Горшковых. Если взять только одно колено, давшее поросль от Глеба Ивановича и Матрены Ивановны, то оно сильно разветвилось. Восемь душ детей было у них: семеро парней и одна девчонка. По тем временам мальчишки сразу же с рождением прибыль в дом несли. Землица на них отмерялась. В деревне Игнатьеве, что в Череповецком районе Вологодской области, землемер всегда старался прирезать Горшковым лучшую землю, когда на свет появлялся очередной защитник Отечества. Глеб Иванович думал, что его сыновья продолжат крестьянское дело, еще глубже пустят корни в землю. Но, словно птенцы, подрастая, они покидали родительский дом. Одни уходили на службу да так и оставались в армии, другие уезжали учиться. Так что помощников у отца не оказалось, а крестьянскому полю всегда нужны работящие руки. Уехали и Горшковы-старшие жить в Устюжну — небольшой стариинный городок.

Василий — старший из сыновей. И самый образованный. Еще в годы революции он окончил Череповецкое техническое училище. Позже — Ленинградский институт инженеров водного транспорта. Он помогал всем братьям встать на ноги, особенно Ивану. По насто-янию Василия Иван окончил речной техникум в Великом Устюге. Потом жизненная дорога привела его, молодого речника, на Печору,

на Щельяюрскую ремонтно-эксплуатационную базу. Было это зимой 1936 года. Из Архангельска до Усть-Цильмы добирались на лошадях. А оттуда — в Щельяюр. Быстро пролетели четыре года. Ивана потянуло в Устюжну к родным. Но не думал он, что встреча с ними будет короткой и прервется на годы.

По дороге в Устюжну Иван Горшков узнал, что фашисты развязали войну. По приезде он сразу же пошел в военкомат. Ему дали несколько дней на отдых и сборы и в конце июля призвали в армию. Уезжал Иван в Грязовец, где ждал его учебный батальон.

Наверное, каждый солдат, побывавший в учебном батальоне, помнит его всю жизнь. Это учеба и работа до седьмого пота, а потом — снова работа. Иногда, казалось, бездумная, ненужная. Солдаты говорят: «Землю пахали и носом, и брюхом». Но командиру виднее. Он знает, что и как, и считает: безделье — самое опасное занятие для солдат. Подошел выпуск. Четыреста младших командиров направили в действующую армию. А шестерых бывших курсантов, среди которых были Иван Горшков и его друг Аркадий Михайлов, оставили в гарнизонном карауле. Потом в учебный батальон пришло новое пополнение, и «старики» стали опорой командиров. Они передавали молодым свои знания. Значит, делай, как я. Снова учеба и работа...

Как-то в батальон прибыл из Архангельска представитель 310-го артиллерийского полка резерва Главного командования. Ему нужно было отобрать в полк сто человек. Иван Горшков и его друг попросили представителя, чтобы он взял их в полк. «Рад бы, но не могу. Не разрешает ваш командир «стариков» брать», — сказал старший лейтенант. Он усмехнулся, подумал о чем-то секунду-другую и посоветовал: «Вы же сами списки готовите. Запишите свои фамилии в середину списка. Все равно вы до Архангельска будете помогать мне сопровождать группу...». Так и сделали. Комбат утвердил список, не подозревая того, что этим росчерком пера он направил в артполк двух бывших курсантов, отпускать которых так не хотел.

В артиллерийском полку Горшков пробыл недолго. Вскоре отобрали из полка двадцать человек и поездом отправили в Вологду. А потом, уже глубокой осенью 1941 года, около тысячи солдат и младших командиров погрузили в Вологде на открытую баржу, шед-

шую в Великий Устюг. Там всех зачислили в военное училище. Оно было переведено туда из Белоруссии и имело два отделения — пехотное и артиллерийское. Иван Горшков прошел ускоренный курс артиллерийского отделения. И вот уже ему присвоено звание «младший лейтенант». И снова — Архангельск, где тогда находился штаб военного округа. В это время в Котласе формировалась 28-я стрелковая дивизия. Ивана Горшкова зачислили в дивизион тяжелых минометов. Вот это были 120-миллиметровые «плевательницы»! Один раз миномет вздохнет — и 16-килограммовая мина плохнется на фашистов.

В апреле 1942 года в районе Невеля дивизион расформировали по полкам. Младший лейтенант Горшков попал в 88-й стрелковый полк. Перед его батареей была поставлена задача: огнем минометов поддерживать пехоту и подавлять огневые точки противника. В батарее — 6 минометов. В одном расчете — 12 человек. В горячие минуты запарка была страшная.

Тяжелые минометы иногда работали целыми днями. Готовясь к новому наступлению на Москву, фашисты спешно перебрасывали войска из-под осажденного Ленинграда. Машины шли потоком. В отдельные дни батарея Горшкова выпускала до одной тысячи мин. Требовалась огромные моральные и физические силы, чтобы выстоять. Минометчики несли потери. «И нам враг давал прикурить», — рассказывал Иван Глебович. — На Калининском фронте велись тяжелые оборонительные бои. Весной 1943 года меня назначили командиром полковой артиллерийской батареи 76-миллиметровых орудий. Фашисты выбили там почти всех офицеров. Из пятерых в строю я один остался. А как одному командовать огневыми взводами и на НП огонь корректировать? И все надо выполнять быстро, молниеносно, так как противник все время передвигается, маневрирует. Но орудие — не винтовка, на мушку врага не возьмешь. Тут нужен точный расчет, глазомер, чтобы правильно рассеивать огонь орудий и накрывать им фрицев. Всегда опирался на солдат. Были среди них яркие самородки».

Старшему лейтенанту Горшкову и его артиллеристам приходилось и в атаку ходить, чтобы выправить, спасти положение. Не устояла как-то наша пехота. Назад попятилась, а потом побежала. Вот уже солдаты подбегают к орудиям. «Куда бежите! Оставьте нам

пулеметы!» — закричал командир батареи. Артиллеристы, вооружившись пулеметами, пошли навстречу врагу. Пехотинцы, видя, что «бог войны» не дрогнул, приостановили бег и встали в ряды наступающих. Фашисты были выбиты из окопов. Но положение все еще казалось критическим. С левого фланга у озера появились какие-то люди, человек сорок. Они быстро бежали на позиции батареи. «Кто они? Неужели немцам помочь подошла? А может, это наши?» — думали артиллеристы. Горшков приказал взять «пришельцев» на мушку пулеметов и в случае чего — открыть огонь. А сам, низко прятнувшись, побежал им навстречу. За сотню метров увидел: люди замахали руками.

Оказалось, что это были свои: выполнив задание, дивизионная разведка во главе с капитаном возвращалась из тыла противника. Туго пришлось бы разведчикам, если бы немцы закрепились в наших траншеях. Командир группы поблагодарил артиллеристов за помощь. Ночью на батарею прибыл порученец из штаба дивизии. Видимо, капитан доложил о ходе разведки и о сложностях во время возвращения домой... За этот бой старший лейтенант Горшков был награжден орденом Красной Звезды.

Бои под городом Невелем были тяжелые, затяжные. Они то затихали, то снова разгорались. В информационных сводках часто сообщалось, что на этом направлении наши войска ведут оборонительные бои. Здесь была прикована большая группировка сил противника. Завершилась победой Курская битва. Началось освобождение Украины. Солдаты знали, что скоро враг побежит и отсюда, с Псковщины. И побежал. В октябре был освобожден Невель. Бои продолжались. Стойко и мужественно сражались солдаты 28-й Невельской стрелковой дивизии, грудью защищая Родину. Иногда наступало затишье.

В таком «окне» между боями 3 декабря 1943 года старшего лейтенанта Горшкова вызвали в штаб полка. Взяв с собой двух солдат, командир батареи направился в штаб. Шли лесом. Морозило. Под ногами поскрипывал свежий снег. Где-то ухали пушки, слышались глухие разрывы снарядов. В лесу была тишина. И вдруг — свист снаряда. И взрыв. Снаряд задел дерево и взорвался.

Горшков упал. Потом, опершись на локоть, приподнял голову и посмотрел на ноги: от правой штанины остались ключья, застряв-

шие в голенище сапога. Нога была разбита. Вместо коленной чашечки торчали белые кости и жилы. «Да, дело — швах, — подумал он. — Надо одним махом отсечь все это. Но чем?». Он вспомнил, что у него не было ножа.

— Ребята, дайте нож, — обратился Горшков к солдатам, которые, растерявшиеся, стояли рядом. Они поняли, что задумал их командир, и сказали, что у них нет ножа. «Тоже мне солдаты!», — тихо пробурчал Горшков и приказал одному из них отправиться на пункт тяги за транспортом. Другой присел рядом и беспомощно смотрел на раненого командира.

А перед глазами Горшкова все мелькали разбитые белые кости и жилы. Он видел их и раньше. Но где? Вспомнил. Полковая артиллерийская батарея была на конной тяге. С начала войны, говорят, в ней было 45 лошадей. Потом осталось восемнадцать. Двенадцать из них ранены, но все еще оставались при деле. И только шесть лошадок пока что живы и здоровы. На фронте им очень трудно. Человеку, конечно, легче. Он где пригнется или проползет, а то и в ямке склонится. А лошадь?.. Горшков сомкнул глаза и увидел картину. Закончился бой. Среди поля, изрытого минами и снарядами, стояла лошадь. Ноги ее перебиты. Она стояла на белых кульях, а из крупя текла кровь. Тогда Горшков подошел к лошади. Какие у нее были глаза! Просто людские. Их никогда не забыть. В них стояли слезы. Кровь любая — не водица. Он достал из кобуры пистолет и... выстрелил. На телеге приехали старшина и солдат. Они увезли Горшкова в санчасть. Потом — в медсанбат, в госпиталь. Месяцев восемь провалялся он в больничных палатах. Долго, конечно. Сам устал и другим, наверное, надоел. Иначе отчего это высокий чин, прибывший с комиссией из Москвы, посмотрел на Горшкова и загадочно сказал: «Залежался, старший лейтенант. Всё если бы сразу ногу оттяпали... Да и сейчас не поздно». Видно солдат место долго занимал и кашу задарма ел. Всякие встречались люди. Но добрых на свете больше. Взять, к примеру, хирурга Ольгу Ивановну Шляпникову. Она хорошо понимала положение Горшкова и всякий раз наставляла: «Ваня, не давай, чтобы ногу ампутировали. Она тебе, молодому, очень нужна. Пусть слаба, плохонькая, а своя».

В сентябре 1944 года Иван Глебович Горшков возвратился в Устюжену инвалидом. Было ему 26 лет. Отец уже умер. Мать встре-

тила сына со слезами. Сын Александр погиб под Ленинградом. Еще четверо сыновей Матрены Ивановны бились с врагом. Как жить дальше? Прожил Иван в Устюжне несколько месяцев. И уехал в Ленинград. Шесть лет проработал он в техническом отделе Невского завода. Но сердце нет-нет да и напомнит, что где-то на Севере течет река Печора. Там он в молодости проработал четыре года. Порой тянуло туда. А тут еще, будучи в Москве в командировке, встретился он с начальником Печорского речного пароходства П.Н. Ивановым. Разговорились. И пригласил тот Ивана Глебовича приехать на Печору. Снова раздумья. А как же без них? Семья ведь есть. Трое малолетних детей. Жена, Зоя Павловна, сказала: «Давайте собираться в дорогу». В 1952 году Горшковы приехали на Печору. Вначале Иван Глебович работал в Няшабоже, потом — в Щельяюре. Семнадцать лет он отдал пароходству. А в последние годы перед выходом на пенсию был главным механиком Печорского мясокомбината.

За свою жизнь Иван Глебович совершил много добрых дел. Они есть повсюду, к чему прикасались его умелые руки и незаурядный талант организатора.

Под Киевом есть высота...

Василий Иванович Губарев
(1918—1995)

Для солдата сидеть в окопе и чего-то ждать — очень утомительное занятие. А если ждать несколько суток? Казалось, крыша у людей может поехать от напряженного ожидания. Не зря в народе говорят: хуже всего ждать и догонять. А кого или чего? Может, смерти? Нет. Она приходит без приглашения. Особенно в бою. Ротный объявил всем младшим командирам, а те уже довели до сведения каждого солдата, чтобы не расслаблялись и были, как говорится, начеку. Скоро подразделение пойдет вперед и выбьет фашистов с высоты, которая господствует над окружающей местностью на несколько десятков километров. Оттуда, с этой высоты, расположенной на Киевском направлении, фашисты держали под огнем артиллерию огромное пространство и всегда контролировали его.

Сидя в окопе, солдат о чем только не передумает! У каждого свои заботы, свои мысли. Но есть и общие, самые дорогие для всех воспоминания: перед глазами предстанут мать, жена или невеста. И, наверное, любимый уголок в городе, селе, куда человека постоянно влекло, где ему всегда было приятно побывать. «А где сейчас братья? Может, вот так же ждут сигнальной ракеты, чтобы подняться из окопа и пойти в атаку», — подумал Василий Губарев. Его призвали в армию в июне 1943 года. А до этого у него была бронь — работал он связистом на железнодорожном транспорте. А еще раньше воен-

вал с белофиннами. Странная какая-то была та война. Короткая, но для нас оказалась не из легких. Губарев служил тогда в кадровой части и попал на финскую с первых ее дней. Он хорошо знал, как все началось и проходило. Дай тогда мы противнику хороший урок, может, и фрицы бы призадумались и так скоро на нас не полезли.

На финской войне Василий Губарев был ранен и контужен. После лечения его демобилизовали. Да и война к тому времени закончилась... «А где же сейчас братья Иван, Виталий и Александр? Мать дома волнуется». Василий закрыл глаза и оказался в селе, вместе с братьями. Иван, первенец, старше его на три года. Виталий и Александр — младшие. Все четверо появились на свет в течение десяти лет.

— Василий, ты что, еще и спать можешь? — тронув Губарева за плечо, проговорил сосед. Этот молодой солдат прибыл в роту с последним пополнением. Губарев приоткрыл глаза. Нет, он не спал, даже не дремал. Просто в эти минуты нахлынули воспоминания. Они лучше воспринимаются, когда сомнешь веки. И картина меняется, можешь представить себе все, что угодно. А солдат возбужденно продолжал: — Не могу я, Василий, заснуть в такой обстановке... Чувствую, что в этом бою меня убьют... Я не трус, Василий. Знаю, что войны без смертей не бывает... Но очень хочется жить... Обидно: живешь, живешь и вдруг... А я ведь даже девчонку еще не целовал.

— Ты, друг, не думай об этом. Все обойдется. И девчонок еще нацелуешься. Сколько их встретится тебе в жизни — выбирай любую, — сказал Губарев.

Время перевалило за полночь. С высоты немцы пускали осветительные ракеты. Они долго зависали в ночном небе, заливая светом все вокруг. Затем гасли. А им на смену взлетали другие.

Стрелковый полк 237-й дивизии, в которой служил Василий Губарев, один раз уже атаковал высоту, как говорят военные, с ходу. Однако с ходу, не зная броду, лучше не лезть. Атака захлебнулась: подступы к высоте были заминированы. Полк понес большие потери. Был получен приказ: окопаться и готовиться к наступлению. Командование, видимо, поняло, что на одном «ура», без помощи других родов войск высоту не взять. В танковом батальоне было несколько боевых машин, приспособленных для

разминирования полей и дорог. Они должны на минном поле проложить путь для пехоты.

С высоты в сторону полка пролегли огненные дорожки трассирующих пуль и гулко застучал крупнокалиберный пулемет. А потом из лощины донесся шум работающих моторов и характерное постукивание танковых гусениц. «Слышишь, Василий, по низине танки подходят», — сказал молодой солдат. Губареву не хотелось разговор заводить. Он, как раз мысленно был в курском селе Малеевке, где жили отец с матерью. Трудно им, наверное. Была семья, считай одни мужики... Но такая уж доля выпала Анне Филипповне и Ивану Яковлевичу, как и многим другим родителям: растить сыновей — защитников Отечества.

— Слышишь, ревут? Хорошо, но потише бы, а то немцы всполошатся, — проговорил новобранец. «Да, танки... Скоро фрицы побегут. Не надо, друг, дрейфить», — сказал Губарев.

В лощине затихли танки. Время было предрассветное. Восток заметно побелел. Повсюду утренней прохладой. Вот уже кромка далекого горизонта чуть порозовела и растинулась. С полкового командного пункта взвились в небо три красные ракеты. Началась артподготовка: вокруг загрохотало, и на высоту, занятую немцами, полетели снаряды. Заработали «катюши». К нашим окопам подошли танки с волокушами и заняли исходную позицию. Земля вздрогивала от взрывов. Сердце солдата билось гулко, тревожно. Ему предстояло подняться и пойти навстречу врагу.

Танки прошли через окопы и, построившись шахматным порядком, двинулись на высоту. По всей ширине наступательной линии начали взрываться мины. За танками пошла пехота. Заговорили немецкие пушки. Василий шел в бой рядом с новобранцем и заметил, что тот как-то преобразился. Видно, это страшное, но по-настоящему мужское дело уже захватывало и его. Разрывающиеся снаряды поднимали в воздух землю. Запахло порохом и гарью.

Наступательный порыв стрелкового полка не затихал. Передовые группы пехоты уже дрались врукопашную в первой линии обороны фашистов, А сколько их там, этих линий? Но враг дрогнул, начал пятиться. Потом показал спину и побежал. Рота устремилась за ним, чтобы не дать возможности ему закрепиться во второй линии окопов. Немцы перевели огонь пушек на оставленные пози-

ции. Василий Губарев в азарте боя вместе с другими солдатами роты преследовал отступающего противника. Потом вдруг резко остановился и тут же упал. Было такое ощущение, словно правая нога попала в капкан, который держал его, мешал двигаться вперед. «Надо встать... Чего это я?» — подумал солдат. Он пошевелился. Резкая боль пронзила все тело, и Губарев уткнулся лицом в землю. Потом подбежал санитар. Он туго перетянул ремнем ногу где-то у пояса: она была разбита осколком снаряда. Санитар пристроил раненого на плащпалатку и ползком потащил его с поля боя. А сражение за безымянную высоту, отмеченную на штабных картах цифрой, продолжалось. И только поздно вечером она была занята стрелковым полком 237-й дивизии. Произошло это в конце сентября 1943 года. Долгие месяцы Василий Губарев кочевал по госпиталям, был в Ельце, Казани, Алатаури. В Казани сделали операцию и замуровали ногу в гипс до самого бедра. Хирург сказал, что солдат уже отвоевался, но ходить будет нормально, если сильно захочет... Раны зажили, и Василия комиссовали, дав ему инвалидность третьей группы. Весной 1944-го приехал он в родную Малеевку к отцу и матери. Раненая нога не слушалась, так как совсем не сгибалась в колене. Василий помнил слова хирурга и почти три года, стиснув зубы от боли, тренировал ногу. Мать — Анна Филипповна — видела, как ее сын старается побороть недуг и сильно переживала. В то же время она радовалась, что Господь Бог оставил им хоть покалеченного сына. Другие же полегли на поле брани.

В том же 44-м Василий женился. В 1949 году получил он письмо от друга, который жил в Печоре. Тот описывал красоту северных мест, щедрость природы, хлебосольство местных жителей. И поехали Василий Иванович и Нина Андреевна на Север, чтобы все увидеть своими глазами, прочувствовать сердцем. Так и остались они здесь. В.И. Губарев все годы проработал связистом. В Печоре выросли дети и внуки. Здесь их родина. Это ведь тоже Россия.

Разведчики – в авангарде полка

Леонид Андреевич Дзюин
(1924—1996)

Осенним днем 1994 года мы сидели в квартире Л.А. Даюина и вместе с хозяином рассматривали фотографии. Были среди них и снимки военных лет. Вот запечатлен молоденький солдат в фуражке. Взгляд его задумчивый, он будто вопрошают и ждет нашего приглашения участвовать в разговоре. «Это я после госпиталя, мне восемнадцать лет», — пояснил хозяин. Время-то было какое суровое! Ребята мужали в бою с врагом. Многие из них так и ушли в вечность совсем молодыми. Большое испытание прошел и солдат Леонид Дзюин, удмурт по национальности. По ранней профессии — защитник Отечества. Выходит, молодо, но не зелено.

Родился и вырос Леонид в небольшой деревне Кортышево. У отца с матерью был он один-единственный сын. Дед по отцу занимался крестьянским хозяйством. А дед по материнской линии был ремесленником. В округе трудно было найти лучшего бондаря, чем дед Федосий. Мастерил он и телеги, и сани. Работал с фантазией, в каждую вещь душу свою вкладывал. Так что рос Леонид в окружении людей добрых и трудолюбивых. С малых лет, словно идя по ступенькам, мальчишка приобщался к труду, осваивал какое-нибудь дело. Уже подростком он выполнял разные работы: пахал и боронил, косил и лен теребил... Окончив семилетку, Леонид стал постоянно работать в колхозе. Время было трудное, предвоенное. Надо было и ему трудодни зарабатывать.

— До 1935 года мы жили, можно сказать, хорошо, — говорил Леонид Андреевич. — А потом все больше стала ощущаться удавка, наврошенная государством на коллективные хозяйства. Эта форма собственности для него была выгодной: подметалось почти все, что производилось в колхозе. На трудодни выдавались крохи...

«Вставай, страна огромная!». Слова этой песни знали тогда все. Сегодня кажется, что родилась она в первые же часы войны, ворвавшись в сердца людей мощным призывным набатом, собирая их в единую силу на защиту Родины. В деревне Кортышево радио в домах в то время не было. Стоял какой-то приемник в правлении колхоза. Местные умельцы вывели от него провода на улицу, повесили на столб черную тарелку репродуктора, и она заговорила. Тревожная весть пришла и сюда. Вся деревня собралась возле правления... Люди стояли молча, вслушиваясь в голос диктора. Потом выступил Молотов.

В первые же дни войны мужчины призывных возрастов уходили на фронт. Леониду Дзюину было в то время шестнадцать лет. В армию призвали его через год. В военкомат прибыли 16 августа 1942 года. Прошли медкомиссию. Леонида и двух его однофамильцев из соседней деревни Долгоево — Лазаря и Вениамина Дзюиных — направили на учебу в город Глазово в Ленинградское пехотное училище. Оно было эвакуировано в Удмуртию в первые месяцы войны.

Началась учеба. Леонид очень старался. И, наверное, как и многие его сверстники, хотел стать красным командиром. Все практические занятия давались ему легко. А вот над изучением различных уставов и политических дисциплин приходилось корпеть много. Ему казалось, что он все хорошо понял и может рассказать, объяснить. На занятиях начинал отвечать на вопрос бойко и уверенно. Однако видел на лице преподавателя какую-то скрытую неудовлетворенность, а в классе — подавленные смешки. И терялся. Умолкал. Он плохо знал русский язык, свою речь пересыпал удмуртскими словами. А тут еще спешка, сжатая до предела учебная программа. Она была рассчитана на два года, а курсантам предстояло освоить ее за шесть месяцев.

Два с половиной месяца Леонид Дзюин проучился в пехотном училище. А потом его и еще некоторых курсантов направили на

пополнение части в действующую армию. Их путь лежал в Вологду, где формировался 26-й стрелковый полк. А оттуда в начале ноября 1942 года полк был направлен на Донской фронт для пополнения 64-й стрелковой дивизии. Дорога была трудной. За Воронежем воинский эшелон несколько раз бомбили. Это явилось для бойцов настоящим испытанием огнем. Были первые потери. И была злость, иногда сменявшая обидой. Многие, и Леонид Дзюин в том числе, спрашивали себя: «А где наши самолеты, где истребители, которые должны были прикрыть воинский состав с воздуха? Где же тот могучий удар, о котором так хорошо все пели в мирное время?» Мысли, мысли... О многом передумает боец в такой обстановке. Это его право. Но, Боже упаси, поделиться такими мыслями с соседом, уткнувшимся головой в землю рядом...

На каком-то степном полустанке полк выгрузился. Дальше предстоял марш-бросок. Никто из бойцов не знал конечный пункт. Первое время шли день и ночь, останавливаясь лишь на короткие привалы. А когда уже стала ощущаться близость фронта, то передвигались только ночью. Взвод полковой разведки, в который попали Леонид и Лазарь, шел в авангарде полка. Разведчики — все парни молодые, бесстрашные. Они были как бы глазами и ушами стрелкового подразделения. Шли в сторону Сталинграда.

В пункт назначения 26-й стрелковый полк прибыл 12 ноября. До обороны противника рукой подать. Обе стороны, окопавшись, стояли друг против друга. Периодически происходили стычки, как говорится, проба сил или бои местного значения. Фашисты стремились удержать оборону, не дать возможности нашим частям прорваться к Сталинграду. Но в штабных кругах уже был готов план мощного контрнаступления наших войск при взаимодействии трех фронтов: Сталинградского, Юго-Западного и Донского. Надо было обеспечить его успешное выполнение. Важную роль в этом сыграла полковая разведка. Она поработала блестяще.

Почти целую неделю полковые разведчики вместе с саперами делали проходы в минных полях перед обороной немцев. По этим проходам пойдут наступающие подразделения. А пока шла напряженная и опасная работа. Шесть саперов снимали мины, а бойцы из взвода разведки брали их на свои спины и ползком оттаскивали в определенное место. «Ползет разведчик со страшным грузом и

думает: «Вытащил сапер взрыватель или нет?» Пот всего прошибает не только от физического перенапряжения, но и от нервного. Было два случая, когда взорвались мины на спинах у ребят, — рассказывал старый солдат. — Первые две-три сотни метров особенно трудно. Ведь немец мог подстрелить. Вот и вжимаешься в землю, носом ее пашешь, а ползешь. А затем встаешь на четвереньки и бежишь, как бегают до сих пор обезьяны — предки наши».

19 ноября 1942 года 26-й стрелковый полк пошел в наступление. Вместе с другими частями Донского фронта он участвовал в разгроме противника в малой излучине Дона. Тем самым был образован внутренний фронт окружения врага с северо-запада. Пять дней шли жестокие бои. Поставленная задача была выполнена.

В памяти полкового разведчика Леонида Дзюина остался бой под станцией Суровикино. Она раскинулась в низине на реке Чир. Противоположный берег реки высокий. На нем и закрепились фашисты. Вокруг степь. Все, как на ладони. Бой у Суровикино длился с утра до вечера. Вражеская артиллерия била прицельно. Минометы косили шрапнелью цепи солдат. В том бою полк потерял почти одну треть личного состава. А к вечеру поняли, что на этом участке полку не пройти. Надо бы двинуться в обход. Так и сделали. Обошли немецкие укрепленные позиции. Думали, теперь сполна враг получит за гибель товарищей. Но его там уже не было. Бежал. Выходит, зря положили стольких солдат. Почему же раньше не подумали о том, что можно выбить фрицев как-то по-другому, а не лесть напролом?

26-й стрелковый полк с боями прошел сотни километров по донским степям. Освобождал города Серафимовичи, Миллерово... Понес потери и взвод полковой разведки. Из двадцати пяти человек в строю осталось десять. В Серафимовичах пришло пополнение.

Еще солдату Даюину запомнился бой, когда наши войска выбивали немцев из Ворошиловграда. Правда, сам город освободили быстро. Но оставалось несколько очагов сопротивления, в частности, на территории паровозостроительного завода. Разведка доложила, что весь завод заминирован и готовится к полному разрушению. Для этого там оставлена рота немецких солдат. Командование стрелковой дивизии решило соединить в одно подразделение полковую и дивизионную разведку и направить разведчиков на спасение завода.

Рано утром 16 февраля 1943 года около ста бойцов скрытно пробрались к заводу. Немцы уже взорвали котельную, административное здание и часть главного корпуса... Долго шел бой — с утра до пяти часов вечера. Фашисты выкуривали из разных углов дымовыми шашками. Разведчики несли потери, но все же упорно продвигались вперед, очищая цех за цехом, комнату за комнатой... Вот, кажется, и все. Командир дивизионной разведки, руководивший всей операцией, приказал лейтенанту Беляеву всех собрать и построить пленных. Сбор — у главного корпуса. Собрались быстро. Все разгоряченные боем. Немцы, подняв воротники шинелей, горбились от мороза... И вдруг в этой людской гуще разорвалось несколько гранат. Они были брошены с главного корпуса двумя затаившимися там немецкими офицерами.

Погибло несколько человек. Много было раненых. Серьезное ранение получил Леонид Дзюин — вся левая сторона туловища от подбородка до колена была изрешечена осколками гранаты... Так для него закончилась война. Около четырех месяцев он пролежал в госпитале. После лечения был признан годным к нестроевой. До мой не отпустили. Послали в Ленинград охранять военные заводы и склады. А в конце 1945 года направили его служить в Эстонию в органы внутренних дел. Там произошла одна история... Но это тема для других заметок. Скажу только, что на долгие годы Леонид Андреевич Дзюин «выпал» из списков участников Великой Отечественной войны. Лишь в семидесятые годы ему вернули добре имя и награды, которые заслужил солдат. Большое участие в этом приняли сотрудники Печорского военкомата и товарищи из пожарной охраны, где он проработал более тридцати лет. И ветеран войны, инвалид первой группы Л.А. Дзюин был благодарен им за это.

Боец олене-лыжного батальона

Митрофан Исакович Дьячков
(1922—2000)

Митрофан Исакович Дьячков родился 17 июня 1922 года в с. Новик-Бож Усть-Усинского района Коми АССР.

На фронт отправился в октябре 1941 года из Усть-Усы на оленевой упряжке. В то время это был единственный транспорт, на котором можно было выехать из Коми края. Был зачислен стрелком ручного пулемета в 6-й отдельный оленье-лыжный батальон при эвакогоспитале в составе 325-го стрелкового полка, оборонявшего Заполярье.

Из истории мы знаем, что в сражениях Великой Отечественной войны принимали участие кавалерийские полки, а вот на Карельском фронте при эвакогоспитале был оленье-лыжный батальон. Ведь олени — очень крепкие и выносливые животные, к тому же могут сами добывать себе пищу из-под снега. Они не требовали особого ухода и были просто незаменимы в суровых северных условиях.

Митрофан Исакович дважды был ранен: в мае 1942 года и в марте 1945 года.

Из армии демобилизовался в ноябре 1946 года. Награжден боевыми наградами: орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, медалями «За победу над Германией», «За оборону Советского Заполярья», многочисленными юби-

лейными медалями и памятными знаками, в том числе и знаком «Ветеран Карельского фронта».

После демобилизации работал на Верхне-Печорском техучастке бассейнового управления путем грузчиком. В 1977 году вышел на пенсию. Проживал в п. Путеец. Умер в 2000 году.

Почитают и помнят

Иван Сергеевич Еремин
(1919—2001)

На живописном берегу речки Суры, в поселке Сурское, что в сотне километров от могучей реки Волги, в многодетной семье Ереминых родился седьмой по счету ребенок — мальчик, которого окрестили исконно русским именем — Ваня. Было это в марте 1919 года в пору гражданской войны и разрухи. Нелегко было такой большой семье сводить концы с концами, но воспитанные в труде Еремины не унывали, жили не лучше, но и не хуже других. Правда, с годами смерть безжалостно вырывала из строя то одного, то другого члена семьи. В 1-ю империалистическую войну погиб старший брат, в гражданскую — другой брат. Отец скончался в период нэповских реформ в 1924 году, а мать — в период войны с финнами в 1940 году. Не обошла Ереминых стороной своим черным крылом и война с Германией: погиб в 1942 году под Смоленском еще один из братьев. А вот Ивану повезло. Семь лет отслужил он в Красной Армии, понюхал пороху не только на учебных полигонах, а и в жестоких боях с реальным противником, но остался жив и продолжил свой славный ереминский род...

Оккупировав почти все страны Европы, гитлеровские войска со средоточились вдоль западной границы Советского Союза в 1941 году не ради парада, а для внезапного нападения. У восточных же границ нашей страны японские вояки с марионеточной Маньчжу-

рией также концентрировали свои силы и совершили военные провокации с целью прощупывания нашей готовности к войне в этом регионе Азии. Были жестокими бои в Приморском крае в районе озера Хасан летом 1938 года и в дружественной нам Монголии на реке Халхин-Гол летом 1939 года. Получив надлежащий отпор и в первом, и во втором случаях, Япония зареклась дразнить СССР, несмотря на нажим Гитлера.

Чтобы восполнить потери, понесенные в боях нашей армией, был проведен мобилизационный призыв, под который попал и Иван Еремин. 15 сентября 1939 года в возрасте двадцати с половиной лет он был призван в войска и направлен на Восток страны, в Забайкальский военный округ. По прибытии на место его определили в 1142-й пушечно-артиллерийский полк 687-й отдельной пушечно-артиллерийской бригады резервной дивизии. Там он и постигал премудрости армейской службы, став отличным артиллеристом, пройдя путь от рядового солдата до командира орудийного расчета и звания старшего сержанта.

Когда гитлеровцы напали на нашу Родину, он, как и все его сверстники, рвался на Запад, забрасывая штаб рапортами. Кого-то и отправляли на фронт, а Ивану сказали: «Ты нам нужен здесь, чтобы готовить умелых и храбрых артиллеристов». Вот и обучал он молодое пополнение пушкарскому делу до конца своей службы. В августе же 1945 года ему самому пришлось участвовать в жестоких боях с японцами в предгорьях Большого Хингана в районе легендарной реки Халхин-Гол. Пули и осколки обошли его стороной: ни ранило, ни контузило. А 25 августа 1945 года командир дивизии генерал Богатырев «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с японскими захватчиками в Маньчжурии» вручил ему медаль «За боевые заслуги».

Отгремели бои на фронтах, рассеялись тучи войны на границах, и ушел в 1946 году Иван Сергеевич в запас. Вернулся в родное Сурское. Работал не покладая рук. Женился. В 1949 году родилась дочь. А в 1954 году, завербовавшись по объявлению, приехал в Печору, в речной порт, где и проработал грузчиком до 1960 года. Когда же образовалось городское АТП, перешел туда «на колеса». Кто посчитает, сколько километров он накрутил за баранкой на своих грузовиках по городским, таежным и степным дорогам страны? Не

раз командировался на Целину, многие годы возил по зимникам различные грузы в глубинку для геологоразведчиков и строителей. Имеет большое количество поощрений: грамот, дипломов, знаков победителя соревнования и ударника пятилетки, а также три значка за безаварийную работу на транспорте...

Трудолюбивым, общительным, веселым человеком знали в коллективе Ивана Сергеевича. Однако жизнь не вечна. Умерла жена, а в июле 2001 года ушел из жизни и он. Но осталось их потомство, ради которого они жили на земле.

А заметки эти написаны на основе беседы с его дочерью Антониной Ивановной, бережно хранящей отцовские документы, фотографии, награды, среди которых орден Отечественной войны II степени и дюжины медалей за ратные и трудовые дела. И это прекрасно, когда дети, не пораженные современным нигилизмом, почтят своих родителей, свято хранят память о них.

Ж. МОРГУН

Солдат – всегда солдат

Александр Семенович Жданов
(1925—2002)

Когда началась Великая Отечественная война, Александру Жданову было неполных 16 лет, а потому на службу в армию призвали лишь в январе 1943 года, хотя он, как и многие другие его ровесники, неоднократно ходил в военкомат и просился на фронт «быть фашистских гадов». Однако сложа руки не сидел, работал наравне со взрослыми на лугах и в поле в селе Антипино, что в Нижнетавдинском районе Тюменской области, помогая выращивать хлеб и участвуя в заготовке других сельхозпродуктов для наших воинов.

Но и потом Александр, конечно, не сразу попал на фронт, а лишь после трехмесячных курсов в звании младшего командира 6-го запасного стрелкового полка. С августа 1943 по декабрь 1944 года много раз ходил в бои сражаться с фашистами вместе со стрелками 1143-го стрелкового полка.

Затем А. Жданов, в роли опять-таки стрелка, попал в 5-ю танковую дивизию, с которой прошел огненный путь до конца войны, и был награжден за ратные подвиги медалями «За отвагу», «За победу над Германией», орденом Отечественной войны II степени и многими другими наградами.

Но и после войны А.С. Жданов аж до августа 1950 года оставался в рядах Советской Армии, где дослужился до командира отделения пулеметчиков.

В 1953 году жизненные пути-дороги привели Александра Семёновича в наш город, где он честно и старательно проработал много лет плотником в СУ-301 управления «Печорстрой» и был награжден медалью «Ветеран труда», знаками «Ударник пятилетки», имел целый ряд других поощрений.

Так что верно говорится, солдат — всегда солдат.

Самый главный парад

*Николай Васильевич Задорин
(1923-2003)*

Николай учился в Архангельском лесотехникуме и ему еще не было 18 лет, когда грянула война. Доучиться не довелось. На фронт пошел добровольно. 15 сентября уже был на призывном пункте Котласского РВК. В 31-й отдельный лыжный батальон набирали стрелков из ребят крепких, здоровых, способных к многокилометровым маршам. Николай Задорин был таким. Он родился в деревне Григорьевке Рябовского сельсовета Котласского района Архангельской области. Отучился четыре класса в сельской школе и с 12 лет работал в колхозе. Рос и мужал в таких условиях, которые и сделали из него собранного, выносливого бойца, а к тому же человека не робкого десятка. Свою первую награду — медаль «За отвагу» — получил за успешное проведение операции по взятию «языка». В составе разведроты Николай пробрался через линию фронта. На выполнение операции потребовалось около недели. Главная сложность состояла не столько в том, чтобы необнаруженными перейти фронт и вернуться к своим, а в том, чтобы привести с собой информированного противника, желательно офицера. Они справились, а командование получило нужные сведения, решившие исход очередной операции.

Прошло с тех пор более 60 лет. Николай Васильевич оставил о себе скучные строчки автобиографии. «Мобилизован на Отечествен-

ную войну и войну с Японией в сентябре 1941 года. Воевал до сентября 1945 года. С сентября 1945 по август 1946 года находился на Чукотке. 1 августа 1946 года по ранению был комиссован. В 1949 году приехал в Печорский район. В Каджеромском леспромхозе работал мастером леса с 1949 по 1959 годы, с 1959 по 1978 годы — трактористом в лесу. С 1978 по 1993 — лебедчиком на нижнем складе. Имею правительственные награды: ордена Красной Звезды, Отечественной войны, медали «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией», «За победу над Японией», «Ветеран труда», 8 юбилейных медалей. Армейское звание — сержант. На Отечественной войне служил разведчиком».

Мне не довелось встретиться с Николаем Васильевичем, чтобы узнать, за какие операции он получил свои награды столь высокого достоинства, как рисковал, сколько друзей потерял. 18 ноября 2003 года его не стало. Но в Рыбинце живет его супруга Прасковья Ивановна. Она свято хранит память о муже и его наградах.

— В июне 1945 года мужа отправили из Чехословакии в Москву, — рассказывает Прасковья Ивановна. — Их долго готовили, выдали новенькое обмундирование, чтобы наши победители прошли по Красной площади при полном параде.

Когда бравый орденоносец сержант вернулся в родную Григорьевку, конечно, какое девичье сердце могло устоять. Николай и Прасковья поженились в 1947 году. Вместе они прожили 56 лет.

— Мы приехали на Север в 1949 году, — вспоминает Прасковья Ивановна. — Муж начал работать в лесопункте поселка Кыдрым Ижемского района, а потом мы переехали в Рыбинцу. У нас большая и хорошая семья — два сына и четыре дочери. Все живут в республике. А теперь и 9 внуков, да еще три правнука.

Один из внуков — Никита Камерзан учится в 49-й печорской школе. Мама — Валентина Николаевна рассказала, что сын с детства расспрашивал деда о войне. Все, что запомнил, стало темой сочинений Никиты. Внук был не только слушателем. После смерти Николая Васильевича именные часы, подаренные ветерану в честь 55-летия Победы, перешли к Никите.

— Я начал расспрашивать деда о войне лет с 14-ти, — говорит он. — Мне все было интересно: где воевал, как, его мысли о жизни и смерти, о силе случая на войне. Знаю, что дед воевал под Мурман-

ском и в Норвегии, освобождал Керкинес, Найден. Затем его дивизию перебросили на 4-й Украинский фронт. 8 мая фашистами была подписана капитуляция, а части, где служил дед, воевали в Чехословакии. Там оказал сопротивление один из корпусов немцев. 9 мая и он сложил оружие. Моему деду довелось и тяжелое ранение испытать от осколка гранаты 14 ноября 1942 года, и 6 месяцев госпиталей. После парада Победы деда и многих других отправили на границу с Японией. Ехали долго, но война уже закончилась и на Дальнем Востоке...

Николай Васильевич оставил о себе добрую память. Он выполнил долг солдата и отца. И внуки воспитаны на примере жизни деда. Это говорит о том, что в семье Задориных Николая Васильевича и Прасковьи Ивановны нет Иванов родства не помнят.

Верность в служении Родине

*Вениамин Александрович Зыков
(1916—1988)*

Вениамин Александрович Зыков из тех людей, которые не могут выполнять дело кое-как или наполовину. Даже когда его желание внутренне как бы вступало в противоречие, он все равно все делал добротно. Выросший в крестьянской семье, с детства полюбил природу, реку. И когда встал вопрос, кем быть, Вениамин решил стать речником. После окончания 7 класса он в 1932 году поступил учиться в Лименский техникум водного транспорта, что в Архангельской области. Окончив его, Вениамин Зыков до 1938 года был занят на работах, связанных с рекой. Потом его призвали в армию и сразу же отправили учиться в полковую школу. Первые сержантские знаки отличия он получил через шесть месяцев и тут же был зачислен на курсы младших лейтенантов при 54-й стрелковой дивизии. С тех пор вся жизнь В.А. Зыкова была связана с армией или с органами госбезопасности и правопорядка.

В Великую Отечественную войну Вениамин Александрович служил в особых отделах армий, корпусов и дивизий, в отделе контрразведки «Смерш». Работа особиста очень сложная и трудная. Надо было всегда и везде знать обстановку, быстро и точно реагировать на открывшиеся обстоятельства и не допускать, чтобы противник навязывал свою игру. Иногда своевременный, смелый и точный

шаг контрразведчика приносил большую победу, а малейшая медлительность или ошибка могли обернуться поражением.

Для капитана Советской Армии В.А. Зыкова Великая Отечественная война закончилась в мае 1945 года в Будапеште. Уже к тому времени Родина отметила его заслуги в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, наградив орденами Отечественной войны и Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Я близко знал Вениамина Александровича на протяжении двадцати шести лет. Но за этот период времени он ни разу не обмолвился о своей службе в органах контрразведки. Кое-что о тех годах я узнал из других источников.

После войны и до 1975 года В.А. Зыков работал в органах прокуратуры и Министерства внутренних дел. Он постоянно повышал свой профессиональный уровень. В 1959 году окончил Всесоюзный юридический заочный институт. Много лет своей жизни Вениамин Александрович отдал службе ОБХСС, как говорится, вел борьбу по охране социалистической собственности. Об этой службе старожилы Печоры наслышаны хорошо. В.А. Зыков и другие работники ОБХСС наступательно и бескомпромиссно боролись с казнокрадами и разного рода расхитителями народного добра.

В конце 1969 года в городе и районе нашумело дело о преступных действиях некоторых работников Печорского универмага. Они новые вещи подменяли бывшими в употреблении и продавали. Представьте себе, покупатель примеряет пальто, смотрится в зеркало, настроение у него превосходное и вдруг он замечает, что борт пальто запотпан, в карманах табак... Нет сомнения — пальто с чужого плеча... Позже, когда работники ОБХСС начали проверку, завмаг призналась: «Да, это пальто моего мужа. Хотелось купить новое, а это продать...».

А вот еще одно дело, переросшее в трагедию. Произошло это в конце 1988 года. В городской комитет партии поступило письмо, в котором сообщалось, что директор Печорского домостроительного комбината И. в обход закона старается приобрести автомашину «Волга», принадлежащую ДСК. Проверку письма поручили опытному юристу, члену партийной комиссии при горкоме партии М.И. Тиранову, который добросовестно выполнил задание. Когда директор комбината И. понял, что он погорел, то решил, что лучшая защи-

та — нападение. И тут же написал жалобу в горком КПСС, в которой ставил в известность, что «...член партийной комиссии из-за личной неприязни ко мне предвзято подошел к проверке письма». Дело приняло новый оборот. Председатель парткомиссии поручил члену комиссии В.А. Зыкову перепроверить письмо.

И снова началась кропотливая проверка. Несколько дней Вениамин Александрович не покидал комбинат. Щемило сердце. Отвернется, возьмет в рот таблетку и снова за дело... И клубок распутан! Член парткомиссии В.А. Зыков полностью подтвердил факты, вскрытые при первой проверке, и сделал дополнительные выводы. 22 декабря 1988 года Вениамин Александрович встретился с председателем парткомиссии В.М. Марковым. Они условились, что завтра вечером оба будут присутствовать на партийном собрании в ДСК, где будет обсуждено персональное дело коммуниста, директора комбината. Но В.А. Зыков 23 декабря 1988 года во второй половине дня скоропостижно скончался.

...В холодный декабрьский день мы возвращались с кладбища, проводив в последний путь ветерана войны и труда, друга и товарища. Он сгорел в повседневных делах, потому что брал на себя порой непосильную ношу даже в свои 72 года. Но он не мог поступить иначе. Пусть наша северная земля будет ему пухом!

Т. СЕМЯШКИН

Гвардии рядовой

Василий Егорович Канев
(1911—1975)

Уходит человек из жизни — и никаких или почти никаких документальных следов. Добрый час перебирал какие-то полуистлевшие справки, пожелтевшие от времени разные удостоверения, а в итоге лишь подтверждение того, что и так было известно: Канев Василий Егорович родился в Бызовой Кожвинского района в 1911 году. Умер там же на шестьдесят четвертом году жизни...

О фронтовом пути — ничего. Когда уходил он на фронт, когда вернулся, не могла уточнить и Александра Васильевна, его дочь. Хотя в победный год ей было уже девять лет. Не нашлись данные и в городском военкомате. И лишь две медали «За боевые заслуги» да Гвардейский знак, прицепленные к маленькой подушечке, что выложила Александра Канева из узелка, говорили, что Егор Вась (так его знали всю жизнь в Бызовой) — активный участник Отечественной.

Убедившись в бесполезности своих усилий, обратился к «Книге Памяти».

Вот что записано на 115-й странице 4 тома: «Канев Василий Егорович 1911 г.р., уроженец Кожвинского района, призван Кожвинским райвоенкоматом 27.03.1943 г., рядовой. Отправлен в Архангельскую область, г. Онега. Дальнейшая фронтовая судьба не установлена».

Он или не он? Если он, то почему такие недомолвки и неточности? Обратился к шестому тому «КП». На 571-й странице среди уточненных данных по Усинскому району записано следующее: «Канев Василий Егорович 1911 г.р., уроженец д. Кожвы, призван Кожвинским РВК в марте 1943 г. Рядовой. Демобилизован в октябре 1945 г. Проживал в Усинском районе...». И уже в скобке ссылка (сведения уточнены в ходе поисковой работы. См. «КП», т. 4, стр. 115).

Такое вот «утверждение». Возникло дополнительное сомнение: родился в деревне Кожве. Отсюда был призван, и вдруг «проживал в Усинском районе». В районе, который был образован лишь в год его смерти...

С записями из «Книги Памяти» познакомил дочь участника войны и старожила деревни Бызовую Парасковью Степановну Карманову (внучку первопоселенца Бызовой), которые в один голос заявили: «Это он, Егор Вась. Но ни до войны, ни после войны никуда, кроме как на санаторное лечение, он не выезжал, родной деревне не изменил...»

Словом, Василий Егорович Канев был призван в переломный год Отечественной войны. Воевал гвардии рядовой, не кланяясь пулям. Как раз об этом говорят и награды. Воевал до победного конца.

Вернулся в родную Бызовую и долгие годы работал в колхозе «Пионер Севера» бригадиром животноводства. Уже будучи на пенсии, в 1972 году окончил курс капитанов маломерного флота.

Трех дочерей и четырех сыновей вырастили Каневы. Живы сегодня из семерых четверо. Богато родовое дерево внуками да правнуками.

Бот и все, пожалуй, о гвардии рядовом Каневе Василии Егоровиче.

Командировка... в тридцать лет

Петр Иванович Карабанов
(1923—1983)

Что ни говори, а в преддверии войны страна жила в достатке. В магазинах — без карточек все необходимые продукты, на рынках — изобилие мяса, молока, овощей. Все по доступной народу цене. Кинотеатры, спортивные и танцевальные площадки, парки культуры — все было достойно молодежи. Казалось, лучшего и не надо...

Петр Карабанов любил бывать в летнее время в родном Лозном, деревне в Волгоградской области, где родился, окончил семью классов школы. Нужно же помогать родным в хозяйстве, в заготовке сена. А юноша он был видный, грамотный, стремился к дальнейшей учебе. Но призвали в армию, а служить в ее рядах было почетным делом. Если бы не война.

…Трагические дни и ночи первых месяцев войны ветеран не мог вспоминать даже спустя десятилетия. Воевал он на Ленинградском фронте с первых месяцев войны по апрель 1943 года. «Как я выжил, буду знать только сам», — любил повторять он, когда просили рассказать о войне.

Иногда откровенничал: «Помню, холод лютый, казалось, дыхание замерзает, а нам во что бы то ни стало надо удержать опушку леса. Перед нами — пехота, а вдали дымящаяся окраина Ленинграда. Постоянно летает «рама» — немецкий разведывательный самолет. «Что-то будет, — говорили между собой солдаты, — неспроста не-

мец вынюхивает!» И точно. На рассвете после мощной артподготовки фашист начинал наступать. Несколько снарядов разорвалось у самой нашей батареи. Не думал, страшно ли, но в душе похолодело, когда увидели идущие на нас танки. Затаив дыхание, ждали, когда они подойдут поближе, открывать огонь могли лишь по команде. Тянулись минуты, и они казались бесконечными. Наконец-то: «Огоны!» Что тут было! И разрывы осколочных снарядов, и выстрелы, и крики «ура» смешивались с руганью, стонами. Смотрим, один танк вспыхнул, потом другой, третий... Вражеская пехота тоже стала отступать. Опушку не сдали немцу, враг был остановлен. А через месяц или два наградили нас медалью «За отвагу». Признаться, недоумевал: в чем же моя отвага? Но успокоился от мысли: видать, командиру лучше знать, раз к награде представил».

Это один из многих эпизодов из фронтовой жизни Петра Ивановича Карабанова, который помнят его дети. А сколько их было до победного 1945 года?

Прошагал «пол-Европы», «полземли», начиная с рядового, сержантского состава, вырос до командира огневого взвода. Ленинградский, 3-й Прибалтийский фронты, контузия, госпиталь, снова фронт. В 1945 году заканчивает Марьинское артиллерийское училище, получает звание «младший лейтенант».

За свой ратный подвиг П.И. Карабанов награжден орденом Боевого Красного Знамени, медалями «За отвагу», «За победу над Германией», «За оборону Ленинграда», есть юбилейные награды.

Мирная, гражданская жизнь для П.И. Карабанова началась в июне 1946 года. Съездил на родину. Трудно, голодно жили. Решил поехать в Коми, посмотреть, как живут на Севере. Здесь и познакомился со своей будущей женой Марией Петровной. В 1947 году приняли на работу заведующим мельницей в г. Сыктывкаре. Вскоре его посылают учиться в Щербаковский учебный комбинат. В 1948 году после окончания его направляют в комендировку на Кожвинскую базу хлебопродуктов заместителем директора по качеству. Поехал Петр Иванович с молодой женой в Кожву, в комендировку, которая затянулась на 30 лет. Кожвинская реализационная база хлебопродуктов поставляла продукты для всего Севера. И Петр Иванович с головой ушел в работу. Работал, как и воевал, не ради

славы, ради Родины. Уважали его коллеги, сельчане, неоднократно избирали депутатом местного Совета. Вся послевоенная жизнь П.И. Карабанова прошла в Кожве, в поселке Заготзерно. Здесь родились и выросли шестеро детей. Выйдя на пенсию, переехал жить в г. Сыктывкар. Там и умер в 1983 году.

Он был живой эмблемой школы

Иван Сергеевич Коняев
(1919—1987)

Внешне судьба Ивана Сергеевича Коняева не кажется трагичной: ни в тюрьму, ни в истребительно-трудовой лагерь он не попал, был задержан как бывший военнопленный в 1945 году и отправлен в Печору «для проверки». «Проверка» эта затянулась на всю жизнь: из Печоры Иван Сергеевич так и не уехал, хотя после смерти Сталина был реабилитирован.

К сожалению, подробностей своей жизни в годы войны, как и подробностей «проверки», он нам не оставил, ведь о бывших пленных и репрессированных говорить и писать было не принято, а сами жертвы давали подписку о неразглашении тайны следствия. К сожалению, Иван Сергеевич умер ещё до создания общества «Мемориал», в 1987 году. Но мы располагаем документами из его личного дела как учителя 83-й школы. А ещё — воспоминаниями, памятью многих поколений учащихся...

Иван Сергеевич Коняев родился 29 августа 1919 года в городе Михайлове Рязанской области, в 1938 году закончил Смоленский техникум физкультуры и в 1938—1939 годах работал преподавателем физкультуры в городе Великие Луки. В 1939—1941 годах он служил в пограничных войсках, и уже в начале Великой Отечественной войны был взят немцами в плен под Киевом.

Маршал Г.К.Жуков в своих воспоминаниях пишет о страшных, неоправданных потерях под Киевом в первые месяцы войны. Ещё в июле сорок первого Жуков, начальник генерального штаба, предвидел опасность окружения советских армий, если не отступить, оставил Киев. Сталин раздраженно отверг предложение Жукова, назвав его «чепухой». Тогда Жуков попросил освободить его от занимаемой должности, что и было сделано. А 15 сентября в киевском «мешке» оказались окружёнными четыре советские армии. Потери были очень велики. Прорваться к своим смогли только 150 тысяч из 677. Остальные погибли или попали в плен. Среди плененных советских солдат был и Иван Коняев.

Между тем Советское государство ещё в 1929 году отказалось подписать международное соглашение об отношении к пленным в случае войны, и в немецком плена миллионы советских солдат оказались преданными. В то время как пленные Англии, Чехословакии, Польши и других государств получали из дома письма и посылки, помочь международного Красного Креста, советские пленные оказались вне закона.

Иван Сергеевич не рассказывал, как он пережил два года плены, но мы и так знаем: в голодае, холодае, на непосильной работе... В 1943 году он бежал из плена и попал в партизанский отряд соединения Одуха на Украине, а в 1944-м был переведён вместе с партизанским отрядом в распоряжение Советской Армии, окончил снайперскую школу в звании сержанта, был командиром отделения, а 6 июня 1945 года, сразу после окончания войны, был задержан органами МВД как бывший военнопленный и отправлен в печорские лагеря.

Ивану Сергеевичу повезло: уже через год он был освобожден. Некоторое время служил стрелком в военизированной охране МВД, а в августе 1948 года был переведён в школу №21 (ныне №83) преподавателем военной и физической подготовки.

В общей сложности Иван Сергеевич Коняев проработал в школе 36 лет. За эти годы он неизменно характеризовался как отличный работник администрации школы и города, отделом учебных заведений Северной железной дороги, пользовался уважением коллег и любовью учащихся.

Вот выдержки из официальных документов разных лет.

1956 год. «Товарищ Коняев ...показал себя как хороший преподаватель физкультуры, вёл большую внеклассную работу. Директор школы Новинский А.Ф.».

1957–1958 годы. «...К работе относится серьезно. Пользуется большим авторитетом среди учащихся. Дисциплина на его уроках отличная», «любит и знает преподаваемый предмет, работает с увлечением. В проведении внеклассной работы не считается с личным временем: ведёт несколько спортивных секций и автокружок. Под его руководством учащиеся оборудовали хороший автобаки-нет, переоборудовали пожарную машину в кузовную, восстановили двигатель... Начальник отдела учебных заведений Ф.Навозов».

Так было и во все последующие годы.

В аттестационном листе учителя И.С.Коняева за 1983 год перечислены его награды : медаль «За оборону Киева» в 1962 году, медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина» в 1970 году, медаль «Ветеран труда» в 1977 году, Почетная грамота Министерства просвещения РСФСР в 1975 году, знак «Почетный железнодорожник» в 1979 году.

Если же отойти от языка документов, то можно с уверенностью сказать: Иван Сергеевич Коняев был душой школы, её живой эмблемой. Многие выпускники разных лет приходили на вечера встречи прежде всего из-за него. Он обучал старшеклассников, и даже девушек, езде на автомашине и на мотоцикле. А когда в 1959 году стал преподавателем производственного обучения, учащиеся выходили из школы с удостоверением о присвоении им разряда автослесаря.

В разные годы Иван Сергеевич был организатором знаменитых велопоходов печорских школьников в Брест, Волгоград, Ульяновск... Трудовые бригады под его руководством выезжали в южные совхозы помогать в уборке урожая. Он всегда был рядом со своими учениками. И всегда и везде появление Ивана Сергеевича сопровождалось шутками, розыгрышами, поднимало настроение. Но в то же время он умел быть строгим и требовательным воспитателем.

Когда в конце 80-х годов внимание к школьному профессиональному обучению стало ослабевать, а в десятые классы шли лишь единицы юношей, производственное обучение в школе пришлось

отменить, а кабинет автодела ликвидировать. Поэтому в 1987 году И.С.Коняев уволился. Но, видимо, оказаться без школы, которой он отдал всю жизнь, было для него невыносимо, и это послужило, без сомнения, одной из причин его преждевременной смерти.

Память о замечательном учителе и человеке Иване Сергеевиче Коняеве живет в его родной школе. В школьном музее оформлен стенд, ему посвященный. Он был и остался любимым учителем для многих поколений выпускников 83-й школы, оставил яркий след в её истории.

Судьба И.С.Коняева во многом типична: не по своей воле и вине попал в плен к немцам, сумел сбежать из плена и стал партизаном, но, несмотря на это, оказался репрессированным, без вины виноватым. Типична его судьба и в том, что, несмотря на всё это, Иван Сергеевич не сломался, сумел найти своё место в жизни, остался человеком, о котором с благодарностью и любовью вспоминают все, кто его знал.

Горькую чашу испили до дна

Николай Александрович Лепихин
(1914—1996)

Молодость... Человек на склоне лет своих всегда вспоминает о ней, как о лучшей поре в проходящей уже жизни. Хотя и молодым было нелегко шагать по тернистому пути, но у них были заманчивые планы, захватывающая перспектива. Например, Николай и Вера в начале 30-х годов были в том возрасте, когда казалось, что и море им по колено, и в шалаше рай, и сухая корка рта не дерет. Но, главное, они надеялись только на себя, на свои руки, так как рано познали труд. Николай родился и вырос в деревне. Учился в школе один год. Работать начал с двенадцати лет. А в семнадцать он уже слыл хорошим плотником. Разбирался и в технике. Иногда слесарничал. Вера тоже была девчонкой любознательной и работящей. И вот эти родственные души в далеком 1935 году соединили свои жизни воедино. И появилась тогда в обществе новая семейная ячейка — Николая и Веры Лепихиных.

— Вера, как жить будем? — спросил Николай молодую жену вскоре после бракосочетания. У него на этот счет давно была задумка, а теперь он решил проверить, какие планы у нее. Вера улыбнулась и сказала: «Как ты. Я сейчас, как нитка за иголкой, куда ты — туда и я». А Николай продолжал разговор: «Я вот что думаю. Пока мы не приросли к месту и детишками не обзавелись, может, Вера, махнем куда-нибудь подальше, мир посмотреть?!» Время было

бойкое, звало в дорогу. Везде требовались рабочие руки: людей приглашали на строительство электростанций и заводов, дорог и водохранилищ... Как-то Николай пришел домой и рассказал, что видел объявления, расклеенные на стенах домов, прочитал их и заинтересовался предложением: Печорскому речному пароходству нужны рабочие разных профессий, в том числе и строители.

— Ну и хорошо, — сказала Вера. — Если хочешь, поедем на реку Печору.

Не каждый может вот так сразу принять такое решение. Конечно же, в этом поступке проявились характер, большая сила воли. Думаю, на это способны люди особого склада: не будь их, готовых в любое время оставить обжитые места и уехать куда-то в неизвестность, разве выросли бы в тайге новые города и протянулись бы дороги? Путь до печорского села Усть-Уса был трудным и долгим. И все-таки молодость и увлеченнность, ожидание чего-то нового, что должно быть впереди, заслонили первые трудности и невзгоды.

На новом месте вербованных встретили хорошо. Рабочие руки были очень нужны. Начали обустраиваться и обживаться в затоне Ошкуря. Николай Лепихин работал плотником, а Вера — штукатуром-маляром. В 1940 году семья пополнилась — родился сын. Назвали его Васей. Жить бы молодым людям, создавать вокруг счастье и земную радость, но началась война, которая нарушила все помыслы и планы, разъединила любящие сердца, принесла боль и страдания. Надо было защищать Родину, свой дом. И поднимался народ на битву с лютым врагом. В августе 1941 года ушел на фронт и Николай Александрович Лепихин.

О войне много написано и говорено. Однако ее всегда очень тяжко видеть. Наверное, нет такого сердца человеческого, которое не содрогнулось, не зачастило бы, соприкоснувшись с людской кровью и холодным дыханием смерти. А красноармеец Николай Лепихин видел такие картины. И не один раз. Служил он санитаром в стрелковой роте 426-го полка. Тогда новобранцы-северяне, призванные в первые месяцы войны, попали сразу же в самое пекло. Без подготовки, без надлежащего вооружения их погрузили в вагоны, и поезд повез солдат на Мурманское направление. Еще по дороге к фронту эшелон бомбили и обстреляли из пулеметов. Некоторые вагоны напоминали решето. Было много убитых и раненых. Нико-

лай находился среди тех, кто старался оказать помощь пострадавшим. Это заметили командиры, и его место в солдатском строю было определено.

— Будешь, красноармеец Лепихин, взводным санитаром, — сказал комроты, когда подразделения прибыли на место и заняли оборону. Кто-то из бойцов усмехнулся, дескать, повеало парню, будет в лазарете отсиживаться. Командир уловил этот момент и, чтобы внести полную ясность, проговорил: «На войне от санитара зависит очень многое. Он всегда должен находиться в боевых порядках стрелкового подразделения и в любую минуту, даже под шквальным огнем противника, обязан помочь раненым и вынести их с поля боя. Так что завидовать не стоит. Да и не каждого бойца можно назначить санитаром. В нем должны сочетаться такие качества, как смелость, сила и выносливость, человеколюбие и, конечно же, он не должен бояться крови и даже смерти... Так кто хочет пойти в санитары?» Желающих не было.

...Рота занимала оборону в лесистой местности. Фашисты часто предпринимали вылазки, чтобы выбить русских с занятой позиции. Перед наступлением передний край долго обстреливался из минометов. От разрывов мин, гари и копоти солнца не было видно, будто день уже прошел и надвигались сумерки. От минометной пальбы всего можно ожидать. Санитар уже в который раз обходил окопы. А враг все посыпал мину за миной. Страшно. Николаю хотелось присесть на дно окопа и втянуть голову в плечи, но он шел до конца своей траншеи. После, может, удастся остановиться где-нибудь, а то и словом переброситься. Но за спиной послышался выкрик: «Санитара сюда!» Значит, там кого-то ранило и нужна медицинская помощь. Николай повернулся и пошел по окопу назад.

В стрелковой роте было четыре санитара и один санинструктор. Работы всем хватало. Если молчали вражеские минометы, то постреливали снайперы. Они занимали на деревьях выгодные позиции и хорошо маскировались. Урон от них был большой. В обязанности санитара входило сопровождение раненых к дороге или пункту, откуда их можно было транспортом вывезти в медсанбат. Если раненый мог хоть с трудом, но как-то передвигаться сам, в таком случае санитару легче: он поддерживал бойца, помогал ему идти. Но бывали и тяжелораненые. Их перетаскивали на плащ-палатке или на

волокуше. Каждый из санитаров знал, что на поле боя они оказываются раненым первую помощь, а в дальнейшем их жизнь зависела от того, как скоро они попадут в медсанбат, где им могут и операцию сделать, и уколами поддержать. И тут уж, поворачивайся, спеши, санитар!

Три месяца 426-й стрелковый полк держал оборону в Карелии. Десятки бойцов вынес из-под огня и отправил в медсанбат Николай Лепихин. А в ноябре 1941 года фашисты предприняли наступление на соседний 611-й полк. Почти два часа артиллерия и минометы врага били по его траншеям. Полк был разбит. А 426-й отсечен от основной обороны и окружен. Еще восемь суток подразделения 426-го стрелкового полка отбивали атаки фрицев. Солдатские ряды редели. Закончилось продовольствие. Иссякли боеприпасы. Оставшиеся в живых бойцы были взяты в плен. Среди них был и солдат Николай Лепихин. Он прошел в плenу многие круги ада и выжил просто чудом.

Когда весной 1945 года англичане освободили лагерь военно-пленных, находившийся в северо-западной части Норвегии, Николай уже лежал пластом. Он ничего не ел. Не двигался: переворачивали его с боку на бок товарищи по несчастью. Весил он тогда 43 килограмма. С помощью врачей выжил. Окреп. Союзники передали военнопленных советской военной администрации. После проверки и фильтрации Николай продолжил службу вначале в 40-м запасном полку, а потом — в стройбате. Демобилизовался он из армии в мае 1946 года.

Чем же и как жила в военные годы Вера Лепихина — жена Николая? Проводила она тогда в 41-м мужа на фронт, постояла с женщинами и детьми на печорском берегу, всматриваясь в водную даль до тех пор, пока пароход не скрылся за речным поворотом, и пошла домой. Первое время она каждый день ждала письмо от мужа. Но весточки не было. И только через месяц она получила его. Читала вслух, чтобы в доме слышали каждое слово дорогого и близкого ей человека. А потом писем долго не было. Почти четыре года. Сколько дум передумано, сколько слез выплакано за эти годы! Наверное, только матери и жены солдат могут знать это.

И решила Вера Михайловна Лепихина топить свое горе в труде, работая до изнеможения. Летом заготавливала корма для живот-

ных подсобного хозяйства пароходства, а в отстойный период ремонтировала суда, жилые и производственные помещения. Она же — судоплотник и штукатур-маляр. Утром всегда вставала рано и отправлялась на работу, где старый и мудрый караванный мастер П.Н. Семяшкин встречал их словами: «Здоровы будьте, мои дорогие мужики! Нам сегодня предстоит большое дело...» Женщины улыбались, зная, что слово «мужики» — похвала мастера. Получив задание, они уходили плотничать, слесарить, железо ковать, таскать грузы... Чашу горькую испили до дна.

Казалось, конца не будет тревогам и ожиданиям, безмерному труду. Но пришел праздник и в дом Лепихиных. Летом 45-го получила Вера письмо от мужа. Он сообщал, что служит и скоро приедет.

Вернулся он домой в 46-м. В этом же году начальник Печорского пароходства Павел Никандрович Иванов вручил Vere Михайловне медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 г.г.»

Более шестиценти лет Николай Александрович и Вера Михайлова прожили вместе. И все годы труд всегда животворил их, приносил радость. Они считали, что, не взявшись за топор, избы не срубишь. И брались за пилу, топор или мастерок в Усть-Усе, а позже — в Печоре. Работу всегда выполняли добротно, как делают ее для себя и своих детей... Правда, в 1947 году в семье Лепихиных трагически погиб 7-летний сын Вася. Это было большое горе. Но судьба все-таки детьми семью Лепихиных не обидела, подарив ей после войны трех дочерей и одного сына. Все выросли, получили образование.

...В 1985 году Родина вспомнила о Н.А. Лепихине-солдате, о том трагическом периоде первых месяцев битвы с фашизмом и в знак признания мужества и героизма наградила Николая Александровича орденом Отечественной войны II степени.

Н. ШАРЫПОВ

Кольцо всё сжималось

*Василий Иванович Лобанов
(1921—2000)*

Война для Василия Ивановича Лобанова началась не совсем удачно: уже на третий день начала военных действий в Заполярье он получил легкое ранение: осколок снаряда попал в правую руку. Полтора месяца лежался в госпитале под Мурманском.

А до войны, еще в 1939 году, Василий закончил Ростовский электромеханический техникум. Мальчика из крестьянской многодетной семьи тянуло к технике, и он получил специальность электромеханика.

В октябре 1940 года призвали в армию. Под Выборгом Лобанов прошел обучение на радиотелефониста и был зачислен в 158-й артиллерийский полк, который дислоцировался на острове Рыбачий в Заполярье.

После госпиталя радиотелефониста Лобанова направляют в 260-й артиллерийский полк под Ленинградом. Вокруг города кольцо все более сжималось. Артиллерийский полк, как и другие регулярные части и народные ополчения, крепко держал оборону города — колыбели социалистической революции.

Все 900 дней блокады Ленинграда, день в день Василий Лобанов наравне с коренными питерцами недосыпал, недоедал. Массированные налеты фашистских самолетов порой продолжались сутками, особенно в районе ледовой переправы. Поэтому и стрельба артил-

лерии по самолетам не прекращалась. И, конечно же, поддержание непрерывной связи было первостепенной задачей.

Среди бойцов появились случаи заболевания цингой. Спасались от нее хвойным настоем. Василий похудел, осунулся. От крепкого крестьянского паренька осталось 45 килограммов.

Но народная любовь к Ленинграду, преданность Родине и стойкий характер русского солдата помогли выстоять блокаду. Кольцо окружения было разорвано, и наша армия перешла в наступление. В.И. Лобанов Указом Президиума ВС СССР 4 июня 1943 года был награжден медалью «За оборону Ленинграда».

Победный путь сержанта В.И. Лобанова в дальнейшем лежал через города Выборг, Псков, Ригу, Таллинн, Витай, Краков. Освобождал Чехословакию. Однажды здесь, выполняя задание командования все того же 260-го артиллерийского, но уже дважды Краснознаменного Ленинградского полка, связисты во главе с сержантом В.И. Лобановым под жестоким артобстрелом врага восстановили нарушенную связь с передовой и сами все остались живы. За проявленное мужество и находчивость В.И. Лобанов в декабре 1944 года был награжден медалью «За боевые заслуги».

А уже на границе с Германией он получил второе легкое ранение, на этот раз в ногу. На лечение отправили в город Вильнюс, где он и встретил известие о Победе. Но служба для Василия Ивановича на этом не закончилась. До конца 1945 года он служил радиомастером, обеспечивал связью советские войска, которые продолжали борьбу с отрядами литовских националистов.

В декабре 1945 года Василий Иванович демобилизовался и здесь же, в Вильнюсе, приступил к мирному труду. Потянуло его к крестьянским делам: работал в Краснодворской МТС начальником электростанции. Избирался здесь народным заседателем, женился.

В августе 1962 года с семьей переехал в Оренбургскую область. Работал в совхозе электромехаником. А в июне 1964 года приехали в поселок Кожва, и он приворожил Василия Ивановича на всю оставшуюся жизнь. Его профессиональные навыки электромеханика пригодились на вновь построенном хлебозаводе. С первого и до последнего дня он трудился здесь, получая слова благодарности от руководства орса Печорской лесобазы и жителей поселка Кожва. Его всегда отличали профессионализм, порядочность и скромность.

Т. СЕМЯШКИН

На личном счету батареи

*Михаил Иванович Логинов
(1925—2002)*

Михаил Логинов, бравый юноша из Медвежьской, уходил на фронт в октябре сорок третьего года. Ему только что исполнилось восемнадцать. И сразу же попал под Мурманск. В составе 186-го зенитно-артиллерийского полка одной из дивизий противовоздушной обороны Северного флота до конца войны охранял приполярный город, и в первую очередь город Полярный, где находилась главная база флота.

Известно, что главный морской город в Приполярье, его окрестности с первых же дней войны стали фронтовыми и до глубокой осени 1944 года подвергались массированным, порой ежедневным налетам авиации противника.

Все это в полной мере застал, увидел и испытал боец 918-й батареи Михаил Логинов. Сроднившись с 85-миллиметровой пушкой, в течение полутора лет он охранял северное небо, отражал вражеские атаки. И Победу встретил здесь же, в Полярном, в кругу бойцов-артиллеристов.

Больной, что называется, прижатый к стенке возрастом, недугами и трудностями, он с какой-то гордостью подводит итог полутора годам ратного труда в Заполярье: «Нашей дивизией за это время сбито 157 немецких самолетов. Из них на личном счету нашей батареи — четыре...»

После Победы еще долгих семь лет продолжалась служба бойца-артиллериста. Как он сам вспоминает, в составе полка год служил в Северодвинске (тогда г. Молотовск), что под Архангельском. Здесь полк был расформирован, и дальнейшая служба его проходила в городе Ломоносове под Ленинградом. Тоже в артиллерийских частях.

Бравый старший сержант Михаил Логинов, отдавший службе почти девять лет, возвратился в родной край лишь весной 1952 года.

Поредевшая мужиками деревня, слабый, еще не успевший стать на ноги колхоз... Небольшой период вернувшись со службы солдат работает счетоводом колхоза, затем три года подряд избирают его председателем. Не один год заведует животноводческой фермой, в качестве бригадира строит хозяйственные объекты... Тем не менее, беру смелость утверждать: в памяти односельчан, жителей других близлежащих деревень и сел он остался как кульработник. В 1962 году ему была предложена должность заведующего сельским клубом, и на этой работе он оставался до самого выхода на пенсию в 1990 году.

И был он, что называется, организатором от природы. Организовывал концерты и вечера, то и дело беспокоил городскую организацию общества «Знание»: не обходите нас лекторами... Участвовал он и в мероприятиях, проводимых местной властью, в летнюю пору успевал выпускать «боевые листки» на злобу дня. Прилежание и постоянство отличали завклубом.

В те времена трудно было представить село или деревню без стенной газеты. Но если в большинстве мест выпускалась она к важным фактам да праздникам, то Медвежская была полной противоположностью. На протяжении всех лет работы М.И. Логинова в клубе стенгазета, как правило, выпускалась два раза в месяц.

Ее ждали и читали в деревне. «Смена» была стенной газетой комитета профсоюза, комсомольской организации и совета сельского клуба, но заводил ее и редактором, конечно же, выступал заведующий, во всем и везде успевающий Михаил Логинов. И что интересно, все это не выбрасывалось куда-то, а хранилось.

Помню, как-то в начале восьмидесятых, во время моего приезда в деревню, хозяин клуба мне показал несколько стопок солидного формата листов «Смены». Насчитал 375 номеров. Летопись дерев-

ни за шестидесятые-семидесятые годы. Уходил я из сельского клуба не только с желанием рассказать о человеке-общественнике из маленькой деревни, но и с вопросами: почему же нет такого огонька, нет этой творческой последовательности и постоянства у других редколлегий стенной печати? Будь это в селе, поселке или на предприятиях города.

Между тем М.И. Логинова печорские журналисты знали и как активного селькора. На протяжении многих лет на страницах городской газеты печатались его информации о жизни деревни, о производственных делах бригады, об отдыхе людей...

Нелегко приходилось бывшему воину-артиллеристу в послевоенной жизни. Получая мизерную зарплату сельского культработника, вырастил пятерых детей. И хотя инициатива, общественная активность в те годы, как и сегодня, не подкреплялась рублем, он всегда находил новое дело, чем-то увлекался. Неизменной была лишь основа: к жизни — с интересом!

Как-то в стылый январский день в середине девяностых снова оказался в Медвежьской. И естественно, захотелось заглянуть в небольшой домик на высоком берегу Печоры, побеседовать со старым знакомым, который был в то время уже на пенсии.

Михаила Ивановича застал, к своему удивлению, за письменным столом и при этом весьма сосредоточенным. Перелистывая какие-то тетради-журналы, он заполнял форменные бланки. Среди раскиданных бумаг заметил конверт с адресом: г. Санкт-Петербург, Географическое общество, фенологический сектор.

— Тридцать лет прошло как сотрудникую с фенологами страны. Вот отчет о своих наблюдениях за вторую половину минувшего года делаю, — пояснил Логинов.

За эти годы исписаны разными пометками десятки тетрадей, в которых год за годом — наблюдения о растительном мире, мире птиц и насекомых.

В журналистском блокноте того года остались некоторые выписки из его записей. Приведу несколько выдержек из журнала за 1988 год: «20.09 — шел первый снег... 12.10 — ночью пошла шуга по Печоре... 3.11 — река встала. Открыта была в этом году 175 дней...» А вот сведения по разделу «В мире животных, птиц и насекомых»: «25 апреля — прилет трясогузок... 2 июня — появление

комаров... 27 июня — первое кукование кукушки... 20 июля — последнее кукование...»

Более чем по десяти разделам и подразделам вел наблюдения деревенский фенолог. Находясь под крышей дома, заниматься этим, естественно, невозможно. Нужно быть как можно больше на природе, хорошо знать окрестности. Только в этом случае можно быть максимально информированным.

Вот записи за 1993 год. Начало посадки картофеля, даты выгона скота и выхода на сенокос, дни цветения трав на лугах... Все расписано день за днем. И сроки появления грибов — тоже: «28 июня — первый подосиновик, 6 августа — первый белый гриб, 10 августа — появление волнушек...»

Мои сомнения в максимальной точности его записей Михаил Иванович воспринял довольно серьезно: «Это не детская шалость или забава, а поэтому во всем стараюсь быть объективным. С началом грибной поры чуть ли не каждое утро бываю в лесу, на лугах — в период цветения трав. Не брезгую и сведениями односельчан. Услышу что, тут жебегу, уточняю.

Легко можно пропустить и прилет гусей, первых уток. Но деревня весной, как правило, не спит: кто-нибудь да заметит это явление. Опять же уточняю. Но доверяю только серьезным...»

С позволения хозяина в ту зимнюю встречу помню просматривал и семейный архив. Газетные вырезки, благодарственные письма. Тут же наградные удостоверения к медалям за ратное дело, книжка к ордену Отечественной войны, врученному ветерану уже в год сорокалетия Победы.

В отдельной папке — две Почетные грамоты Министерства культуры Коми АССР, грамоты и дипломы отдела культуры города. Здесь же две Почетные грамоты Географического общества СССР «За многолетние фенологические наблюдения», подписанные президентом общества, в те годы известным в стране ученым-полярником А. Трешниковым. В архивах же, к удивлению своему, обнаружил удостоверение корреспондента-фенолога, выданное Географическим обществом.

— Почему же оно в архиве? — спросил у Михаила Ивановича.

— А кому его здесь показывать? Да и нет необходимости объяснять, для кого и для чего я всем этим занимаюсь, — ответил ветеран.

Да. Мало кто из односельчан, тем более из жителей ближайших деревень, знал о полезности и нужности его хлопот. А то, что, собираясь в лес или на реку, он в первую очередь запасался блокнотом и карандашом, что довольно часто встречали его на лесной просеке или сидящим на краю какого-то болота и усердно записывающим что-то, воспринимали порой как чудачество.

Более тридцати лет фенолог-любитель из Медвежской сотрудничал на общественных началах с Географическим обществом страны. И лишь последние пять-шесть лет жизни не поддерживал связи. Подводили возраст, ослабло здоровье, отказывало зрение.

...Не легко приходилось ветерану войны строить и поддерживать жизнь в послевоенные, да и в более поздние годы. Она то и дело наносила удары. Похоронил двух жен, пожар в одноточье унес с трудом построенный дом. Но не сломался защитник Заполярья. Выдержал и перенес все удары, выпавшие на его долю, как и бомбёжки вражеской авиации в то далёкое время под Мурманском.

Остались реликвии

*Григорий Васильевич Лядов
(1927—2001)*

...Группа пограничников ночью с примкнутыми штыками шла на задание многие километры не вдоль контрольной полосы границы, а в сторону от нее, в глубину густого леса. Ребята выбивались из сил, засыпая на ходу. Не только по данным разведки, а и по фактам террористических актов в Н-ском районе Львовской области Западной Украины, подконтрольном погранчасти № 2136, обосновалась очередная банда оунщев. Для того, чтобы определить маршруты движения бандеровских сподвижников и засечь их склоны, пограничникам приходилось совершать многокилометровые рейды, многодневно мокнуть, мерзнуть и часто голодать в скретах-засадах. От малоподвижности, сырости ныли кости, от нервного напряжения и холода сводило судорогой мышцы ног и рук. А результат часто был нулевым. Но в одну из ночных группе, в которую входил и молодой пограничник-пулеметчик Гриша Лядов, повезло. Заметили под утром, как сквозь сиреневую дымку тумана промелькнула от дерева к дереву одна тень, спустя время — другая, третья, потом — четвертая... Командир группы определил координаты люка склона и дал приказ: по-пластунски доползти до него и уничтожить. Что было и сделано. Рывком открыли люк и бросили вовнутрь гранату. После взрыва услышали из-под земли крики: «Не стреляйте, сдаемся!» Вытаскивал дюжий старшина бандитов, как волчат из логова, за волосы...

Этот фрагмент из пограничных будней Григория Васильевича Лядова, услышанный от отца, рассказал мне его сын Юрий. Да, не легкое это дело — охрана границы Отечества. И дело это, конечно, мужское. Сейчас, а тем более в период войны и в послевоенные годы, подбирают в погранвойска ребят смысленных, проверенных на духовную и физическую прочность. Григорий Васильевич наверняка слышал о подвигах легендарного пограничника Карапупы, но о службе на границе не думал. И вот надо же, попал именно в пограничники. Судя по солдатской книжке, призван он был в армию в конце 1944 года Сурским военкоматом по месту своего рождения: Ульяновская область, Сурской район, деревня Белый Ключ. Попал по распределению к пограничникам, присягу воинскую принял в марте 1945 года. Советские войска, громя гитлеровских захватчиков, шли дальше, на Запад, через Польшу, по Германии к Берлину, а пограничники остались оборудовать границу и бороться с бандитизмом местных националистов, направляемых притаившимися агентами абвера, а впоследствии разведками наших бывших союзников по антигитлеровской коалиции.

Служил Григорий Лядов в пограничных частях № 2136 и 2012 исправно, сначала в качестве рядового пулеметчика, а к концу службы имел уже сержантское звание. Демобилизовался в 1951 году. Приехал в Печору к родителям, которые в ту пору жили в нашем городе, перебравшись из Нарьян-Мара поближе к новой железной дороге. Здесь женился, пошли дети. И так сложилась судьба, что он продолжил службу в органах МВД, работая в уголовном розыске, затем в паспортном столе, принося большую пользу своим честным трудом обществу в деле охраны правопорядка.

Вот и все, что я смог узнать из биографии ветерана войны, бывшего пограничника и работника Печорского ОВД, просматривая с его сыном фотографии различные, в том числе наградные документы. Оставил Григорий Васильевич о себе добрую память у товарищей, любовь у сыновей, внуков и правнуков. Орден Отечественной войны II степени, медали «За победу над Германией», «За боевые заслуги» и еще с десяток юбилейных медалей, да отливающий золотом памятный знак «Фронтовик 1941—1945» — эти драгоценные реликвии Лядовых и сегодня хранятся в семье.

Заполярье отстоим!

**Геннадий Васильевич Марков
(1922—2000)**

Геннадий сидел в каюте и смотрел в иллюминатор. Река немногого штормила. Волны глухо бились о борт и откатывались, уступая место другим. На душе было неспокойно. Наверное, придется ему оставить «Ижму». Хотя почему оставить? Дела в основном как будто ладились. Сегодняшний случай — это ерунда. Частность. Если из-за таких пустяков начать скакать с одного судна на другое — тоже ничего путного не выйдет. Везде люди, везде надо с ними ладить, как говорится, притиратьсяся. Можно, правда, уйти и на берег. Для него в ремонтных мастерских дело найдется...

«Не-е-т! Без судна и реки мне никак нельзя», — терзался Геннадий. На всю жизнь остались у него первые впечатления детства — это вода. Кругом вода разлившейся реки. И глуховатый всплеск плици колесного парохода. Отец Геннадия — Василий Алексеевич Марков был капитаном. А семья всю навигацию жила на судне. Мать — Татьяна Алексеевна, кухарничала, как бы совмещая заботу о своем семействе с работой судового кока.

Генка, говорят, и родился на пароходе в 1922 году. Тогда отец плавал на судах по Сухоне и Северной Двине. На Печоре оказались, можно сказать, случайно. Отец в 1935 году завербовался на работу в Амурское речное пароходство. Приехал в Москву, а там ему сказали, что придется малость подождать, так как на Амуре неспокой-

но, китайцы что-то зашебаршились. Вместо Амура предложили несколько других пароходств, в том числе и Печорское. Отец выбрал Печору. А через год приехали на северную реку и мать с сыном.

С четырнадцати лет Геннадий плавал на судах Печорского речного пароходства как член экипажа. По возрасту его нельзя было оформить, скажем, масленщиком или матросом. Числился он учеником механика. Его любовь к технике, машинам раньше других подметил дядя Миша — механик Михаил Хошев. Он постоянно опекал какого-нибудь подростка, учил молодых профессии судового механика. Уговорил и капитана Маркова отдать сына ему в ученики. Так и плавал Геннадий всю навигацию. Зимовали там, где застигала шуга. Тогда в спешном порядке рыли землянки. Заготавливали дрова. Создавали, как говорится, свой «табор». С наступлением весны землянки заливала вода. Они рушились. Экипажи с семьями перебирались на суда. Начиналась плавучая жизнь. Только с 1939 года стали создаваться постоянные затоны, а судам запрещалось вставать на случайные зимовки. Происходило это лишь в экстременных случаях.

Геннадию не было и шестнадцати лет, когда его назначили вторым помощником механика на рейдовый пароход «Товарищ». Проработал с механиком Дьяковым до конца навигации. И распрошались. Геннадия направили учиться в Щельянскую школу ФЗО на судового механика. Время в школе пролетело быстро. Учеба давалась легко, так как Геннадий уже был хорошо знаком с судовыми машинами и теперь углублял эти знания теоретически. Возвратился он в пароходство специалистом. Работал вторым помощником механика на пароходе «Ижма». Водили из Воркуты до Нарьян-Мара баржи с углем. Железную дорогу тогда только строили. Вся тяжесть по перевозке грузов ложилась на речников. Работали, не зная времени...

Началась война. Геннадия Маркова призвали в армию.

Новобранцев-речников с Севера привезли в Архангельск. В течение шести дней они проходили различные комиссии. Формировались группы. Геннадия Маркова направили на Соловки в учебный отряд Северного флота. Вначале зачислили в минно-торпедное отделение, потом перевели в палубные комендоры — артиллеристы-зенитчики. И началась учеба. Понятно, новичков готовили для

сражений на море. Позже в учебные планы были внесены некоторые корректировки с учетом затяжных оборонительных боев. В начале 1942 года выпускников учебного отряда погрузили в эшелон и отправили в Мурманск. «Здравствуй, Баренцево море!» — говорили молодые моряки. Однако многие из них так и не опустили под ногами палубы военного корабля. Все они встали на скалистую заполярную землю, чтобы защитить ее от врага, рвущегося с моря и суши. В то время моряки сражались и под Москвой, и под Сталинградом...

В Мурманске дали маскировочные халаты. Всем не хватило. Их заменили простынями. И — в путь. Пункт назначения — поселок Роста. Он расположен в восьми километрах от города. Добирались до него целый день. Не давала покоя немецкая авиация. Только встанут моряки с земли, пройдут сотню шагов и снова слышат противный гул. Значит, летят гады. И тут раздается команда: «Ложись!» Носом в снег уткнутся ребята. Лежат. Рядом с ними пули взрывали снежные фонтанчики и слышались хлопки: «Вж-ж-ик»... Потом без команды моряки поднимались. Но вставали не все. Некоторые так и оставались лежать у подножья сопок... А через несколько минут опять появлялись самолеты. И снова команда: «Ложись!» И на этот раз кто-то из моряков уже не поднялся...

Пришли в поселок Роста. На рейде стояли суда. Некоторые разгружались у причалов. Это пришел очередной конвой с военными грузами. Народу собралось много — шла разгрузка судов. Моряков направили на помочь... А самолеты все время бомбили. На выгрузке работали круглые сутки. Перерыва не знали. Дремали на ходу. Иногда падали с трапов в воду. Пот стекал ручьями. Работали в тельняшках на холодном морском ветру... Здесь Геннадий подхватил воспаление легких. Попал в госпиталь. После него служил в береговой охране на мысе Зеленом первым номером пулеметного расчета.

Отдельная пулеметная рота, в которой служил Геннадий Марков, долго на одном месте не задерживалась. Ее часто перебрасывали туда, где было трудно: она охраняла тяжелую гаубичную батарею; а потом направили на полуостров Рыбачий охранять подходы к береговой обороне... Немецкие самолеты везде «пешком ходили», едва не задевая колесами головы моряков. И бомбили, стреляли...

А однажды моряков-пулеметчиков послали в разведку. Может, замысел был у командования такой. Направили их в одно время с бригадной разведкой. Наверное, пулеметчики выступали в роли отвлекающей группы. Однако задание было конкретное: взять языка.

— Командовал группой старшина первой статьи, — вспоминал Геннадий Васильевич Марков, — забыл его фамилию. Так вот, старшина этот — кадровый моряк, высокий, сильный и смелый, спас нам жизнь. Могло бы повернуться все по-другому. Страшно подумать...

Разведка, конечно же, дело очень серьезное. В нее посылают обычно людей опытных, хорошо подготовленных. Однако приказ есть приказ. В одно и то же время для взятия языка отправились группа пулеметчиков из шести человек и бригадная разведка. Но пошли в разные места. Старшина первой статьи скрытно подвел свою группу к немецкой батарее, которая все время обстреливала наши позиции. Было решено: двое в сумерках подойдут к землянке, где располагалась обслуга батареи. Четверо засядут возле тропы. А старшина наведется в штабную землянку. После того как язык будет захвачен, батарею уничтожить... Но планировать всегда легче. Труднее задуманное выполнять.

Все началось по плану. Геннадий и еще один матрос заняли место на одной стороне тропинки. Вскоре на ней появился немец. Офицер. Он шел в штаб. Матrosы набросились на него. Думали скрутить. Но немец оказался очень сильным и натренированным. Секунда-другая борьбы — и вот уже Геннадий и его напарник, словно котята, оказались во власти фашиста. Он заученным приемом заломил им руки и поволок к штабу. Геннадий видел, как из-за ближайшего валуна поднялся старшина и легко, по-кошачьи прыгнул на офицера. Тот упал, издав глубокий выдох, а старшина уже вытирая финку о его шинель. «Теперь, ребята, можно и пощуметь», — сказал старшина. — В трубы землянок бросить по гранате. Забрать документы, замки с орудий и уходим».

Переполох был сильный. После взрыва гранат фашисты решили, что батарею заняли русские, и открыли по своим же позициям стрельбу из пушек большого калибра и закрыли коридор, по которому прошла группа разведчиков. На Кольском полуострове, где одна сопка своим подножьем упирается в другую, перекрыть путь к от-

ходу — проще простого. Троє суток групра разведчиков во главе со старшиной первой статьи находилась в западне у сопки Мустатунтури. Где, петляя, отстреливались, а то и прятались. Затаились. Отправляясь в разведку, каждый получил суточный паек. Он давно закончился. Сил оставалось все меньше. На одной из сопок дислоцировалась наша бригада приграничного эшелона. Западная стена сопки была отвесной. Разведчиков подняли наверх на веревках...

После кратковременного отдыха снова служба в пулеметной роте. В каких только уголках морского побережья не побывал Геннадий Марков за длинные годы войны! Пулеметная рота охраняла прифронтовой аэродром и 122-миллиметровые полубашенные орудия... Немцы стремились нанести удар с воздуха. Самолеты шли на бомбежку волна за волной. Были людские и материальные потери. Во время одного из налетов Геннадий был ранен в голову и ногу. Лечился несколько недель в полевом госпитале тут же, на полуострове.

В начале октября 1944 года началась Петсамо-Киркенесская операция. Войска Карельского фронта во взаимодействии с Северным флотом прорвали оборону 20-й горной армии. Почти месяц на самом северном участке фронта шли упорные бои. Враг не хотел отдавать Петсамо и незамерзающий порт Лиинахамари. В этом районе добывались медь и никель, так необходимые немецкой промышленности. Отряд торпедных катеров под командованием капитана-лейтенанта, Героя Советского Союза Александра Шабалина прорвался в порт и высадил в нем десант. 1 ноября 1944 года операция была завершена с выходом к норвежской границе в районе города Киркенесса.

В боях за освобождение Петсамо принимал участие и палубный комендор Геннадий Марков. Он гордился, что у него, бывшего военного моряка, была такая специальность. Комендор — звание матроса в русском флоте с далеких петровских времен, специалиста по стрельбе из корабельных орудий. А медали «За боевые заслуги» и «За оборону Советского Заполярья» всегда напоминали ему о тех жестоких боях у самой кромки русской земли, откуда началось победное шествие по освобождению от фашистской оккупации Северной Норвегии.

В Петсамо Геннадий и закончил войну. Отсюда он демобилизовался в 1947 году. Прослужил долго. За четыре года мужчин вы-

били. Призывали в армию даже тех, кому не было и семнадцати лет. Теперь надо было служить и ждать, когда подрастут будущие солдаты.

Геннадий Васильевич по натуре был оптимист и жизнерадостен. После войны он плавал на судах. Был комсомольским вожаком. Работал в геологоразведке. С женой Любовью Прокопьевной они прожили вместе почти полвека. Вырастили троих детей. Конечно же, безоблачных дней, как и у многих людей старшего поколения, было до обидного мало: проблемы, заботы... Может, внуки солдата Великой Отечественной будут более счастливы.

Солдаты незримого фронта

Лидия Ивановна Махнева
(1921—1993)

В годы Великой Отечественной войны советских разведчиков и их помощников, работавших в тылу противника, так и называли: «Солдаты незримого фронта». Им было очень трудно. Они улыбались врагу, хотя сердцем ненавидели его, выдерживали тяжелые, осуждающие взгляды советских людей и не могли им сказать: «Мы свои, товарищи!». Все они очень любили Родину и во имя ее не щадили своей жизни...

Начальник Псковской биржи труда Шульц угловатый, с короткой толстой шеей и лоснящимся от жира лицом, имел две слабости: любил сладкое и был неравнодушен к молодым женщинам. Он умиленно смотрел на работниц канцелярии биржи и всякий раз предлагал кому-нибудь провести с ним вечер в баре. А потом взрывался, когда его предложение отвергали, так как Шульц считал себя неотразимым, а поэтому отказ был для него неприятен.

Лида Алексеева иногда ощущала на себе липкий взгляд Шульца. Было обидно и противно. Обидно потому, что беспомощна, что нельзя сказать ему все, что о нем думаешь, и противно смотреть на это жирное, расплывшееся лицо. Но смотреть надо было. На биржу труда Лиду устроила знакомая ее матери — Мария Евгеньевна, работавшая старшей по канцелярии. Лида иногда хотелось подожечь хозяйство Шульца и уйти в лес, где, говорят, есть партизаны. Опыт-

ный глаз Марии Евгеньевны замечал внутреннюю борьбу и переживания Лиды. «Крепись, Лидуша, всему свой черед», — говорила она девушке.

Как-то к Лиде обратилась с просьбой ее младшая сестра Наташа, чтобы она помогла устроиться на работу пленному моряку Феде, племяннику тети Шуры. Конечно, в то время Лида не знала, кто такой Федя. Несмотря на молодость, Федор Цуков (под такой фамилией его знала Лида) уже пережил многое. Он был ранен, попал в плен к фашистам, где в лагерном госпитале ему ампутировали левую руку. Потом Александра Степановна Низовская взяла Федю из лагеря, еле живого, под видом своего племянника. Для этого ей пришлось обойти многие учреждения.

Лида Алексеева пообещала помочь Федору устроиться на работу в какую-нибудь немецкую организацию. Федор Цуков хорошо знал немецкий язык и выдавал себя за «фольксдойче», дескать, мать у него немка. Лида посоветовала ему устроиться на работу в автомастерские военно-воздушного строительного батальона, назвала имя ефрейтора Герберта Кристоффа, к которому можно обратиться, чтобы выяснить некоторые подробности предстоящей работы.

Ефрейтор Кристофф оказался разговорчивым. Узнав, по чьей рекомендации Федор пришел к нему, он готов был оказать всяческую помощь. Чувствовалось, что Герберт ненавидит войну и нацизм. Позже выяснилось, что в прошлом он был членом Компартии Германии. Герберт сказал, что штабу батальона нужен писарь и переводчик и что он поговорит с руководством штаба о желании Федора у них работать.

Так Федор-моряк, советский разведчик Феликс Ицков, стал писарем-переводчиком в штабе автомастерских военно-воздушного строительного батальона. В тот же день Лида Алексеева вошла с рабочим паспортом Федора в кабинет начальника биржи труда Шульца, чтобы тот поставил в паспорте печать о месте работы Федора. Шульц посмотрел на Лиду своими глазками-точками и спросил: «Вы будет свободны вечер?»

— Сегодня нет, господин начальник, — ответила девушка.

— Сегодня нет, завтра нет... Всегда нет. Вы не понимаете жизни. Она тю-тю, — Шульц сделал губы трубкой, глаза совсем закрылись, и «тю-тю» было произнесено так смешно, что Лида еле сдержалась,

чтобы не рассмеяться. Шульц окинул ее испытывающим взглядом, взял рабочий паспорт Федора и с силой приложил к нему печать.

Федя-моряк чувствовал, что в лице Лиды Алексеевой он нашел того человека, которому можно доверить многое. Однако он решил ближе узнать ее. Познакомился с ее родителями — матерью Ниной Николаевной и отцом Иваном Алексеевичем. Иногда заходил к ним домой. Лида, как и многие в их доме, хорошо играла на рояле. Бывало, что и она приходила в дом к Александре Степановне Низовской, где жил Федор... «Как быть? Нужны помощники, связи. Нужно действовать. Попробую, не рассказывая о себе, поручить ей что-нибудь сделать... И пусть это исходит от моего личного порыва, от сознания того, что мы, советские люди, не можем сидеть сложа руки...» — такие мысли не покидали Федора.

— Лида, перепиши от руки несколько экземпляров вот этого письма, — передал он как-то девушке листок серой бумаги, на котором убористым почерком был написан текст к годовщине нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Это было первое задание разведчика. Потом еще много раз Лида Алексеева переписывала листовки, которые затем распространялись в городе. Гестаповцы сбились с ног в поисках подпольщиков, но они были неуловимы. В феврале 1943 года ефрейтор Герберт Кристофф рассказал, что в штабе батальона кое-кто высказывает в отношении него некоторые подозрения. Что-то часто стали случаться разные происшествия: пожар в штабе, побег группы пленных, листовки... До появления нового писаря-переводчика такого, можно сказать, не было. Ефрейтор сообщил, что на биржу труда готовится и будет направлено соответствующее письмо.

И Федор, и Лида, когда он рассказал ей об этом, хорошо знали, что единственным спасением Федора было изъятие письма, чтобы оно не попало в руки Шульца. Это сделали советские патриотки Лида Алексеева и Мария Евгеньевна Барбашинова...

Утром Федор, как ни в чем не бывало, пришел на работу в штаб батальона. Но там ему сказали, что он, как писарь, штабу больше не нужен и ему следует явиться на биржу труда. «Значит, провал», — подумал Федор. Он еще не знал, что письмо не дошло до Шульца, что его изъяла из почты Лида Алексеева.

Несколько дней Федор отсиживался на конспиративной квартире. И только когда ему сообщили, что письмо перехвачено и уничтожено, он успокоился.

С тех пор почти до освобождения Пскова от немецко-фашистских захватчиков советский разведчик работал в контакте с Лидой Алексеевой. В русском отделе штаба военной строительной организации Тодта, куда он поступил по указанию партизанской разведки, Федя-моряк сумел войти в доверие к начальству и устроил на работу в штаб Лиду и ее подругу Беллу Аракельянц. Девушки оказали разведчику большую помощь. Лида научилась печатать на немецкой машинке, готовила для подпольщиков нужные документы. Пересыпала в бургомистрат списки русских рабочих на получение хлебных карточек. В списках было много «мертвых душ». Лишние карточки, как и документы, передавались партизанам и подпольщикам.

Лида Алексеева обладала большим талантом перевоплощения. Она умела улыбаться так, как никто другой. Начальник канцелярии не мог устоять против ее улыбки и всегда, поговорив с нею, провожал Лиду из кабинета в коридор. Она и там старалась задержать начальника на минуту-другую. А в это время Федор входил в кабинет через вторую дверь и пользовался печатью.

В конце 1943 года Федора арестовали. Его вели гестаповцы по улице, а в это время Лида шла навстречу по другой стороне улицы. Она поняла все и знала, что теперь от нее зависит многое. Лида сразу же сообщила Александре Степановне Низовской об аресте «племянника». Хозяйка надежно спрятала все, что могло выдать Федора. А вскоре в дом к Низовской пришли гестаповцы с обыском. Они перевернули все вверх дном, но ничего, что могло бы рассказать о настоящей жизни Федора Цукова и его помощников, не нашли. Федора допрашивали, били, а он усмехался и на чистом немецком языке говорил: «Если вы своего так обрабатываете, то как же тогда поступаете с партизанами?!».

Трудно сказать, было ли это подозрением или очередной проверкой гестапо, но Федора из-за отсутствия улик освободили, предложив только выехать вместе со штабом в Ригу, куда передислоцировалась военно-строительная организация в связи с наступлением советских войск.

...Мы рассматриваем фотографии из альбома Лидии Ивановны Махневой (девичья фамилия Алексеева). Вот Федя-моряк (все, знавшие его по Пскову, так и зовут его). Молодой, в морской форме. Красивый парень! Он встретил войну, обучаясь в Ленинградском военно-морском инженерном училище имени Дауржинского. В первые дни войны из курсантов была сформирована особая морская бригада. Затем бои, ранение... Работа в подполье. А после войны Феликс Давидович Ицков вернулся в Ленинград. Окончил юридический факультет университета. Солдаты незримого фронта встречались часто, вели переписку...

— А вот фотографии, сделанные в 1974 году, когда отмечалось 30-летие освобождения Пскова от немецко-фашистских захватчиков, — рассказывала мне Лидия Ивановна при встрече в конце 80-х годов. На снимках она рядом с Феликсом Давидовичем. У него несколько боевых наград. Я хотел было спросить, есть ли награды у Лидии Ивановны, но не стал задавать этого вопроса. Сколько людей, презирая смерть, боролись в годы войны в тылу врага, чтобы приблизить победу над фашизмом. О многих мы еще не знаем. А они, скромные солдаты незримого фронта, жили рядом с нами. Никто из них не думал о наградах. Каждый думал о Родине. Правда, мужество Л.И. Махневой отмечено памятным знаком «Участнику партизанского движения 1941—1944 годов». Ей вручили знак в ноябре 1979 года в ознаменование 35-летия окончания партизанской борьбы на территории Ленинградской области.

Лидия Ивановна Махнева приехала в Печору в 1947 году. Работала в музыкальной школе при ДКЖ. Воспитала сына. У нее есть внук. Но сегодня нет уже среди нас этой удивительной, жизнерадостной женщины. Пусть северная земля будет ей пухом!

Т. АФАНАСЬЕВА

«Но верю я, что разобьем врага...»

Андрей Иванович Мезенцев
(1917—2001)

Он был призван на действительную военную службу в 1938 году и, отслужив 8 лет, стал участником трех войн. Ровесник Октября Андрей Иванович Мезенцев родился в крестьянской семье в глухой печорской деревне Даниловке. Важнейшие события в жизни страны прошли сквозь его биографию, стали частью его судьбы.

Отец — Мезенцев Иван Константинович — родом из этой деревни, а мать из д. Соплеск, из семьи староверов. Отец принимал участие в первой мировой войне, в боях против германских войск на территории Украины. Вернулся инвалидом. Из пятнадцати детей, сестер и братьев, осталось трое, кроме Андрея, еще две сестры. Остальные умерли от голода и болезней. 1920—1924 годы были страшно голодными, ели «кач» — от пихтовой коры весной отделяли белый слой, сушили на печи и толкли муку. Мать вспоминала, что в три года кормила его «тяпушем», лепешками из пихтовой муки. Многие умерли от голода: и взрослые, и дети.

Учиться долго не пришлось, закончил 4 класса: надо было помогать родителям в колхозе. Работал с 14 лет разнорабочим, с малолетства изведал тяжесть крестьянского труда, бывал и на лесных работах.

В 1938 году взяли в учебный пункт в Усть-Усу, где готовили к армии, учили строевой подготовке, стрельбе. Через полгода призвали в армию и следом направили в сержантскую школу в г. Омске.

Когда в июне 1939 года начались события на Халхин-Голе в Монголии — японские войска вторглись на территорию МНР, имеющей союзный договор с СССР, младший сержант Андрей Мезенцев был направлен туда.

Особенно крупные бои происходили в августе между 6-й японской армией и 1-й артиллерийской группой под командованием Г.К. Жукова. Парнишка из далекого Коми края воевал в составе 263-го артиллерийского полка в районе Баян-Саганских гор. Командовал расчетом 122-миллиметровой гаубицы образца 1938 года (М-30). Условия войны были очень тяжелыми, особенно для северян. Корамили неплохо, но изнуряющая жара отнимала силы. Днем одежда пропотевала насеквоздь, а ночи холодные, поэтому приходилось снимать с себя все, отжимать и перед заходом солнца развшивать для просушки. В полку было много северян и людей разных национальностей: коми, ненцы, удмурты, узбеки ... Андрей подружился с парнем из Мутного Материка Ижемского района Рочевым Александром. С ним и спали в одной яме, окопавшись на ночевку.

Воевали против японцев-смертников, которые бились с фанатизмом. Половина солдат части полегла здесь, вдали от Родины. Среди погибших — друг Александр. Сам он отделался контузией... Запомнился парнишка по фамилии Кучеров, родом из Архангельска. Он застрелился. Тяготы войны, наложенные на драму личных переживаний — в письме из дома узнал об измене подруги, привели к трагической развязке. Его зачислили в разряд дезертиров, врагов и даже не предали тело земле.

Сохранилась фотография того времени, где он в солдатской форме, на груди значки «Ворошиловский стрелок», ГТО и ПВО.

В первых числах октября, по окончании военной кампании, вернули в Омск. А с началом финской войны их артиллерийскую часть под командованием Еременко, с которым они воевали на Халхин-Голе, перебросили на место боевых действий. Старший лейтенант Еременко погиб в одном из боев возле города Выборга, где штурмовали финские укрепления на Карельском перешейке вдоль границы, так называемую линию Маннергейма. Финны дрались отчаянно, стояли насмерть. Война в условиях Севера имела свои особенности: лыжные отряды были основной боевой единицей и с советской

стороны, и с неприятельской. Финны владели лыжами в совершенстве, легко забирались с ними на деревья.

Север давал о себе знать крепкими морозами, а ночевать приходилось в лесу, зарывшись в снег, подобно куропаткам. Полушубки, катанки не спасали от холода даже при неплохой кормежке. Наша армия несла большие потери в живой силе: многие бойцы погибали от холода. В феврале-марте 1940 года удалось прорвать вражескую оборонительную линию и занять город Выборг. За этим последовала акция обмена военнопленными.

По окончании финской войны он так и не попал домой: был направлен на Западный участок в район дислокации Сессинского авиационного гарнизона, потом на ст. Ковель близ польской границы, недалеко от Бреста, где и застало начало Великой Отечественной, которую он прошел от первого дня до последнего, закончив боевой путь в Берлине.

Сообщением о бомбардировке Брестской крепости началась война для бойцов их подразделения. И сразу вслед за этим фашистские бомбы накрыли район расположения их гарнизона. При первом налете вражеской авиации погиб заместитель командира. Но до конца осознать, какая это страшная, невиданная по жестокости война даже для бывальных бойцов, им суждено было спустя несколько дней: все небо горело от взрывов и снарядов, земля дыбилась и плавилась под ногами. Наши части вынуждены были отступить на восток: не много повоюешь с винтовками против немецких танков, а командир Вакуленко умел щадить солдат, не шел на бессмысленные жертвы. Стрелковая рота 16-й воздушной армии 2-го Белорусского фронта, ведя оборонительные бои на земле и в воздухе, отступала до Харькова. В окружении минометов и мелкокалиберных пушек Андрей катил свой пулемет на Восток.

А потом была череда фронтов, тяжелых сражений, солдатских будней на передовой. Воевал на Волоколамском направлении в составе Северо-Западного фронта под командованием маршала Жукова. Участвовал в самых горячих боях на Курской дуге, непроложительное время довелось быть в частях 1-го Украинского фронта под командованием Рокоссовского; в составе 2-го Белорусского фронта освобождал Белоруссию, Украину, Польшу, Одру, Эльбу, Шпрее, был участником штурма Берлина. Дважды контужен, дважды ра-

нен. Один раз тяжело, в голову, лежал в Рижском госпитале. «Пешком и ползком прошел я всю Европу от Курской дуги до Берлина. И могу сказать одно: простому человеку войны не нужна. Помимо ее смертельной сущности, будни войны сопряжены с большими бытовыми трудностями: голод, холод, грязь, жуткая необустроенность и тяжелый физический труд – доля солдата на войне».

Чем ближе к победе, тем сильнее тоска по Родине. Свои чувства изливали в песнях о родной стороне, милей которой нет ничего на свете. Пели строевые песни. Он часто бывал запевалой. И спустя много лет, несмотря на возраст, любил петь. Из песен того времени — «На позицию девушки провожала бойца...», «Как за рекой за Доном...», «Прилужки», «Ой да братцы, хлопцы...», «Студенточка, заря восточная» с припевом: «И вдыхая аромат ночной, ты споешь мне про любовь, студенточка, заря восточная, Но верю я, что разобъем врага и встретимся тогда уж навсегда!»

После окончания войны 8 месяцев находился в Берлине, потом демобилизовался в звании сержанта.

Андрей Иванович берег свои боевые награды: медаль «За взятие Берлина», «За победу над Германией», орден Отечественной войны II ст. под № 6711910, который вручили в юбилей Победы, а вот две медали «За отвагу» потерял на войне. Одну из этих медалей он получил «За отличное выполнение боевого задания, настойчивость и мужество», проявленные при охране аэродрома под Варшавой в августе 1944 года, в дни Варшавского восстания.

Он хранил память о войне, о своем боевом друге, украинце Раке Дмитрии Ивановиче. Два командира отделения, они жили в одной землянке, и люди разных национальностей были друг для друга не просто друзьями, но братьями.

А удостоверение ветерана войны получил только спустя 55 лет после Победы, так как сельсовет в свое время потерял его документы. Вот и пришлось обращаться к архивам, восстанавливая сведения. Хорошо, у ветерана память неплохая была, помнил все номера подразделений, в которых воевал, имена командиров, время и место событий.

Много односельчан, родственников погибло в войну, из 40 привезенных из родной деревни несколько человек вернулось. Его брат, дядя и сводный брат тоже участвовали в Великой Отечественной.

Они с братом переписывались во время войны. Погиб он у Одера, пришла похоронка: ранили в голову, до госпиталя не довезли. Родной дядя Федор Назарович Мезенцев пал под Ленинградом. Был инвалидом, но все же его призывали, зачислили в трофейную команду. Сводный брат Семен погиб на Курской дуге.

Возвращаясь с войны он вместе со своими земляками, однофамильцами Мартюшевыми. Ехали из Германии в «товарняке» до Котласа, потом на пассажирском до Кожвы. 25 дней в пути.

До Даниловки добирались на лошадях. Месяц отдохнули с другом Григорием Михайловичем Растворовым, вернувшимся с войны из Монголии, тоже воевавшим с 1939 года. А потом отправились на лесоповал.

После войны жизнь в деревне была тяжелой, голодной, но люди не унывали, много песен и частушек той поры в памяти.

Долгое время работал в совхозе, почти всегда бригадиром и звеньевым. Стаж работы – 50 лет.

После смерти жены Андрей Иванович оставил родную деревню, переехал в Печору к дочери Аграфене Андреевне. Семья дружная, есть внуки. С дочерью говорили на родном коми языке, и беседа с ветераном тоже шла на коми. Как оказалось – последняя. Андрея Ивановича не стало в зиму 2001 года. Похоронен он согласно завещанию в родной деревне Даниловке.

Победа поджидала в Норвегии

*Вера Андреевна Обросова
(1924—1997)*

Вера родилась 22 сентября 1924 года в деревне Вейпом Княжпогостского района Коми автономной области в многодетной, дружной крестьянской семье. Помогать своим родителям, трудиться, как трудились тогда все крестьянские дети, — вот что познала девчушка с раннего возраста.

Невысокого росточка, шустрая, красивая девочка, подрастая, стала заметной среди своих сверстников. Вступила в комсомол, активно участвовала в художественной самодеятельности села. Наступила пора счастливой юности. Казалось, все прекрасное впереди. И дело нашлось по душе — коми девушка уже работала в Княжпогостском райисполкоме.

К началу войны Вере было 17 лет. Как всегда, она в кругу своих друзей. Все были бодры, веселы, жизнерадостны. Но вот из репродукторов послышался голос диктора: «Через несколько минут слушайте важное правительственное сообщение». Лица у всех стали серьезными, строгими. А потом в безмолвной тишине прозвучали роковые слова: «В четыре часа утра гитлеровская Германия напала на нашу страну...»

Через несколько дней Вера провожала на фронт первую группу своих товарищей. Счастливая юность была оборвана войной. Через год пришла очередь и Веры. Летом 1942 года она добровольцем

ушла на фронт. Ей еще не было 18 лет. Тогда из Княжпогостского района ушли бить ненавистного врага 30 девушек. Посадили всех на пароход, везли до Архангельска, а далее — Карельский фронт. Вера оказалась в 80 км от передовой, в mestечке Петровские ямы. Определили ее в госпиталь № 2217 санитаркой. Затем служила в медсанбате № 450/367 стрелковой Краснознаменной дивизии. Часто приходилось работать в штабе машинисткой. Дело знакомое еще по специальности, полученной в райисполкоме.

В госпитале, медсанбате увидела девушка настоящее людское горе, познала человеческую боль. Раненых было много, всем надо было оказать всяческую помощь, создать условия для выздоровления и отправки снова на фронт. В медсанбат не единожды попадали солдаты, которые уже раньше лечились здесь. И были очень рады встрече с Верой, как с родной. Как вспоминала потом Вера Андреевна: «Трудностей было много: недосыпали, часто попадали под бомбежки немецких бомбардировщиков. Снаряды рвались буквально рядом, но это уж счастье было такое, что судьба меня хранила, и я оставалась цела».

В 1944 году Вера со своей дивизией попала в Норвегию, где испытать пришлось те же трудности, что и на своей земле. В Норвегии и встретила День Победы. 22 августа 1945 года демобилизовалась. Награждена медалью «За оборону Советского Заполярья».

С 1946 по 1961 годы работала на предприятиях Коми республики. С 1961 по 1974 годы до выхода на пенсию работала машинисткой в управлении Печорской лесобазы в поселке Кожва.

В.А. Обросова осталась в нашей памяти как светлый, замечательный человек. Запомнились ее выступления на встречах с молодежью и учащимися поселка Кожва.

Т. ЮРЧЕНКО

Служил он недолго, но честно

Борис Иванович Окулов
(1926—2001)

Борис Иванович Окулов родился в деревне Усть-Ижма Печорского района Республики Коми 2 мая 1926 года. Когда началась война, ему исполнилось только 15 лет. Мальчишка рвался на фронт, но его не брали, говорили: «Рано тебе еще, пацан». Но мысль попасть туда его не покидала. И через два с небольшим года он смог осуществить свою мечту — добровольцем пойти на войну. Это случилось 23 октября 1943 года. Направили его тогда в 1214-й стрелковый полк, который базировался в Прибалтике. Там он воевал с октября 1943-го по июнь 1944 года. Демобилизовали его, можно сказать, через год — 22 ноября 1944 года по болезни, полученной в результате тяжелого ранения.

О том, как воевал солдат Борис Окулов, говорят его награды: орден Великой Отечественной войны II степени, медаль «За победу над Германией», 8 юбилейных медалей, медаль Жукова.

После окончания войны Борис Иванович перебрался в Печору, где и проработал до самой пенсии в локомотивном депо. Умер он 4 июня 2001 года, через месяц после того, как ему исполнилось 75 лет. Светлая память ветерану!

Память остается с человеком

Константин Степанович Оралов
(1924—1988)

Нелегкая судьба выпала на долю ветерана Великой Отечественной войны К.С. Оралова, который родился в крестьянской семье в Вологодской области. Еще в 1931 году семилетним мальчишкой он оказался в детдоме, потому что Советская власть посчитала его родителей слишком зажиточными, зачислила в разряд кулаков и выслала в далекий северный Коми край в деревеньку Песчанка. Лишь через пять лет Косте все-таки удалось встретиться здесь со своими родителями и даже закончить семилетнюю школу, а потом и Щельяюрский речной техникум, получив специальность техника-судомеханика.

Казалось бы, жизнь начала входить в нормальное русло, но все планы энергичного и способного молодого человека перечеркнуло вероломное нападение гитлеровской Германии на нашу страну. Хотя Константин и рвался на фронт, но по возрасту еще не подходил для ратных дел. Это памятное для него событие произошло 1 сентября 1942 года, когда крепкого и ладно скроенного молодого речника Кожвинский райвоенкомат направил на Северный флот, в Заполярье.

Однако сразу попасть на фронт при всем нетерпении отмщения врагу за поруганную землю и гибель ни в чем не повинных людей, конечно же, не удалось. Это теперь, при диком капитализме и разва-

ле некогда непобедимой нашей армии, бездарные правители и военачальники посыпали безусых и не обученных военному делу почти мальчишек на заведомую и напрасную смерть в Чечню, а тогда, даже в самое тяжелое время, требовалось пройти необходимую подготовку. Вот и К. Оралов, прежде чем попасть на фронт, проходил предварительную службу во флотском полуэкипаже Северного флота.

Но так уж случилось, что сражаться с немчурой и их союзниками финнами на Карельском фронте пришлось в морской пехоте, которую за невероятную храбрость и смелость сами фашисты называли «черной смертью». Неоднократно принимал участие в таких кровопролитных боях и К. Оралов, каждый раз каким-то чудом оставаясь целым. Кроме того, ему вместе с другими боевыми друзьями нужно было наводить переправы и строить под вражеским огнем через болота и топи дороги, чтобы по ним могли пройти танки, пушки и пехота. И в том, что Карельский фронт выстоял перед натиском гитлеровцев, есть заслуга и нашего земляка, который был удостоен медали «За оборону Советского Заполярья».

Потом к этой награде прибавились еще медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», орден Отечественной войны II степени и многие другие медали.

Вернулся в родные края Константин Степанович после демобилизации лишь в мае 1947 года и до конца своих дней честно и добросовестно работал на Верхне-Печорском техническом участке Печорского бассейнового управления пути, за что также был удостоен многих наград.

О К.С. Оралове и по сей день вспоминают, как о неутомимом труженике, добром и чистосердечном человеке.

Т. СЕМЯШКИН

Сражался на хребте Муста-Тунтури

Семен Иванович Осташов
(1924—1998)

О детях военной поры говорят: война требовала их быстрого взросления. Наверное, это так. Но неоспоримо и другое. В больших крестьянских хозяйствах да многодетных семьях дети становились самостоятельными, познавали всякий труд в раннем возрасте и в мирное время. К числу таких с полным правом можно отнести Семена Ивановича Осташова.

Родился он в усть-цилемской деревне Высокая Гора в многодетной семье в 1924 году.

Окончив сельскую семилетку, еще до войны начал работать в колхозе. Пятнадцатилетнему подростку члены хозяйства доверили главную финансовую должность — счетовод колхоза. А в шестнадцать он стал бригадиром полеводства. Началась война, и вдумчивого, с организаторскими способностями юношу избрали председателем колхоза имени Кирова. Но не прошло и года, как юного председателя призвали на фронт. Луговые работы не дали завершить.

Уже в конце августа 1942 года восемнадцатилетний Семен Осташов попадает в Мурманск.

При его жизни мне ни разу не приходилось встретиться с ним в беседе. И естественно, что о его фронтовом пути говорят лишь отдельные строчки из автобиографии да слишком скуч-

ные данные военно-учетной карточки, которая хранится в архивах военкомата.

«В боевых действиях принимал участие в составе 347-го отдельного пулеметного батальона морской пехоты Северного флота с сентября 1942 по апрель 1945 года... Командир пулеметного отделения... Демобилизован в апреле 1947 года... Капитан запас...» Это все, что удалось «выжить» из архивных данных военкомата.

Всего полстраницы уделил ветеран фронтовому пути и в своей автобиографии, что я и привожу с небольшими сокращениями:

«...После двухмесячной подготовки был направлен на полуостров Рыбачий. Здесь проходила линия фронта Северного флота.

На хребте Муста-Тунтури, где проходил главный рубеж обороны полуостровов Рыбачий и Средний, были остановлены фашисты, рвавшиеся к Мурманску...

Держали оборону до октября 1944 года. За этот период выдержали не одну атаку противника, не один горячий бой, но врагу так и не было суждено перейти пограничный знак на хребте Муста-Тунтури. Единственный знак на всем протяжении западной границы страны, через который не удалось шагнуть врагу.

...В октябре наши 347-й, 348-й и 349-й батальоны морской пехоты на катерах-охотниках были высажены в порт Линахамари. Совместно с другими частями нанесли удар с тыла противнику, войска которого держали здесь оборону. А затем наши батальоны были переброшены в Киркинес, что в северной Норвегии... Здесь находились до конца войны...»

Вернулся С.И. Остапов в родное Припечорье лишь весной 1947 года. И с первых же дней окунулся в послевоенные хлопоты, помогал словом и делом восстанавливать и укреплять ослабевшие за годы войны колхозы, вселял надежду на обновление сел и деревень района.

Работал председателем сельсовета, директором МТС. С 1949 по 1968 год Семен Иванович работал сначала завотделом, потом секретарем райкома партии. После этого три года был председателем исполкома Усть-Цилемского райсовета.

В 1971 году переведен в Печору. Возглавлял профком «Коминефтедорстроя», трудился на РЭБ «Коминефти».

Работая, окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Персональный пенсионер, уже будучи на заслуженном отдыхе, постоянно интересовался ветеранским движением города и района, участвовал в мероприятиях городского совета ветеранов.

Его вдова — Нина Ивановна — бережно хранит многочисленные награды и дипломы мужа, с которым прожила она пятьдесят один год.

В боях за Москву и Кавказ

Александр Николаевич Савин
(1922 – 2001)

Он был старшим в крестьянской семье, рано оставшейся без отца. Мать — Анна Тихоновна — в сентябре 1941 года проводила его, кормильца и опору семьи, на фронт из маленькой деревушки Окулово Кировской области. Призванный Подосиновским РВК, он участвовал в боях в составе 112-го железнодорожного полка Внутренних войск НКВД. Был телефонистом во взводе связистов. До конца января 1942 года сражался в боях под Москвой. Потом до января 1943 года в составе минометной роты 283-го стрелкового полка НКВД участвовал в боях за Кавказ. Войну закончил старшим писарем штаба Кавказского полка Внутренних войск НКВД. В мае 1945 года демобилизовался.

С 1950 года Александр Николаевич жил в Печоре. Здесь его сын и внуки.

О нем помнят как о человеке скромном, заботливом отце и муже. Годы войны не прошли бесследно для здоровья. Он тяжело заболел, еще не успев поставить детей на ноги. С тех пор вел очень размеренную жизнь. Северянин от рождения, любил лыжные прогулки. Более 20 лет, до выхода на пенсию, проработал на автобазе «Печорстроя». Награжден Почетной грамотой обкома профсоюза строителей.

Ратный труд его отмечен медалями «За оборону Москвы» и «За оборону Кавказа».

Т. СЕМЯШКИН

«Вернусь скоро с победой!»

*Егор Петрович Семяшкин
(1916 — 1987)*

«...На память о фронте своей родной матери, брату Мише и сестре Гуте посылаю. Ваш сын и брат. Мамочка, не печалься, не горюй. Вернусь скоро с победой, увидимся...» Так писал на обратной стороне снимка в письме в далекую от линии фронта Бызовую Егор Семяшкин. В конце подписи дата — 25.10.1943 г.

Такая вот вера в быстрейший конец войны, вера во встречу с родными людьми. Просто завидная уверенность! Верили ли так все бойцы в жизнь после войны в кутерьме огня и лишений? Едва ли. А вот офицер с капитанскими погонами Егор Семяшкин очень верил. Правда, позади уже Сталинградский котел, где был нанесен ощущимый удар врагу, позади жесточайшие сражения под Курском и Белгородом, где фашистская машина получила небывалый до этого урон. Но все же... Впереди еще полтора года войны, Германия со своими союзниками еще достаточно сильна, и такое «рисование» словом! Пусть даже в личном послании. А впрочем, что не сделаешь ради успокоения сердца старой матери...

Потом, уже полистав военный билет офицера, который бережно хранит его племянница Л.М. Шахтарова (дочь его брата Миши), я понял: это не просто бравада солдата-офицера. Это от армейской должности, которая каждодневно вселяла уверенность в него, стало быть, и в бойцов, которых он не раз вдохновлял на победу.

«Участие в Великой Отечественной войне принимал с июня 1941 по май 1945 года. Воевал в составе частей Северо-Западного, Карельского, 3-го Украинского и 1-го Украинского фронтов», — так написано в его военном билете.

Основная же разгадка уверенности бойца в том, что с ноября 1939 года до начала 1942 года он являлся секретарем политотдела дивизии. А с начала сорок второго, когда в действующие части влились новые тысячи политработников, специально подготовленных для работы в условиях войны, молодой лейтенант Егор Семяшкин до конца войны сражается в должности инструктора политотдела дивизии. И получалось это, видимо, у него неплохо. Уже осенью сорок третьего ему присваивается звание капитана.

Политработка его продолжается и после Победы. До конца октября 1946 года он служит в должности заместителя командира учебной дивизии по политчасти. Но это не вся служба капитана Е.П. Семяшкина.

Окончив сельскую семилетку в 1933 году, как вспоминает его восьмидесятилетняя сестра Августа Петровна, он продолжил учебу в Ухтинском горно-нефтяном техникуме, открывшемся годом раньше. Окончил его или нет, она уже припомнить не может. Но в армию он был призван, как свидетельствует военный билет, 22 сентября 1937 года.

В военном билете же черным по белому значится еще один ценный факт: «Участвовал в войне с Финляндией с 30.11.1939 по 12.03.1940 года».

Словом, служба его длилась ровно девять лет. Без перерыва.

Его ратный труд отмечен орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу». Он участвовал в боях в Заполярье, брал Кенигсберг и Берлин, о чем также свидетельствуют медали «За оборону Советского Заполярья», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина».

Вернувшись со службы, Егор Петрович многие годы отдал сельскому хозяйству. Долгое время был начальником отдела кадров совхоза «Кедровый Шор», который еще после войны продолжал оставаться сельхозпредприятием УхтПечлага, и, естественно, Е.П. Семяшкину много лет еще не пришлось расста-

ваться с военной формой. Ветеран войны продолжал работать в этом хозяйстве и после того, как в 1967 году совхоз был передан в систему Минсельхоза.

Закончив повествование о ветеране, захотелось заглянуть в «Книгу Памяти»: а что там сказано о нем? Лучше бы не листал...

«Семяшкин Егор Петрович 1916 г.р., уроженец д. Бызовой Кожвинского района. Призван Кожвинским РВК в мае 1944 г., капитан. Демобилизован в апреле 1945 г. Умер в марте 1987 года в пос. Кедровый Шор Печорского района».

Огорчение от написанного не проходило. Но подумалось, что эти богато оформленные и солидные весом тома вряд ли читает широкий круг людей. А если и полистают библиотечные работники, то беды не будет в том. Да и прошедших через горнило войны становится все меньше. Некому огорчаться.

Брал Берлин, потом — Прагу

Николай Сергеевич Соловьев
(1920—1989)

Николай Соловьев родился на Рязанщине и был четвертым ребенком в семье. У родителей, Ксении Никитичны и Сергея Семеновича, уже было три дочери: Мария и две Анны. Действительно — две Анны: старшая и младшая.

Естественно, что родившийся сын был более чем желанным в семье.

После окончания сельской школы до призыва в армию Николай успел отработать четыре года в колхозном хозяйстве. Призвали Соловьева в армию в сентябре 1939 года и направили для прохождения службы на Дальний Восток.

Началась Великая Отечественная война, и воинскую часть перебросили на запад. Ехали долго. Железнодорожные станции были загружены составами с техникой и бойцами. Во встречном направлении шли составы с беженцами...

Николаю Сергеевичу, как он рассказывал при жизни, довелось повидать немало лиха, принимать участие в жарких схватках с фашистами. На фронт попал он в конце 1941 года. Был зачислен в 118-й отдельный батальон связи на Брянском фронте. Первый бой был за деревню Орловку. Она несколько раз переходила из рук в руки. В этих боях получил он два легких ранения. В феврале 1942 года направили в училище. После училища уже в звании младшего

го лейтенанта — снова на фронт. Его артиллерийский полк в составе 38-й армии уничтожил крупную группировку противника. В боях за Корсунь-Шевченковский Николай Сергеевич получил награду — орден Отечественной войны II степени.

Бывал не раз в разведке. Как-то в боях у деревни Хворостенки была нарушена связь. И вот там довелось увидеть бойцу зверскую расправу гитлеровцев над нашим пленным разведчиком. Фашисты кольями прибили к земле его тело...

Во второй половине 1944 года командир самоходной установки младший лейтенант Николай Соловьев воюет уже в составе Котельниковско-Сталинградского корпуса. Войска готовятся к взятию Риги. Но немцы опережают и прорывают линию фронта. Самоходный полк преграждает им путь на этом участке. По воспоминаниям бойца, разгорелся неравный ожесточенный бой, который продолжался около четырех часов. Много бойцов погибло в нем. Раненых переправляли на машинах. Николай, будучи сам раненым, вывел с поля боя командира батареи и механика-водителя танка, которые получили тяжелые ранения.

К подходу подразделения экипаж самоходной установки Соловьева был полностью выведен из строя. После госпиталя Николая Сергеевича направляют в 3-ю танковую армию. 14 апреля 1945 года она прорывает оборону на реке Нейсе и берет направление на Берлин.

За взятие Берлина и Праги младший лейтенант Николай Соловьев был награжден медалями «За взятие Берлина» и «За взятие Праги». А за проявленное мужество в этих боях — орденом Отечественной войны I степени.

Только в марте 1946 года увольняется он в запас. А при возвращении на Родину на железнодорожном вокзале в Будапеште Николай встречает военнослужащую медицинской службы Марию Переяслову, которая тоже возвращалась домой. Это была их вторая встреча. Первая произошла в сентябре 1944 года, когда Николай после ранения лечился в госпитале, где Мария работала санитаркой (о ней рассказано во второй части книги «Войной опаленные»).

На этот раз они встретились, чтобы не расставаться всю жизнь. Приехали к родным Марии, так как родителей Николая в живых

уже не было. Его мать умерла перед войной, отец погиб в боях под Москвой.

Здесь, в Кировоградской области, Николай Соловьев работал на стройке, в шахте, на деревообделочной фабрике. В 1956 году решили попытать счастья на Севере — приехали супруги Соловьевы в Кожву. Николай Сергеевич устроился на Печорскую лесобазу шофером. И так до выхода на пенсию в 1976 году проработал на этом предприятии.

Т. ЮРЧЕНКО

Судьба берегла от пули

Иван Захарович Степанов
(1923—2004)

Иван рос высоким, красивым, статным парнем. Родители умерли рано, и их с братом воспитывала бабушка. Семью Степановых в деревне Луковск Курлакского района Татарской АССР (нынешнего Татарстана) знали все. Окончив семилетку, Иван сел за трактор. 8 марта 1941 года он отметил свое 18-летие, а через три месяца началась война. Его забрали прямо с поля, во время весенней пахоты, не дав зайти домой и попрощаться с родными.

В его военном билете есть запись о том, что он призывался Усть-Ордынским военкоматом Иркутской области весной 1942 года, зато и закончил войну позднее многих: демобилизовался уже в начале 1947 года. Сразу он попал в 36-й мотострелковый полк, и был назначен командиром орудия, а в конце года его перевели в 293-й мотострелковый полк заместителем командира взвода. Было ему в ту пору 19 лет.

Те, кто знал его, отмечали, что парень он был боевой — и за себя мог постоять, и за товарища. Иван не боялся вызывать огонь на себя, когда надо. Он как будто все время испытывал себя на прочность. Тому подтверждение — его ордена и медали: орден Славы, орден Отечественной войны II степени, юбилейные медали.

Бывает же так: не прячется солдат за спинами товарищей, а пули облетают его стороной. За всю войну — ни одного серьезного ране-

ния. Полных 23 года было старшему сержанту, командиру орудия 205-го стрелкового полка Ивану Степанову, когда закончилась война с фашизмом. Но впереди была другая война — с Японией. Правда, длилась она недолго, но этот 21 день Иван Захарович не забывал до самой своей смерти — до сентября 2004 года. Он прожил долгую жизнь — 81 год. Вместе со своей женой Анной Кузьминичной они вырастили 4 детей. Два года ветеран не дожил до своей золотой свадьбы. Но род Степановых продолжается: 7 внуков подарили супругам их дети — три дочери и сын.

Как о живом...

Александр Философович Филиппов
(1914—1975)

Об этом человеке никак не хочется говорить в прошедшем времени. Такое ощущение не проходит после встреч с его женой, Ольгой Ульяновной Филипповой, которая до последних часов жизни мужа была рядом с ним, оставив о нем самые теплые, чистые, светлые воспоминания.

...Демобилизовавшись в 1945-м, Александр Философович Филиппов, уроженец деревни Усть-Лыжа Усть-Усинского района, приехал в Нарьян-Мар. Здесь еще до войны он закончил педагогическое училище, преподавал в школе. Имеющегося опыта педагогической работы и опаленного войной фронтовика сразу направляют на должность заведующего отделом народного образования одного из районов Ненецкого автономного округа.

Начальником районной госсанинспекции в ту пору здесь была миловидная Ольга. Девушка на вид, она уже имела большой опыт в своем деле. После окончания Архангельской фельдшерской школы она мечтала махнуть на Новую Землю, а попала по распределению в неведомые края, и всю войну санитарный фельдшер Ольга скиталась по тайге, мирясь с немыслимыми бытовыми условиями, боролась с повальным тифом, помогала людям.

Райотдел народного образования и райгоссанинспекция располагались в Хальмер-Ю в ту пору в одном здании. Здесь, в Заполя-

рье, и познакомились молодые руководители этих служб Александр и Ольга.

А пристанищем на всю жизнь и поистине родным городом для них стала все же Печора. Выбор был вовсе не случайным. Родившийся и выросший на живописном берегу полноводной Печоры, Александр Философович всегда мечтал вернуться в родные края. Но и судьба поспособствовала этому.

Правительственным постановлением в 1957 году Хальмер-Ю, входящий в Ненецкий округ, был передан в состав Коми АССР и без прежнего ранга районного центра. Куда податься? Для Филипповых вопроса не было: поближе к родным местам главы семьи. А семья в ту пору была уже большой. Четверо детей. В таком вот составе и прибыли Филипповы в наш город. Правда, предусмотрительная Ольга Ульяновна, прежде чем собрать скарб, съездила сюда «на разведку». И город понравился, и с работой, как выяснила, проблем не будет.

Педагог по образованию, Александр Философович устроился воспитателем в школу-интернат № 1, а Ольга Ульяновна — фельдшером в санотдел райбольницы, где, кстати, она, отличник здравоохранения СССР, проработала до выхода на заслуженный отдых.

Купленный Филипповыми небольшой деревянный домик Александр Философович достраивал, доводил «до ума» своими силами, и вскоре он превратился в удивительной красоты терем, утопающий в зелени, с клумбами ярких цветов, к чему с любовью приложила свои умелые руки Ольга Ульяновна.

— Очень жаль, что так рано ушел из жизни муж, — поникнув, выдохнула хозяйка. — До сих пор мне так его не хватает. Ведь всегда он был настоящей опорой, помощником, другом.

Смахнув набежавшую слезу, она остановила взгляд на портрете своего мужа, навечно устроившемся в уютной, по-хозяйски ухоженной комнате.

Умер Александр Философович, когда едва перевалило за 60. Наверное, потому, что все послевоенные годы ощущал последствия тяжелого ранения, полученного в 1942-м в одном из кровопролитных боев.

— О войне он никогда не рассказывал, — говорит Ольга Ульяновна. — Я как-то поинтересовалась, и он сник. Поняла, что ему просто больно вспоминать.

В горвоенкомате я узнала, что А.Ф. Филиппов с начала Великой Отечественной до 1942-го был командиром стрелкового отделения. В августе же получил тяжелое ранение, после чего переведен в отдел контрразведки «Смерш», где прослужил до конца войны. Демобилизовался 19 октября 1945 года.

Сегодня живы все четверо детей Филипповых. Виктор и Анатолий в Печоре, всегда помогают матери. Постоянно шлет весточки любимой маме дочь Валентина из Риги. Трепетную заботу проявляет о матери старший сын полковник Александр, проживающий в Хмельницке.

Это была адская работа

Михаил Иванович Цветков
(1924—1993)

Михаил Иванович Цветков из тех людей, которые не любят рассказывать о своей фронтовой жизни. Он считал, что говорить о ней, значит, как бы снова пройти теми дорогами, на которых пролилась солдатская кровь и похоронены боевые друзья. А это дается нелегко. Много лет прошло уже со дня окончания войны, а ветераны-фронтовики до сих пор просыпаются по ночам от тревожных снов... На войне всем было трудно. Но особенно тем солдатам, которые вместе с психологическим напряжением переносили еще и большую физическую нагрузку.

«Война, — говорили побывавшие в ее пекле солдаты, — не мать родна, а злая и коварная ведьма, питающаяся людской кровью». Не знал солдат, что ждет его через минуту-другую, что таится за близлежащим большим камнем или поваленным деревом. И, чтобы обеспечить успех операции, удержать занятый рубеж, солдату приходилось всегда работать: вгрызаться в землю, постоянно следить за оружием и каждым нервом чувствовать врага, стараться узнать его мысли, разгадать его планы.

Если бы можно было подсчитать, сколько кубометров земли перерыто солдатом за войну, сколько мостов и переправ построено, сколько пройдено километров по трудным дорогам... Это была бы впечатительная статистика. Это были бы цифры, казалось бы, непо-

сильной работы, которую наш солдат одолел, осилил. Михаил Цветков — один из той большой армии работая войны. Много раз на трудных дорогах М.И. Цветков сталкивался с таким вопросом, когда от того, как они, саперы, его решат, зависят успех операции, жизнь солдат. А хитростей фашисты изобретали много, иногда выкинут такую головоломку, что попотеть приходилось, чтобы разгадать ребус врага и обеспечить проход своим частям.

Михаил Цветков был призван в армию из Кандалакши в августе 1942 года, когда ему исполнилось восемнадцать лет. Служил в воздушно-десантных войсках, куда был направлен из военно-инженерного училища, не окончив его. Так было надо. Так неумолимо диктовала военная обстановка. Прошагал солдатом по дорогам Венгрии и Австрии. «Прошагал», может, не совсем точно сказано, чаще всего приходилось ползать. Особенно остались в памяти солдата мартовские бои под Будапештом.

Враг защищался остервенело, чувствуя свой близкий конец. Полк, в котором воевал Михаил Цветков, занял оборону невдалеке от железнодорожной ветки, сильно укрепленной противником. Ночью по этой ветке взад-вперед ходил немецкий бронепоезд. От него житья полку не было. Обычно немцы ночью не воевали, а тут, как только темнело, на позиции полка сыпались снаряды, посланные из орудий бронепоезда. Несколько раз наши разведчики взрывали железнодорожное полотно, но немцы быстро восстанавливали его. И снова бронепоезд передвигался по ветке.

— Надо «запечатать» его так, чтобы он не смог больше действовать,—приказал командир полка. Он больше ничего не сказал, но многие тогда поняли, что полк будет наступать, а бронепоезд для него — большая помеха.

Было создано три группы саперов-подрывников, и каждая получила свое задание. Стояла темная весенняя ночь. Подрывники вышли бесшумно. В одной из групп были Михаил Цветков и вологжанин Дмитрий Панов. Они в 42-м учились в инженерном училище. Потом Дмитрия направили на Карельский фронт, а позже, в 1945-м, они встретились на венгерской земле. На задания часто ходили вместе. Та ночь запомнилась на всю жизнь. Через головы летели снаряды; немецкие пикеты, охранявшие железнодорожную ветку, поминутно стреляли из пулеметов и автоматов. Казалось, ничто живое

не может подобраться к полотну. Но наши солдаты выполнили приказ. В определенное время три мощных взрыва потрясли округу. Эти взрывы «запечатали» бронепоезд, взорвали его и явились сигналом для наступления полка. Фашисты были выбиты из укрепленного района. За участие в этой операции Михаил Цветков был награжден орденом Славы третьей степени.

Бывший сапер вспоминал, как строили переправу через реку Раб. Враг отступал. Наши части стремились идти по его пятам, чтобы не дать ему закрепиться на новых рубежах. И тут на пути австрийская речка Раб. Мосты взорваны. Пехота стала форсировать реку на подручных средствах, но для того, чтобы перебросить орудия, танки, боеприпасы, нужна переправа. И не завтра-послезавтра, а сегодня, через несколько часов.

Это была адская работа. Под артиллерийским огнем врага, в холодной апрельской воде саперы наводили переправу. Где люди брали силы, где черпали такую неиссякаемую волю, где был предел их выносливости и стойкости? И только когда по мосту проскочили первые самоходки, Михаил Цветков понял, что он и его товарищи-саперы не в силах уже стоять на ногах, валятся от усталости... Небольшая передышка, сбор инструмента и личного имущества — и в путь, туда, где за рекой уже разгорался жаркий бой.

День Победы Михаил Иванович встретил в Австрии. Все ликовали. Небольшая австрийская деревушка была расцвечена флагами, цветами. Играла музыка, все танцевали. Конец войне!

Нет, не конец. Наши разведчики доложили, что в обход деревушки пробивается на запад большая группа власовцев. И снова в бой, чтобы задержать или уничтожить фашистских холуев. Кое-кто из наших солдат, увидав Победу и ту огромную радость, которую она принесла людям, погиб, охраняя уже эти желанные плоды трудной битвы, охраняя завоеванную Победу. Очень обидно. Но война есть война.

И вот сражения закончились. Оружие зачехлено. Солдат возвратился домой. Что делать дальше? М.И. Цветков долго це раздумывал. Он решил стать юристом и поступил учиться в Ташкентский юридический институт. После учебы приехал в Печору, где и проработал судьей более тридцати лет. Мне довелось и не единожды бывать на судебных заседаниях, которые вел народный судья М.И.

Цветков. Мне казалось, что его характеру постоянно присуща большая выдержанка, даже какое-то спокойствие, порой кажущееся нам, присутствующим в зале судебного заседания, излишним: мы все переживаем, волнуемся, негодуем, а судья спокойно задает вопросы, внимательно слушает ответы, листает пухлые папки со множеством закладок... И только оставшись в кабинете один или с каким-нибудь собеседником, он может позволить выплыть своим чувствам. У судьи тоже есть сердце.

Но судья, как и сапер, ошибаться не может, не имеет права. В его руках судьба человека, даже его жизнь. И судья М.И. Цветков много лет, до последнего удара сердца наводил мосты в человеческих взаимоотношениях, строил переправы к добру.

«Ленинград мы не сдадим...»

Феодосий Константинович Шарыпов
(1920-1975)

Война, вторгшаяся на земли нашей Родины в 1941 году, по-разному вмешалась в судьбы людей. Жившие на западных границах нашей страны в первые часы войны ощутили на себе мощь и вероломство фашистских войск. В северных же районах необъятного в то время Советского Союза о начале войны узнали только из темной тарелки репродуктора.

Так было и в деревне Росвино, что расположена рядом с селом Новый Бор в Республике Коми. Здесь спецпереселенцы, депрессированные в 30-е годы из Архангельской и Вологодской областей, образовали совхоз «Новый Бор». Вместе с ними в колхозе жили и работали коренные жители — усть-цилемцы и коми. Жили дружно и работали справно. Хозяйство было крепкое.

В этом коллективе и началась трудовая биография Феодосия Шарыпова. Родом Федя был из деревни Горьки Велико-Устюгского района, что на Вологодчине. А родился он в многодетной семье зажиточного крестьянина Константина Шарыпова в феврале 1920 года. Сына верующий отец назвал Феодосием. Потом в зрелом возрасте Феодосий будет попрекать отца: «Я мучаюсь с этим именем, да и дети мои тоже будут. Нет чтобы назвать просто — Федор». Не скрою, ощущал это и я.

К началу войны Федя Шарыпов окончил 6 классов и работал уже счетоводом-бухгалтером на ферме «Росвино». Женившись на

своей однокласснице Ане Колобовой, он обзавелся семьей и уже имел сына-первенца (автора этих строк). Как все взрослые мужчины, Феодосий сразу после извещения о начале войны обратился в Новоборский сельсовет с просьбой, чтобы его призвали в армию. Но ему дали бронь и предложили продолжать работу.

Сводки с фронтов, звучавшие из репродуктора, и похоронки, приходившие в Росвино, томили душу молодого человека. Он вновь и вновь обращается в Усть-Цилемский райвоенкомат о снятии брони. Наконец, в 1942 году его желание исполнилось. В июне Феодосия Шарыпова вызывали в райвоенкомат и с несколькими земляками пароходом вверх по реке Печоре отправили на фронт.

Для большинства жителей Республики Коми фронт в то время начался с обороны осажденного Ленинграда. В защите любимого всем народом города от ненавистного фашиста объединились воедино твердый пролетарский дух и крестьянская любовь к своей Родине.

Товарищеская взаимовыручка и поддержка земляков помогали взводу пулеметчиков 224-й стрелковой дивизии, в котором воевал Феодосий Шарыпов, отбивать бесконечные атаки немцев. Ни бомбометание, ни артиллерийская канонада фашистов не смогли сломить стойкость этих ребят. За проявленные сноровку и отвагу Феодосию присваивают звание старшего сержанта и назначают заместителем командира взвода.

Позже, уже в мирной жизни, Феодосий Константинович все это называл быденной работой, не считал за подвиг и не очень любил вспоминать войну. А тем более тот морозный день 23 января 1943 года, когда при сильном артобстреле его ранило осколочным снарядом в правую руку, раздробив локтевой сустав. Затем длительное лечение в эвакогоспитале № 3160. Но вернуться в строй не довелось. И на основании решения медицинской комиссии 18 сентября 1943 года Феодосий Константинович Шарыпов уволен из армии по ранению. За храбрость, за ратный подвиг он награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда». Год с небольшим был на войне. Все под Ленинградом. И не удивительно, что в послевоенной жизни нет-нет да и вспомнит было слова из песни: «Ленинград мы не сдадим, красную столицу».

Вернулся домой, к семье. Из двадцати мужчин, взятых на фронт из Росвино, вернулись после войны живыми лишь двое. Плохо за-

живающая рана не давала покоя, особенно при смене погоды. Утрачено главное преимущество счетовода-бухгалтера, которым отличался Феодосий, красивый каллиграфический почерк. Приходилось заново учиться писать. К вечеру рана сочилась кровью.

В 1946 году вновь поплыл на пароходе вверх по реке Печоре и нашел работу в Кожве. Вначале был заведующим складами базы продуктов комбината «Интауголь». В этом же году в августе мы с матерью (а нас, детей, было уже трое) приехали к отцу в Кожву.

В Кожве повсюду наблюдался трудовой энтузиазм. Или люди соскучились по мирному физическому труду, или Кожва в то время являлась одним из перевалочных пунктов с железной дороги на реку и с реки на железнную дорогу, но в сравнении с тихой сложившейся крестьянской жизнью в Росвино здесь была другая жизнь.

В Кожве были три зоны мужских и одна женская зона Печлага. Своеобразие вносило короткое северное лето, в течение которого спешили перегрузить большое количество продуктов питания, муки, комбикормов, стройматериалов и главное — лесоматериалов.

В 50-е годы Кожва стала центром выгрузки из воды лесоматериалов. Стране для восстановления требовался металл Череповца, Череповцу — уголь Печорского бассейна, угльному бассейну — крепежный и пиловочный лес Кожвы. Все больше ширилась и развивалась Кожвинская лесоперевалочная база. В апреле 1953 года Ф.К. Шарыпов перешел работать на это предприятие, с которым он связал всю дальнейшую жизнь. Вначале работал учетчиком леса, десятником, затем длительное время мастером. Работал инспектором отдела кадров, диспетчером лесобиржи и последние годы перед выходом на пенсию — диспетчером сплавного участка.

В марте 1975 года Ф.К. Шарыпов вышел на пенсию и в апреле с женой Анной Яковлевной уехал в Краснодарский край. Но пожил он там недолго: 31 августа от сердечного приступа он скончался. Мы, дети, похоронили его там, в станице Курчанская, что вблизи города Темрюк.

Далеко теперь он от нас, живущих. Но как только выпадает случай вырваться на отдых на Черноморское или Азовское побережье, мы, его дети, стараемся добраться до Курчанской и посетить могилу отца. Память об этом добром, отважном человеке до сих пор в наших сердцах. Да и не только мы его помним... Помнит его Кожва, где прожил он почти тридцать лет, немало сил отдал росту и развитию поселка.

В. ЖЕЛТЫЙ

Под Чижовкой у реки Воронеж

*Михаил Федорович Юров
(1923—1999)*

Война вломилась в жизнь 17-летнего Миши Юрова в первые же ее дни, когда вместе с другими вологодскими женщинами и подростками его направили под Волхов на строительство оборонительных сооружений. Уже тогда эта трудовая армия, растянувшаяся на многие десятки и сотни километров, ощутила смертельное дыхание войны. Фашистские самолеты часто бомбили «оборонщиков».

До войны Михаил почти два года работал в колхозе трактористом. Семья Юровых была большая. Детей — восемь душ. И, как говорится, пятьдесят на пятьдесят: четыре мальчика и столько же девочек. Отец — Федор Николаевич — гордился: есть кому защищать Отечество. Старший сын — Геннадий, 1907 года рождения, был кадровым военным. Служил в армии и Иван. К тому времени он уже прошел финскую кампанию. И вот теперь Михаилу предстояло встать в солдатский строй. Его призвали в армию в феврале 1942 года. Мать — Ольга Михайловна — только успевала провожать сыновей. Дома оставался последний из них — Семен. «Война должна скоро закончиться, — думала мать. — Может, младшенько-го обойдет она стороной. Дай-то Бог! Но нет! В 44-м, прибавив к своему возрасту один год, 16-летний Семен ушел на фронт...

Для Михаила Юрова армейская служба началась в Кущубских военных лагерях. Там новобранцев обучали азам военного дела:

они изучали стрелковое оружие, технику рукопашного боя, полевую фортификацию и, конечно же, «шагистику». Иногда бойцы учебного батальона патрулировали железнодорожную станцию, через которую проходили воинские эшелоны и поезда, увозившие женщин и детей из блокадного Ленинграда.

В июне 1942 года Михаил Юрлов с маршевой ротой покинул Кущубские лагеря. Воинский состав вез новобранцев, зачисленных в подразделения 100-й стрелковой дивизии под Воронеж. Выгрузились на станции на расстоянии двухсухотичного перехода от линии обороны. Шли к ней пешим строем при полной выкладке двое суток, не смыкая глаз. Команда «Привал» подавалась через каждые три часа на пятнадцать минут. Под конец перехода солдаты валились с ног и тут же засыпали. Наконец-то добрались к месту назначения, 472-й стрелковый полк занимал оборону на левом берегу речки Воронеж у населенного пункта Шилово. На этом участке фронта длительное время велись позиционные бои. Фашисты, заняв часть города Воронеж, споткнулись и не могли дальше наступать. Главные события разворачивались на Волге. Сотой стрелковой дивизии был дан приказ вести активную оборону, чтобы приводить к себе как можно больше вражеских войск и не допустить их переброску к Сталинграду. Поэтому подразделения дивизии часто прощупывали позиции противника и не давали ему покоя.

Как-то в июле боевая группа из 60 человек (автоматчики, саперы и связисты) получила приказ переправиться на правый берег реки, провести разведку боем и захватить плацдарм, чтобы обеспечить переправу всего стрелкового полка. Саперы подготовили плотики, которые могли держать на себе 4—5 человек, и на рассвете, когда над водой стелился туман, группа поплыла на плотах к противоположному берегу. Переправились быстро и без приключений. Река Воронеж у поселка Шилово глубокая, судоходная, но не широкая. Причалили плоты бесшумно. Бойцы ступили на берег. И тут, словно по команде, ударили немецкие минометы. Значит, фрицы не дремали и, наверное, видели, как плыли плоты, но не стреляли, ждали, когда они причалият. И тогда ударили. Пятачок прибрежной земли закачался от разрывов мин. Люди уткнулись в песок и стали в него зарываться. Погибли оба командира взводов. По приказу комроты один из взводов возглавил сержант Юрлов.

Слева от реки прятнулась гривка леса. Боевая группа, расширяя плацдарм, устремилась к этому зеленому островку. Однако противник решил, что русские хотят обойти его с фланга, и перебросил туда подкрепление. Завязался бой. Форсировал речку и наш стрелковый полк. Он несколько потеснил врага, но развить наступление не смог, так как для прорыва обороны необходимо много-кратное превосходство наступающих. А его-то и не было. Видно, так планировалось — вести на этом участке фронта позиционную войну. В тот же день к вечеру взвод автоматчиков, правда, сильно поредевший, возвратился на левый берег реки. Позже и весь полк занял свои прежние позиции, так как не было смысла держать его на том берегу, оторванном от основных баз, обеспечивающих жизнедеятельность подразделений.

Разведка боем практиковалась часто. В таких стычках приобретался опыт, отрабатывалась выгрушка, проходила закалка бойцов. Ведь каждый из них думал о том, что придет время и Красная Армия погонит фашистов с родной советской земли. Стрелковый полк, в котором служил Михаил Юрлов, не выходил из боев почти три месяца, до 15 августа 1942 года.

Это был последний бой сержанта Юрова. Тогда после десантных операций у поселка Шилово 472-й полк был переброшен на другой участок Воронежского фронта, к поселку Чижовка, являвшемуся пригородом Воронежа. В начале июля немцам удалось захватить часть города. Они стремились овладеть им полностью. Однако наши войска мужественно защищали старинный русский город и отвоевывали у врага позицию за позицией, продвигаясь за сутки на несколько сот метров. Враг пятился, отступал. И это была пусть маленькая, но все-таки победа.

Рота старшего лейтенанта Гнусова вела бой в направлении школы № 86. Немцы засели в ней и оттуда обстреливали все вокруг. Трехэтажное здание возвышалось на пригорке. Взвод автоматчиков сержанта Юрова наступал левым флангом. Метр за метром бойцы приближались к школе. Уже сняты наружные посты, и фрицы все скрылись в здании, поливая из окон свинцом. Во взводе всего десять бойцов вместе с командиром. Это лишь третья часть от полного комплекта. И они продолжали нести потери. Погиб боец Буторин. Командир взвода ранен пулей в левое плечо навылет. Ра-

нен и солдат Соколов. Погибли Попов и Лысенко... Вторая пуля уже прошила тело сержанта Михаила Юрова. Кто же остался? Юров приподнялся на локтях, чтобы посмотреть, может, ползет кто-нибудь или из воронки выглядывает. Однако вблизи никого не было. Лишь в стороне, правее, он заметил несколько человеческих фигур. Они где ползком, а где перебежками приближались к школе. «Значит, рота все-таки наступает...» — подумал Юров. В это время раздался оглушительный взрыв.

Очнулся. Вокруг стояла тишина: понял, что контужен. Голова раскалывалась от боли, а перед глазами плыли радужные кольца. Юров попробовал подтянуть ноги к животу, чтобы затем оттолкнуться и подать все туловище вперед, однако они не слушались. Тогда Михаил правой рукой помог развернуть тело параллельно спуску и стал перекатываться вниз... Через полчаса раненого и контуженного сержанта подобрали санитары.

Семь месяцев Михаил Юров провалился в госпиталях. И только мастерство хирургов и его крепкий организм помогли все выдюжить и побороть. В марте 1943 года медицинская комиссия признала его негодным к несению воинской службы и комиссовала с инвалидностью. Было ему тогда 19 лет. К тому времени (25 января 1943 г.) город Воронеж полностью был освобожден от оккупантов. Это почти полгода после ранения Юрова там все еще шли позиционные бои. Сколько же в них погибло наших солдат?

100-я стрелковая дивизия прошла боевой путь от Воронежа до Праги. Геройски сражалась она за освобождение Львова, и ей присвоено наименование Львовской. Сержант Михаил Федорович Юров за мужество и героизм, проявленные в боях под Чижковкой, награжден орденом Славы третьей степени.

Ветераны 100-й Львовской стрелковой дивизии знают песню «Чижковка» на слова поэта Якова Шведова, песню о той Чижковке, что раскинулась у реки Воронеж и сроднила солдат, скрепив это родство кровью. Сколько таких поселков и городов на просторах России, где воины Великой Отечественной стояли насмерть, не щадя жизни своей!?

Приехал Михаил Федорович в родную деревню Мельница весной 1943 года. Почему Мельница? Да потому, что на Вологодчине на речушке Тарноге до революции стояло двадцать мельниц. Са-

мой старой было 600 лет. Потом их порушили «до основанья, а затем...» Ничего больше не построили. Ведь издавна говорят: ломать — не строить. Да, возвратился фронтовик домой. В колхозе нищета, упадок. Трудодень — одно название, не подкрепленное материальным стимулом. А тут еще налогами задушили колхозника. Задумался фронтовик: в бою было легче, там или ты врага порешишь, или он тебя. А в деревне в то время защиты у людей не было... На фронте Юров вступил в партию, а по возвращении в Мельницу райком рекомендовал его председателем колхоза. Тогда как раз прежнего председателя в армию призывали...

Долгая эта история с председательством. Чтобы о ней поведать детально, много времени надо. Тогда было как: если хочешь усидеть в председательском кресле — пой под дудку райкома. А Юров не из таких. В общем, несколько лет он обходил все рифы, чтобы хоть как-то облегчить жизнь колхозникам... Но всевидящее око свое дело хорошо знало. Председателя исключили из партии. Освободили от работы. И осудили на 8 лет. Колхозники написали письмо Ворошилову. Пока разбирались, что и как, два года пришлось отсидеть. Михаил Федорович никогда не забудет слова одного партийного чиновника: «Пойми ты, Юров! Если бы с голоду умерли все твои колхозники, тебе бы ничего не было. А за нарушение партийных директив тебя не простят».

...С 1961 года семья Юровых — в Печорском крае. 10 лет Михаил Федорович работал в Каджероме. Затем — в Усинске, а с 1976 года — в Печоре, в речном порту, до выхода на пенсию. Они с женой — Капитолиной Петровной — вырастили пятерых детей. Есть 12 внуков и правнуков... Дай, Бог, счастья роду Юровых и всем россиянам!

Клочок земли у моря...

Дмитрий Николаевич Яковлев
(1918—1978)

Бывает иногда человеку очень больно, больно так, что челюсти сводит, и они делаются словно литые из металла. И эта боль еще долго не утихает, хотя и раны уже зажили, и сердце, как говорят, в норме. А завтра все может повториться: боль снова полоснет по сердцу так, что все вокруг поплынет, закачается.

Наверное, в жизни нет трагичнее случая, чем смерть ребенка на руках у матери, или когда друг погибает на твоих глазах, а ты ничем не можешь ему помочь. Отсюда та неугасающая боль, которая не проходит даже с годами. 60 лет минуло с тех пор, как умолкли орудия — наши солдаты разбили фашизм, но до мельчайших подробностей живы в памяти людской эпизоды этой трудной, но великой победы.

Да, трудной. Особенно в первые два года войны. Многое у нас тогда не хватало. Мы плакали, когда оставляли врагу родную землю. И через время возвращались снова, чтобы, может быть, погибнуть, но больше не уходить. И это были обыкновенные люди, которые горячо любили Родину и всегда умели побороть страх. Так рождался героизм. Очень правильно поется в песне: «Нас оставалось только трое из восемнадцати ребят...» Кажется, эти слова посвящены Дмитрию Николаевичу Яковлеву. Во всяком случае, таким, как он.

...Ноябрьская ночь 1943 года разлила вокруг гнилую темень. В двух шагах ничего не видно. Солдаты узнают друг друга только по приглушенному голосу. Охотников до разговоров, правда, немного, но все-таки перед операцией кое-кто делится с другом самыми сокровенными думами.

— Яковлев, Димка, где ты запропастился?

— Никуда я не уходил, на месте сижу. А чего тебе?

— Да так, просто... В кармане у меня фотографии, письма кое-какие... Ежели что—перешли.

— Брось ты, Ваня, думать такое. Обойдется. Высадимся да еще так им врежем.

— Я и не сомневаюсь в этом. Но война — не мать родная, не приголубит...

Где-то рядом плескалось море и поскрипывали деревянные настилы плотов. Ждали прихода катеров, и тогда начнется погрузка десанта. Пушки уже установлены на плотах. Керчинский пролив не широк. Видно, как время от времени на той стороне пролива вспыхивают прожекторы. Их лучи скользят по прибрежной воде, отгоняя темноту на наш берег.

— Освещают, боятся,— проговорил заряжающий Ваня, который просил Яковleva о письмах. Это был молодой парень из Курска, призыва военных лет. Он знал, что Дмитрий Яковлев служит в армии с 1939 года, и поэтому ему казалось, что тот владеет всеми тонкостями военной науки и его ничто не возьмет. Но пуля не щадит ни солдата, ни генерала.

— Яковлев, ты здесь? — По голосу Яковлев узнал капитана Хабарова.

— Здесь, товарищ капитан!

— Давай перекурим, — сказал Хабаров и расстегнул шинель, чтобы как-то прикрыться ею, прикурить и сделать несколько затяжек. Закурили осторожно.

— Через десять минут отчаливаем. Я буду на вашем плоту... На, хлебни. — Командир батареи передал в руки Яковleva фляжку.

Капитан Хабаров знал Яковleva давно. Этот солдат в самой трудной обстановке не терял самообладания, нес службу с какой-то молчаливой напористостью. Он делал то, что надо, делал иногда через силу. Молча. Упорно. Позади уже были долгие бои за Новорос-

сийск. Две медали «За отвагу», прикрепленные к гимнастерке Яковлева командиром 318-й стрелковой дивизии В.Ф. Гладковым, кое о чем говорили.

— Яковлев, а твой отец гражданскую не здесь воевал? — спросил капитан.

— Нет, он был беляков на Севере, — ответил солдат, а сам подумал: откуда Хабаров знает, что его отец участник гражданской войны? Наверное, знать солдата — обязанность командира.

Плоты отчалили бесшумно. На одном из них — две 76-миллиметровые пушки и 16 бойцов. Вокруг была вода — холодная и черная. Только теперь, оказавшись в море, люди увидели, что небо все-таки светлее, а вокруг, как деготь, колышется вода.

Немцы заметили десант. Лучи прожекторов выхватывали из темноты суда, плоты и старались прощупать всю эту неширокую полоску пролива. А потом фашисты открыли ураганный огонь. Вокруг глухо застонала вода, поднимая волны и пенясь, словно в кипящем котле. Плот, на котором были Хабаров, Яковлев, Ваня заряжающий и еще тринадцать ребят, вдруг подняло в воздух, и он развалился.

Только троих из шестнадцати — Яковleva, Хабарова и Алексея Пожидаева спасли катера. Они выловили солдат из холодной морской пучины.

Вернулись на Тамань, чтобы через некоторое время снова отправиться на керченский берег, отправиться тем же путем, которым шли раньше, где потеряли курского паренька Ваню и сотни других. Но на Тамань больше не возвратились. Зацепились за берег. И погнали фашистов. За участие в десантных операциях в районе Керчи Дмитрий Яковлев был награжден орденом Славы третьей степени. А вскоре за освобождение города Балаклавы Яковлев получил еще один орден Славы — второй степени.

Тяжелые там были бои. За два дня 76-миллиметровая пушка, расчетом которой командовал младший сержант Яковлев, выпустила по врагу 1200 снарядов. Говорят, земля горела. Нет, она плавилась. Гореть было уже нечему. Немцы старались удержаться в Крыму, но их гнали с нашей земли. И душа солдата теперь наполнилась гордостью за великую силу: с воздуха его прикрывали краснознаменные штурмовики, а на прорыв шли быстроходные «тридцатьчетверки».

Но были и утраты. Как-то перед наступлением к Яковлеву подошел танкист. Он обратил внимание на хорошую маскировку орудия и сказал:

— Готовься менять позицию, артиллерист, сейчас дорогу проложим.

Около сорока танков пошли на укрепления врага. Но что это? Один, второй танк застыл на месте. От них, стелясь по земле, потянулись шлейфы дыма. Но Яковлев уже засек стрелявшее орудие.

— Яковлев! — кричал по телефону командир батареи. — Видишь откуда гад бьет?!

— Вижу.

— Уничтожить!

Один за другим четыре снаряда были посланы в фашистское орудие. Оно замолчало...

С Петром Хабаровым, командиром батареи, Дмитрий Николаевич Яковлев прошел всю войну. Дошли до Праги. Видели счастливые лица братьев чехов и словаков, принимали из их рук кувшины с водой или молоком, чтобы утолить жажду. Пражане встречали советских солдат с цветами, со счастливыми слезами на глазах, обнимали их, как самых родных и близких людей.

Как-то в начале 1970 года я услышал разговор, что у нас, в Печоре, «теперь уже два полных кавалера орденов Славы». Одного печорцы знают — Александр Иванович Щипачкин, а другой работает в депо, тепловозы чинит. Вот ведь какой скромный мужик... Но весть интересная. Решил проверить ее. С этой целью встретился с военным комиссаром города Николаём Яковлевичем Соповым, который подтвердил достоверность информации и пояснил:

— Недавно стало известно, что Яковлев не получил за военные подвиги еще один орден — Славы третьей степени. Но так как по положению орденом Славы одинаковой степени дважды не награждают, то сейчас идет переписка с соответствующими органами о том, чтобы заменить Яковлеву эту награду на орден Славы первой степени. И тогда он будет полным кавалером боевого солдатского ордена.

Ошибка была исправлена: один орден заменили другим. А мне захотелось встретиться с отважным солдатом Д.Н. Яковлевым.

И мне повезло. Я познакомился с целой династией Яковлевых: у Дмитрия Николаевича как раз гостил его 80-летний отец — Ни-

колай Яковлевич. На лацкане его пиджака сверкали медаль «50 лет Вооруженных Сил СССР». Разговорились.

— Вот приехал сына проводать, — сказал Николай Яковлевич, — и внук тут у меня, Валентин, и правнук, Олег, в школу в этом году пойдет. А живу я в деревне под Псковом. Сын вот говорит, переезжай в Печору. А какое там переезжай, когда всем сердцем прикипел я к псковской земле. Попробуй, оторви человека — вмиг он засохнет. Дмитрия вот зову к себе — не хочет. Печора для него теперь ближе.

Может быть. Только сам Дмитрий Николаевич Яковлев затруднялся ответить на вопрос, что ему было дороже, к какому месту «прикипело» его сердце. По ночам иногда снилась псковщина: голубые поля цветущего льна, окаймленные стеной леса; рубленые с резными крылечками дома деревушек... Оттуда он ушел в армию. То было очень давно. Вот уже много лет он жил и работал в Печоре. Был кочегаром, помощником машиниста паровоза, а позже — слесарем автомотивного цеха локомотивного депо. Уважаемый был человек. И не только за ордена и медали, полученные в боях (кстати, о них в депо узнали позже, и то не со слов Яковlevа, а через военкомат), а за скромность и трудолюбие, за честное служение долгу. Печора строилась и росла на его глазах. Это, можно сказать, его город.

Но есть в нашей стране еще один уголок, который навсегда остался в сердце солдата, — это клочок русской земли у Новороссийска, который Д.Н. Яковлев и его боевые друзья защищали долгие, долгие месяцы. Впереди был враг, а за спиной только море. Каждый камень полит там солдатской кровью. Вот почему почти ежегодно Дмитрий Николаевич приезжал в Новороссийск, чтобы положить букетик цветов на братскую могилу, где похоронены его друзья-однополчане; встретиться с жителями молодого индустриального города, в Книгу Почета которого занесено его имя.

...После той встречи с Д.Н. Яковлевым в начале 70-го мы еще встречались. Дмитрий Николаевич самым большим праздником для себя считал День Победы. Его он всегда очень ждал. Но солдат не дожил даже до 35-летия Победы... Сегодня в Печоре есть улица им. Щипачкина, почему бы не быть в городе и улице, названной в честь полного кавалера орденов Славы Д.Н. Яковlevа.

Содержание

А. Лобастов Скромный дар ветеранам	3
Е. Лазарев Они домой с победою пришли	5.
Ж. Моргун Фронтовые мили Кости Андросенко (<i>О.К.И. Андросенко</i>)	7
О. Журавлев В августе сорок четвертого (<i>О З.А. Анохиной</i>)	10
- В. Желтый Схлестнулись в рукопашной (<i>О Н.Ф. Архипенкове</i>)	13
Р. Глушенко На сопках Маньчжурии (<i>О П.М. Бабченко</i>)	17
В. Желтый «Ещё успеете побоеваться...» (<i>О Г.П. Болдыреве</i>)	20
В. Желтый «Ястребки» проявляли мужество и героизм (<i>О В.В. Букине</i>)	23
Р. Глушенко Уж лучше на фронт (<i>Об А.М. Буториной</i>)	26
А. Луканик «Живыми памятниками ходим по отвоеванной земле...» (<i>О Ф.Н. Васильеве</i>)	29
Ю. Поляков Молодой казак освобождал Украину (<i>Об И.С. Гайдуке</i>)	32
Л. Фомина Пришла повестка (<i>О Г.Н. Германове</i>)	36
Т. Афанасьева Как много проидено дорог... (<i>О Н.Б. Гоядове</i>)	38
О. Баранчикова, О. Миручук Гурьяновы с Ижорского завода (<i>Об А.И. Гурьянове</i>)	41
Ж. Моргун Состояние души (<i>О Н.И. Гурьяновой</i>)	43
А. Луканик, Н. Шарыпов Старший сержант по имени Афанасия (<i>Об А.Г. Егоровой</i>)	45
Е. Лазарев Сталинград не сдавался (<i>О М.М. Жемановой</i>)	48
О. Капустина, И. Иванова Ехал я из Берлина (<i>О Н.Ф. Захарове</i>)	51
О. Баранчикова, О. Миручук Наследство Александры Захаровой (<i>Об А.В. Захаровой</i>)	54
О. Капустина У него русская фамилия и судьба (<i>О Е.П. Иванове</i>)	57
Л. Беляков Не страшась фашистских стервятников (<i>Об О.Г. Кислицыной</i>)	60
З. Чикова Скромная труженица войны (<i>О Л.В. Кожевниковой</i>)	62
Н. Ерёменко Под огнем противника (<i>О М.В. Кондратьеве</i>)	65
Н. Фролова Закалка на всю жизнь (<i>О В.И. Круглове</i>)	72
В. Желтый Все еще снятся солдату бои... (<i>Об А.А. Кукушкине</i>)	76
Н. Еременко Всем смертям назло (<i>О Г.В. Локтощенкове</i>)	79
Ю. Поляков «За оборону Советского Заполярья» (<i>Об А.Г. Лудникове</i>)	85
Т. Афанасьева Боец в свои шестнадцать лет (<i>Об А.В. Любогощцеве</i>)	89
О. Баранчикова, О. Миручук Любить Родину — значит забыть о себе (<i>О Н.А. Макаровой</i>)	92

В. Семяшкина От Смоленщины до Одера (<i>О П.И. Маркелове</i>)	94
Т. Афанасьева Жгла война огнем и железом (<i>О В.Д. Марченко</i>)	97
В. Семяшкина Зенитчица с Енисея (<i>О Е.А. Мащенко</i>)	100
Е. Лазарев Сестра милосердия Мария (<i>О М.Г. Настенко</i>)	103
А. Нисковский Вторая родина — Печора (<i>Об А.К. Неделько</i>)	107
А. Луканик Поля ратные и целинные (<i>Об А.Н. Нефедове</i>)	111
А. Луканик Как завещали деды и прадеды (<i>Об И.Е. Остапенко</i>)	113
Р. Глущенко «Взвейтесь, соколы, орлами!» (<i>О Н.П. Охлестышеве</i>)	115
Э. Рау 63 освобожденных города (<i>Об И.И. Пархачеве</i>)	119
Р. Глущенко «Не подведи, сынок» (<i>О В.М. Пичуке</i>)	121
Ю. Поляков Как закалялась сталь (<i>О В.И. Попове</i>)	124
Е. Лазарев Переправа, переправа... (<i>Об О.П. Поповой</i>)	128
Н. Матвеенко И откуда берутся силы! (<i>О З.А. Пушкиной</i>)	132
Р. Глущенко Под знаменем Щорса (<i>О В.С. Рогачеве</i>)	136
Н. Шарыпов Уходила на фронт добровольно (<i>Об А.И. Рябининой</i>)	139
В. Желтый На страже северных рубежей (<i>О В.С. Сазонове</i>)	141
Т. Афанасьева Его называли соколенком (<i>Об И.Н. Соколове</i>)	144
Э. Маточкина Бабушка Тоня (<i>Об А.С. Тумас</i>)	147
Ю. Поляков Героическая женщина (<i>О З.Н. Усачевой</i>)	150
В. Желтый Форпост на реке Аргунь (<i>О В.М. Чернове</i>)	153
Т. Юрченко Тroe суток он держал смерть в руках (<i>О Х.Ф. Шайхутдинове</i>)	156
А. Козлюк Освобождал свою родину — Белоруссию (<i>О С.С. Шуплякове</i>)	159
 ПОМНИМ.....	163
В. Желтый С «максимом» через две войны (<i>Об А.Е. Аксенове</i>)	164
В. Желтый Пурга свинцовая хлестала (<i>Об А.С. Ануфриеве</i>)	170
Р. Глущенко На подступах к Ленинграду (<i>О М.А. Безносове</i>)	177
В. Желтый За войну обошел вокруг «шарика» (<i>Об А.Е. Воронине</i>)	180
Н. Фролова Невзгодам вопреки (<i>О Т.И. Герасименко</i>)	186
В. Желтый Кровь любая — не водища (<i>Об И.Г. Горшкове</i>)	189
В. Желтый Под Киевоместь высота... (<i>О В.И. Губареве</i>)	195
В. Желтый Разведчики — в авангарде полка (<i>О Л.А. Даюнне</i>)	199
Ж. Моргун Боец олены-лыжного батальона (<i>О М.И. Дьячкове</i>)	204
Ю. Поляков Почтят и помнят (<i>Об И.С. Еремине</i>)	206
Ж. Моргун Солдат — всегда солдат (<i>Об А.С. Жданове</i>)	209
Р. Глущенко Самый главный парад (<i>О Н.В. Задорине</i>)	211
В. Желтый Верность в служении Родине (<i>О В.А. Зыкове</i>)	214

Т. Семяшкин Гвардии рядовой (<i>Об В.Е. Каневе</i>)	217
Н. Шарыпов Командировка... в тридцать лет (<i>О П.И. Карабанове</i>)	219
Б. Хватов Он был живой эмблемой школы (<i>О И.С. Коняеве</i>)	222
В. Желтый Горькую чашу испили до дна (<i>О Н.А. Лепихине</i>)	226
Н. Шарыпов Кольцо всё скималось (<i>О В.И. Лобанове</i>)	231
Т. Семяшкин На личном счету батареи (<i>О М.И. Логинове</i>)	233
Ю.Поляков Остались реликвии (<i>О Г.В. Лядове</i>)	238
В. Желтый Заполярье отстоим! (<i>О Г.В. Маркове</i>)	240
В. Желтый Солдаты незримого фронта (<i>О Л.И. Махневой</i>)	246
Т. Афанасьева «Но верю я, что разобьем врага...» (<i>Об А.И. Мезенцеве</i>)	251
А. Луканик Победа поджидала в Норвегии (<i>О В.А. Обросовой</i>)	256
Т. Юрченко Служил он недолго, но честно (<i>О Б.И. Окулове</i>)	258
Л. Беляков Память остается с человеком (<i>О К.С. Оралове</i>)	259
Т. Семяшкин Сражался на хребте Муста-Тунтури (<i>О С.И. Осташове</i>)	261
Т. Афанасьева В боях за Москву и Кавказ (<i>Об А.Н. Савине</i>)	264
Т. Семяшкин «Вернусь скоро с победой» (<i>О Е.П. Семяшкине</i>)	265
Н. Шарыпов Брат Берлин, потом – Прагу (<i>О Н. С. Соловьеве</i>)	268
Т. Юрчинко Судьба берегла от пули (<i>Об И.З. Степанове</i>)	271
Н. Фролова Как о живом... (<i>Об А.Ф. Филиппове</i>)	273
В. Желтый Это была адская работа (<i>О М.И. Цветкове</i>)	276
Н. Шарыпов «Ленинград мы не сдадим...» (<i>О Ф.К. Шарыпове</i>)	280
В. Желтый Под Чижковкой у реки Воронеж (<i>О М.Ф. Юрлове</i>)	283
В. Желтый Клочок земли у моря... (<i>О Д.Н. Яковлеве</i>)	288
Содержание	292

ВОЙНОЙ ОПАЛЕННЫЕ

Часть III

Автор идеи и составитель Томас Семяшкин

Редактор Раиса Глущенко

Члены редакционной коллегии
Валентина Семяшкина, Евгений Лазарев.

Снимки использованы из семейных архивов ветеранов войны,
их родственников.

Компьютерная верстка Сергея Гаевого.

Набор текста Зинаиды Корнейчук.

Корректор Любовь Чекунова.

Сдано в набор 14.01.2005. Подписано в печать 21.03.2005.

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная. Объем 18,5 пл.

Заказ № 439. Тираж 1000.

Издательство «Печорское время»
169600, Республика Коми, г. Печора, ул. Островского, 71.

60-00

